

Илона Волынская * Кирилл Кашеев

Сивир

КНЯЗЬ ОБОРОТНЕЙ

**Илона Волынская
Кирилл Кащеев
Князь оборотней
Серия «Сивир», книга 5**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6890873
Илона Волынская, Кирилл Кащеев. Князь оборотней: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-60109-7*

Аннотация

Далеко забрался мальчишка-оборотень из тайги! Был Хадамаха стражником в настоящем ледяном городе, был звездой игры в каменный мяч, а стал... преступником в розыске. Только в чем он виноват? Путешествовал в компании страшных Черных – шамана и кузнеца? Взорвал вместе с ними храм Голубого огня и дворец верховных жриц? Так если бы не Черные, не молоденькая жрица Аякчан и не сам Хадамаха – плохо пришлось бы всему Сивиру! Страшную беду удалось предотвратить ребятам, только рано они решили, что на этом их приключения закончились. Другьям предстоит встретиться вновь. И отправиться в новое путешествие – туда, где прямо сейчас нужна их помощь. А Хадамаха должен будет принять решение, которое определит судьбу его семьи, родичей, соседей... и его собственную.

Содержание

Пролог,	4
Свиток 1,	11
Свиток 2,	20
Свиток 3,	31
Свиток 4,	35
Свиток 5,	41
Свиток 6,	44
Свиток 7,	49
Свиток 8,	54
Свиток 9,	62
Свиток 10,	66
Свиток 11,	70
Свиток 12,	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Илона Волынская, Кирилл Кашеев

Князь оборотней

Пролог, в котором люди и медведи охотятся друг на друга

Стойбище горело. Пылало Синим пламенем. Чумы вспыхивали ярко-голубыми кострами, брызгали сиреневыми искрами с золотым ореолом. На фоне темных небес, лишь едва подкрашенных бледно-красными лучами Утренней Зари, это было невероятно красиво. Если бы не удушливый запах горящего меха и кожи, не крики глупых людишек, пытающихся швырять снег из ведер на горящие берестяные стены в надежде спасти свое убогое добро.

Зависшая над пылающим стойбищем жрица Голубого огня нырнула в воздухе, как беременная утка, и, растопырив руки, налетела на старуху в драной исподней рубахе.

– В твоём чуме что, охотничье снаряжение есть? – заорала она, и сорвавшийся с ее ладони клубок Огня начисто выжег снег в кожаном ведре. Вместе с самим ведром. – А нет, так и нечего тут! – провизжала жрица, хватая старуху за ворот и отшвыривая прочь.

Старуха с воплем влетела в охваченный Огнем чум. Кажется, кто-то кинулся за ней, но жрицу это не интересовало. Что такое жизнь глупой старухи по сравнению с тем, что ждет ее саму, если она не выполнит приказ верховных жриц Храма Голубого огня! Что могут потерять стойбищные людишки? Облезлые шкуры да никчемные жизни? Велика потеря! А она... О-о-о, Эрлик Подземного мира и все твари его! Она может потерять все!

– Уот-Огненноглазая, не попусти! – прошептала жрица, взмывая над пожарищем. Толстененькая, коренастая, в белой жреческой рубахе, она зависла на фоне темных небес и бушующего Огня. Из-под края рубахи торчали толстые и кривоватые ноги – как ножки низенького столика-нэптивун. Волосы, перед сном накрученные на трубочки из бересты, развились и теперь бились на ветру неопрятными лохмами. В этих волосах не было ни единой черной пряди, указывая на великую силу жрицы Синяптук во владении Голубым огнем... или на дикие деньги, выкинутые ею за стойкую южную краску ультрамарин.

– Вы разгневали Храм! – пронзительно и страшно, как выпь над болотом, заверещала она. – Я, жрица Синяптук, личная представительница верховных жриц Храма Айбансы и Дьябыллы, заслуженная наставница земли Сивирской, за беспримерные заслуги в борьбе с черным шаманизмом награжденная Ледяной звездой героини Сивира, пришла к вам! Я доверила вам важнейшее для Храма дело поимки все-Сивирского преступника! Но вы не оценили оказанной вам чести! Вы только делали вид, что ловите!

– Мы ловили, большая начальница жрица, мы ловили! – закричали снизу, от чумов. – По следам ходили, весь лес истоптали, ловушки ставили, мы...

Не глядя, жрица Синяптук метнула клубок Пламени – кричавший едва успел шарахнуться в сторону.

– Охотились? – как толстая зловещая сова, проклекотала Синяптук. – Почему же преступник до сих пор не изловлен, не заперт в клетке, не доставлен ко мне? Сколько я могу еще ждать? – она обвела жутким взглядом сгрудившихся внизу людей. – А ну взяли самострелы, копья – и марш на охоту! Или вы приволочете мне из тайги этого зверя – или не вый дете оттуда сами!

Трещали горящие чумы. Не смея рыдать в голос, тихо всхлипывали женщины. Мрачные мужчины принялись разбирать снаряжение.

– Достоправная глоспожа жрица... – вдруг подал глос высокий охотник. – Ежели нам, кроме преступника, еще какой зверь встретится – можно его себе оставить?

– Жадные стойбищные – только о себе думают! Ладно, берите... – презрительно махнула рукой жрица.

Сжечь наглеца за беспредельный эгоизм и нежелание бескорыстно служить Храму... но сейчас ни одно охотничье копье не было лишним. Пусть живет... и жрет, раз ни на что большее не способен!

Зато покрытый ожогами и пятнами копоти полуголый старик неожиданно схватил охотника за плечо.

– Не надо, Димдига! – испуганно прошептал старик. Сейчас никто не опознал бы в нем стойбищного шамана – его шаманская шапка, бубен, мантия, все сгорело с чумом. Но хоть знания удалось вынести из Пламени – вместе с собственной головой. – Хозяин тайги разгневется! Из тайги нельзя брать больше, чем для жизни нужно...

– Очнись, шаман! – высвобождая плечо, бросил охотник. – Для жизни нужна еда, а у нас ничего не осталось!

– Хозяин об этом не знает! Тайга не виновата, что у нас тут жрице Пламя в голову ударило и все мозги выжгло!

– Подстрекаш-шь? – перекошенная злобой физиономия жрицы нависла над ними. Ее рука поднялась для броска, на ладони вскипел клубок Пламени...

Димдига заслонил старого шамана собой...

– Пламенная моя... соратница! – раздался глос из поднебесья. – Вы б как-то пригасили свой... взрывной темперамент! Мы будем выдвигаться на охоту или вам нравится поголовье местных старичков прореживать? Их внуки будут благодарны, но у нас, кажется, другая задача?

Вторая жрица вовсе не походила на Синяптук. Стройная и сильная, как охотница, уверенная и злая. Когда жрицы и их охрана свалились на несчастное стойбище, объявив охотникам, что отныне их дело ловить не соболей, а все-Сивирского преступника, эту, вторую, Димдига боялся больше, чем Синяптук. Жрица Кыыс умна. Теперь-то он понял свою ошибку – дурака бояться надобно сильнее, чем умного.

Жрица Синяптук бросила на парящую рядом Кыыс недобрый взгляд... и Огненный шар погас на ее ладони.

– Собак возьмите! – скомандовала Синяптук. – Пусть нюхом ищут!

– Мы с собаками не охотимся, мы на них ездим! – растерялся Димдига. – Не умеют наши собаки искать-то!

– А теперь – научатся! Что встали? – накинулась она на собственный отряд храмовой стражи. – Гоните их к лесу! И сами – копы на изготровку!

Взятые на ремни ездовые псы нервно взлаивали и крутились, не понимая, чего хотят от них люди. Храмовые стражи шли по обеим сторонам нестройной толпы охотников. Копья и впрямь держали на изготровку – то ли против охотников, то ли против того, что поджидало в лесу.

Стена деревьев приближалась – хмурая, мрачная, будто насупленная. Сине-золотистые блики от догорающих чумов скользили по белизне снежных шапок. Охотники приблизились к этой стене и канули в нее. Последними исчезли ярко-синие форменные куртки храмовых стражников. Потом смолк лай собак – как отрезало, словно скрывшиеся за стеной леса псы все разом исчезли.

Оставшиеся в стойбище женщины, дети и старики разбрелись по пепелищу. Им предстояло погасить чумы, разобрать уцелевшее имущество и поставить хоть какие шалаши. Чтоб охотникам было куда возвращаться.

Только старый шаман все глядел на темный лес и безнадежно качал головой.

Лучи молодой Утренней Зари не пробивались сквозь плотные кроны сосен, и под деревьями царил привычный сумрак. И тишина – напуганные псы прекратили лаять и лишь скулили, прижимаясь к ногам хозяев.

Димдига уверенно торил тропу снегоступами.

– Слышь, Дим-Дигыч... – Друг Покчо покосился на переваливающегося по снегу стражника и понизил голос до шепота: – Чего жрица говорила насчет борьбы с черным шаманизмом? Выходит, правду люди болтают – вернулись черные шаманы? Донгар Кайгал, Великий Черный – вернулся?

– Я откуда знаю? – огрызнулся Димдига, изучая следы на снегу. Следы нравились ему все меньше. Четкие больно. Точно пресловутый преступник, доведший жрицу до того, что она стала плевать Огнем, позаботился, чтобы охотники не отстали и не потерялись.

– А шаман наш чего говорит? – не отставал Покчо.

– Шаман – нормальный белый, как по заветам Храма и положено, и с приходом на Сивир Долгой ночи силу свою теряет. Потому ничего знать не может, – наставительно сказал Димдига.

– А вот был бы у нас шаман, который не только Долгим днем, но и по Ночам силу не теряет, – мечтательно сказал Покчо. – Глядишь, и братца твоего злой дух юер не унес бы, и мать моя до Утра дожила бы...

– Был бы у нас такой шаман – гореть нам всем Синим пламенем. Согласно статье два, пункту один кодекса Снежной Королевы и Ее Советника, – отрезал Димдига.

– Кодекс – он для жриц и богатых родов, – буркнул Покчо. – А мы и так горим, без всякого кодекса. И Советника, говорят, убили. – Покчо снова оживился. – Королева и убила: он с Донгаром поладить хотел и снова черных шаманов в стойбищах завести!

– Заткнулся бы ты... – косясь на жрицу, процедил Димдига. – Вот этим! – и сунул Покчо пучок сушеной травы. – Всем рты закрыть! – прошептал он.

Охотники принялись доставать пучки травы и зажимать их зубами.

– Зачем это они? – пропыхтела лавирующая между ветвями жрица Синяптук.

– Чтобы их мысли не вырвались изо рта вместе с паром и дичь не узнала план охоты, – бросила жрица Кыыс.

– Стойбищные предрассудки, – поморщилась Синяптук. – План нынешней охоты знаю только я!

– Ну... вы можете засунуть себе кулак в рот. Если влезет, конечно... – предложила Кыыс.

– Все шутите, жрица Кыыс! – принужденно усмехнулась Синяптук.

– Я вообще-то издеваюсь, – пробормотала Кыыс, но толстая жрица ее уже не слушала.

Она с хрустом проломилась сквозь низко свисающие ветки сосны и воспарила над охотниками в просвете меж деревьями.

– Вытянуться цепью – через одного, охотник – стражник, да-да, стражников тоже касается! Зажгите факелы! Кричите! Стучите! Пусть собаки лают! Мы поднимем шум! – она ударила кулаком по ветке, та закачалась, стряхивая снег. – И тогда проклятый зверь вскочит со своего лежбища и побежит, побежит...

Здрав головы, охотники ошалело глядели, как толстая жрица, похожая на большую сине-белую муху, мечется под сенью дерев. Только мухи жужжат, а эта – орет.

– По-моему, она слегка перепутала вид нашей дичи, – буркнула Кыыс.

– Шумите, говорю! – разорялась Синяптук. – Или мне подогреть ваше желание служить Храму? – она скрючила пальцы – между ними вспыхнул Огонь.

Стражник ударил древком копья по стволу. В тишине стук прозвучал глухо и жалко.

– Стучите! – прорычала Синяптук.

Стражники грянули копьями по древесным стволам. Растерянный Покчо дернул за ремень своего ездового пса – пес нерешительно гавкнул.

– У-лю-лю! – вдруг завопил кто-то...

Из заснеженных кустов выметнулся отощавший после Долгой ночи заяц. Щелкнул самострел, стрела вонзилась зайцу в бок, опрокинув его в снег. Охотник подвесил тушку к поясу. Через мгновение орали все. Растянувшись длинной цепью, охотники бежали по лесу. Собаки рвались с ремней и захлебывались лаем. Из подлеска сыпалась дичь.

Словно все зверье, что охотники упустили, гоняясь за храмовым преступником, своей волей вернулось к ним. Неслись обезумевшие зайцы. Юркой лентой метнулся по кустам соболь, бессмысленно путая след, побежала обезумевшая от ужаса лисичка. Свистели стрелы, и даже стражничьи копыя припиливали дичь к стволам сосен.

«Мы не умрем! – думал Димдига. – Не сдохнем с голоду посреди тайги, оставшись без чумов, байдары и припасов! Шаман не прав, Хозяин тайги не гневается на нас!» Он снова выстрелил, попал, побежал дальше. Одурев от азарта охоты, неслись отпущенные с ремней псы. Димдига мчался вперед, как настоящий егдыга-богатырь, взвихряя за собой снег, красный снег, пропитанный кровью убитой дичи... Красный снег!

Димдига зацепился снегоступами и рухнул ничком. Холодная снежная маска облепила лицо, возвращая трезвость мыслей. Размахивая копьём с насаженной на него лисой, пробежал храмовый стражник. Глаза его выпучились так же безумно, как у мертвой лисы, и так же страшно скалились зубы. Димдига видел спины стражников, обтянутые ярко-синей кожей форменных курток, и родовичей в охотничьих парках – они бежали и убивали, убивали! А дичь все не кончалась!

«Хозяин тайги посылает столько дичи лишь тем, кто сделал ему доброе. Мы ничего доброго не делали. Значит...»

– Маячка! – одними губами прошептал он. – Морок! Этого ничего нет! Это все нам маячится!

Он уже хотел предостерегающе заорать, останавливая обезумевших родовичей, но все перекрыл вопль жрицы:

– Бросьте эту мелочь! Медведь! Мне нужен медведь!

И медведь вышел навстречу.

Крики стихли. Прекратил орать один охотник, второй, смолк и метнулся за ноги хозяина пес, стражник еще гаркнул что-то в наступившей тишине и смущенно закрыл рот рукавицей.

– Я же сказала, что он побежит, – зависая над охотниками, пробормотала жрица Синяптук. – Правда, я думала, он от нас побежит, а не к нам... Но, как говорится, зверь бежит на ловца!

– Голодный медведь – да, – кивнула Кыыс. – Бежит. На ловца.

Медведь вовсе не выглядел голодным. Здоровенный лохматый черный зверь, слишком сильный и гладкий после Долгой ночи. Светясь, как фонарь над входом в род-совет, жрица Синяптук опустила на землю – на безопасном расстоянии от медведя. Испытывающе уставилась ему в морду. Медведь уставился на нее в ответ.

– Это он? – уголком рта процедила жрица Синяптук. – Жрица Кыыс, вы ж его знаете – он это?

– Я его знаю в лицо! – приземляясь за спиной у Синяптук, буркнула Кыыс. – А не, простите, в морду!

Жрица Синяптук запустила руку за пазуху и вытащила листок бересты. С рисунка глядела простецкая мальчишеская физиономия, плоская, как бубен, с маленькими глазками, тупо и сонно пялящимися из-под низко нависающих бровей, и короткими, наверняка жест-

кими, как медвежья шерсть, волосами. Жрица покосилась на рисунок, на медведя, снова на рисунок... и разочарованно выдохнула:

– Безобразие! В человеческом облике нарисовали, а в медвежьем...

– Вернетесь в Храм, предъявите претензии своему начальству, – отрезала Кыыс.

Синяптук сморщилась, точно полную горсть черемши в рот запихала, и решительно шагнула к медведю.

– Хадамаха, подданный Храма медвежьей национальности! – рявкнула она.

Медведь дернулся – аж лапы подогнулись – и отступил назад.

– Брат Медведя из племени медвежьих людей Мапа, – поправила Кыыс, но Синяптук не обратила внимания.

– Бывший стражник городской стражи ледяного города Сюр-гуд! Бывший игрок в каменный мяч!

При каждом выкрике Синяптук медведь испуганно пятился, а она наступала на него, и следом за ней шли Кыыс и храмовые стражники. Синяптук поняла, что она победила! Вот он, беглец, она нашла его, узнала, несмотря на медвежий облик.

– Вы обвиняетесь в разрушении храма Огня города Сюр-гуд и сотрудничестве с черными: шаманом Донгар Кайгалом и кузнецом Хакмаром из клана Магнитной горы! Однако, снисходя к тому, что вам только пошел четырнадцатый Долгий день от рода, а также к собственной всем родичам медведей тупости и необразованности...

В маленьких глазках медведя мелькнула обида.

– ...верховные жрицы Храма Айбанса и Дьябылла готовы дать вам возможность оправдаться и искупить свою вину...

– Если возможность – оправдаться, зачем еще что-то искупать? – спросил гулкий, слегка порывистый голос. – Выходит, вины-то не было.

Синяптук подозрительно поглядела на медведя – он сказал?

– Медведи, они не очень-то купаться любят, – сочувственно пробурчал храмовый стражник.

– Молчать! – бросила Синяптук. Бесстрашно шагнула к медведю – и ухватила его за мохнатый загривок. – Наговариваться тут будешь! – заорала она. – Айбанса и Дьябылла желают тебя видеть! А ну вылезай из шкуры! Будь человеком, животное! – она попыталась встряхнуть медведя, как щенка.

– Синяптук! Это не тот медведь! – взмывая в воздух, крикнула Кыыс.

Поздно. Глазки медведя заволокла алая пелена ярости. Неожиданно стремительным для такой туши движением медведь сгреб жрицу в охапку. Кинжальной остроты когти вонзились ей в плечо. Жрица закричала тонко и жалобно, как заяц перед смертью.

– Не стрелять, в нее попадете! – заорал десятник храмового отряда.

– Пламя, дура-колмасам, Пламя! – крикнула Кыыс, налетая сверху и швыряя медведю на макушку клубок Огня.

Тело Синяптук окуталось голубым ореолом. Взревев, медведь отшвырнул ее, как ребенок горячую головешку. Жрица ударилась об ствол сосны, упала в снег – под ней расплывалось кровавое пятно. Тенькнули самострелы. Медведь отскочил, стрелы кучно просвистели мимо, лишь одна воткнулась в толстую ляжку и застряла в густой шерсти. Медведь кинулся прочь.

– Взять его! – прохрипела Синяптук. – Пускайте собак!

Охотники отпустили ремни – псы кинулись. Одни со всех лап рванули назад – прочь от окровавленного снега, ревающего во тьме медведя, искрящей Пламенем жрицы. Другие, захлебываясь запахами крови, страха, азарта, с неистовым лаем ринулись за медведем.

Лай смолк, сменившись рычанием, ревом и отчаянным, предсмертным визгом. Жрица Кыыс запустила в темноту шар Огня. Прочертив пылающую дугу, шар пронесся под дере-

вьями... Навстречу ему из тьмы вылетело тело собаки. Собака и шар столкнулись – туша осыпалась на снег серым пеплом. В мгновенной вспышке стал виден медведь. Он вскинулся на дыбы, широко развел передние лапы, точно готовился принять в объятия всю стаю. Молоденький пес-двухдневок насадился прямо на медвежьи когти. Еще одна собака забилась в снегу, медведь переломил ей позвоночник, третью разъяренный зверь сгреб лапами – оскаленная собачья башка отлетела в одну сторону, тело – в другую.

– Стража, к бою! – ворочаясь в снегу под сосной, хрипела Синяптук.

– А-а-а! – выставив копыя, храмовые охотники кинулись к медведю.

– Стойте! – заорал им вслед Димдига. – Это ловуш...

Медведь вновь взревел... и их стало двое. Второй медведь вынырнул из-за деревьев. С размаху переломил копые и лапой отмахнулся от стражника. Стражник с воплем улетел в кусты, а вылез оттуда... медведь. И еще один. И еще. Громадные, как живые холмы, неслышные, как тени, и стремительные, как... как настоящие медведи! Затрещали в могучих лапах стражничьи копыя, затрещали и кости... Впереди несясь черный лохматый медведь, и в реве его слышались совсем человеческие интонации – точно приказы он отдавал. Взмах лапы – и медведи врезались в людскую толпу, отделив охотников от храмовых стражников.

– Умеешь отвлечь внимание, да, Хадамаха? Всегда был умен! – жрица Кыыс вытащила из складок рубахи изящный маленький самострел. Вместо обычной костяной стрелы – заостренный штырь южной стали в палец толщиной. – Извини, парень. Это у Синяптук приказ тебя живьем взять, а у меня совсем другой...

Шар Голубого огня взвился, освещая схватку. Кыыс вскинула арбалет на вытянутой руке, выцеливая черного медведя... Уголки губ ее дрогнули, словно хотели исказиться гримасой жалости – хотели, да не смогли! Кыыс рванула рычаг!

Удар кулака подбил самострел снизу, и стальной штырь воткнулся в ветку сосны. Самострел вылетел из рук жрицы... и шарахнул ее по голове! Выскочившее из подлеска существо – то ли человек, то ли медведь – ухватило жрицу под мышки и уволокло в кусты. Только пятки мелькнули.

Охотники кинулись бежать. Роняя самострелы, они мчались прочь от места, где сами стали дичью для разъяренных медведей. Только Димдига и Покчо, выставив хлипкие охотничьи копыя, пытались прикрыть отступление сородичей. Храмовые стражники бежали вслед за охотниками.

– Куда? Не смей! – с трудом поднимаясь на ноги, заорала жрица Синяптук. Ее глаза пылали так, что, казалось, сам Голубой огонь бушует под черепом. Воздух за спиной дрогнул, и кто смотрел на жрицу, тем показалось, что позади нее мелькнул смутно различимый призрачный силуэт. Жрица махнула рукой – и сноп Пламени, огромный, какой никогда не получался у нее в спокойной жизни школьной наставницы, рухнул наперерез удирающим людям. Языки Голубого огня побежали по промерзшим древесным стволам, точно те были пропитаны жиром. Снег на ветках взвился облаками пара. Голубой огонь охватил кроны. Перед людьми и впрямь была стена убийственного Пламени. Воздух мгновенно стал сухим и драл горло, как прошлодневная вяленая рыба-юкола.

Синяптук захохотала – и метнула новый клубок Огня в медведей. И еще... Еще! Черный медведь опрокинулся на спину, стараясь сбить Пламя об снег. Жалобно подвывая, медведи металась среди Огня – шерсть на них трещала и скручивалась. Горящие ветки с треском рушились вниз.

– Не нравится? – прохрипела Синяптук. – Всех сожгу-у-у! Все зверье ваше пожгу-у-у! Всю тайгу! Не смей противиться Голубому огню и Храму его!

Хохот Пламени смолк, точно подавился.

Тайга ответила. Земля закачалась. Деревья потянулись вверх, пошли волнами, как река на перекатах... Над тайгой вставал медведь.

Это не был обычный лесной зверь. Он и медведем-то на самом деле не был! Словно прозрачный контур медвежьей фигуры прочертился на темных небесах, а внутри него было все: и мрачные елки, торчащие, как лохматая шерсть, и трепещущие лиственницы, как подшерсток. И сверкание оскаленных зубов, сложенных из звезд! Неимоверный медведь поднял лапу... Над пылающим лесом нависла тьма, более черная, чем самая темная Ночь! Темнота эта ринулась вниз, и удар обрушился на землю, вбивая в нее бушующий Голубой огонь. Земля содрогнулась!

– Хозяин тайги Дуэнте! – падая в снег, завопил Покчо.

Из-под лапы разъяренного духа вывернулось что-то мелкое... Роняя искры Голубого огня, жрица Синяптук полетела прочь. Дуэнте взревел – будто тысячи огненных потоков чэконаев прорвались на среднюю Сивир-землю! Хозяин леса махнул лапой, как медведь, ловящий муху. Когти-молнии полыхнули во тьме небес. Муха оказалась неожиданно шустрой. Синяптук вильнула в воздухе, синей дугой промелькнула в небе и скрылась вдали. Хозяин леса взревел снова. Ломаясь, как тонкие веточки, рушились старые сосны. Хозяин леса топнул – и его лапа нависла над сбившимися в кучу охотниками...

– Не надо! Не наказывай их! – закричал Димдига, бросаясь между духом тайги и родо-вичами. – Я виноват! Я по приказу жрицы за медведем пошел! Добычи хотел! В стойбище бабы, детишки голодные...

Чуть не силой он заставил себя замолчать. Перед тайгой нельзя оправдываться. Димдига обхватил голову руками и присел на корточки, готовясь умереть.

Непроницаемая тьма повисла над ним... Исчезла... Напуганный тишиной больше, чем ревом, Димдига поднял голову... Над ним мерцали глаза – размером с два шаманских бубна. Дух леса смотрел на него, и внутрь него, и сквозь него, видя разом всех охотников его рода – и деда, и прадеда, и дальше, дальше... Коготь мелькнул поперек лица Димдиги, и вспыхнула боль! Иссущающим жаром хлестнул Димдигу рев:

– Помни!

Остро пахло горелым деревом, паленой шерстью и... жареным мясом. Димдига судорожно сглотнул – лучше он станет есть мясо сырым! Медведей не было. Ни бурых, ни черных, ни... Никаких. Только выжженный лес и сородичи, среди которых затесались уцелевшие стражники.

– Ну ты даешь, Дим-Дигыч... – копошась в черном от золы снегу, выдохнул Покчо.

Димдига повернулся к нему. Из пересекающего его лоб длинного разреза сочилась кровь.

Вскоре вождь Димдига, прозванный Помнящим, уведет своих людей из тайги. И навсегда заречется влезать в дела жриц, Храма, духов, черных шаманов и медведей! Правда, влезть в дела жриц и шаманов ему все-таки придется... Но это будет еще не сейчас.

Свиток 1, про то, что медведи любят не только поесть, но и послушать интересные истории

Где-то в тайге, несколькими свечами позже.

Жила одна девушка из охотничьих людей хант-манов. Ходил мимо жрец-геолог, места рождения Голубого огня для Храма искал. Зашел тот геолог к той девушке, и от того захода Донгар Кайгал, Великий Черный Шаман вышел...

Жрице Кыыс, великой и достославной, личной посланнице Снежной Королевы и почти назначенной (если нынешняя миссия удастся!) настоятельнице храма Огня в Сюр-гуде, было тепло. Внутри ощущалась голодная пустота – она здорово растратила запас внутреннего Огня. Теперь с каждым брошенным Огненным шаром, с каждым разожженным костром она станет мерзнуть все сильнее и сильнее. Но сейчас она лежала, зарывшись во что-то лохматое, колючее... Теплое-е! Глаза не открывались, веки казались тяжелыми, точно к каждому по мешку вяленой рыбы привесили. В ушах стоял комариный звон – хотя не лето вроде? Сквозь звон пробивался голос – старательный, как у начинающего певца-олонхосута.

– Великий Черный сам маленький еще был, а уже сильно великий! Волки к нему из тайги выбегали, мамонты-Вэс из вечной мерзлоты откапывались, а многоголовые мэнквы-людоеды по пятам ходили, как собаки за хозяином. Волки придут – по дороге оленей соседских задерут, Вэс пройдут – стойбища потопчут, многоголовые мэнквы людишек пожрать норовят и самого Донгара в первую голову (чтоб даже второй голове не досталось, не говоря уж о третьей!). Но то все, как говорится, издержки величия.

Нет, не певец... Те не так рассказывают...

– Подрос Донгар Кайгал, тринадцать Долгих дней ему сравнялось и тринадцать Долгих ночей. Жалел он людей земли Сивирской, нет им в Ночи защиты ни от кулей, что болезни наводят, ни от злых духов-юер, что из детишек малых кровь пьют, ни от авахи подземных, что скот жрут да женщин крадут, а иногда наоборот... Белые шаманы по Ночам силу теряют, а черных шаманов, что в Ночи камлают да в Нижний мир ходят, достославные жрицы Храма Голубого огня еще тысячу Дней назад извели, даже на развод не осталось! Говорит Донгар матери своей: «Нарту давай мне, припас давай, пойду по Средней земле!» Ушел из родного селения, очень быстро ушел, можно сказать – в темпе, потому как его там уже бить собирались. Пошел – духов своих нашел, а может, они его нашли. Тут он как-то мутно рассказывал, не понял я... – Голос утратил интонации сказителя и стал извиняющимся.

Кыыс знала этот голос. Вот сейчас звон в ушах утихнет, мысли, скачущие, как блохи в старой шкуре, в кучку соберутся, и она сообразит, кто это...

– Друзей Донгар встретил, с которыми предсказано ему было Сивир спасти. Хакмара, южанина из гор Сумэру, кузнеца такого искусного, что мастерством он с самим подземным кузнецом Хожиром меряется, а носом, заданным гордо, за Нижние небеса цепляется. Еще Аякчан, жрицу Храма, и настоящую ведьму-албасы – дочку самого Эрлика, хана Нижнего мира, и Уот Огненноглазой, повелительницы Пламени подземного и небесного! Аякчан так Голубым огнем владеет, что ее матери Уот не стыдно! Красой Аякчан с небожительницами-аи равняется, а от склочности характера ее подземные авахи на два Дня пути окрест разбегаются. Ну и меня еще встретил шаман... На мою голову... Скромного сотрудника городской стражи города Сюр-гуд Хадамаху, Брата Медведя...

Хадамаху? Хадамаху! Жрица Кыыс невольно сжалась. Снова попыталась осторожно открыть глаза – в этот раз получилось. Взгляд ее вперился в небо. Темный купол Нижних небес высоко-высоко над головой. Яркие колочки звезд растворялись в красных бликах при-

ближающейся Утренней Зари – сейчас они казались жрице не радостными, а зловещими. Совсем близко раздалось странное ворчание – непонятно, кто говорил и что. Видно, спрашивал, потому как Хадамаха ответил.

– Кем предсказано? – переспросил рассказчик. – Да самой Умай, Матерью-Землей! Так она сказала... Кому? Мне же и сказала! Да, встречался! То есть... я хотел сказать... виделся. – В его голосе послышалось смущение, он поторопился сменить тему. – Не случайно же мы с ребятами сошлись вместе, клянусь Хозяином тайги! Потому как шутки шутками... – Голос рассказчика посерьезнел. – Если бы не черный шаман, кузнец и жрица... Духи болезней вырвались из Нижнего мира, заражая все живое, мэнквы-людоеды заполонили Сивир, выедавая все живое, а подземные чэк-наи, потоки нижнемирского Рыжего огня, захлестнули Среднюю землю, сжигая что осталось. Ну и я помог – нашел того, кто за этим стоит.

Жрица тихонько вздохнула – все правда. Уж она-то знала.

Рядом снова раздалось вопросительное ворчание.

– Да кто ж, кроме господина Советника, сопровителя нынешней Снежной Королевы! – досадливо рывкнул рассказчик. – Решил сделать как лучше – спасти Сивир от тирании Храма! Дескать, власть жриц держится на Голубом огне, с которым только они справиться могут, а ежели другой Огонь добыть, и без жриц обойдемся. Тут как раз тот самый геолог – папаша Донгара – возьми и отыщи Озеро Уот Усуутума Огненной, до краев Рыжим пламенем налитое! Тринадцать Дней господин Советник в обстановке особой секретности к Озеру в Нижний мир пробивался. А как пробился – тут-то все и началось! Эрлик Нижнемирский, да ни одна, самая тупая, жадная и ленивая жрица таких бед натворить не могла, как этот борец за все-Сивирское счастье!

Жрице понадобилась вся ее воля, чтобы удержать всхлип. Ей до сих пор снилось: бездна под ногами, обрывающаяся из Среднего мира – напрямик в Нижний. И невероятное, невозможное Озеро Пламени – не благословенного Голубого, такого родного и привычного, а проклятого Рыжего, убийственного подземного Огня! И жуткие чудовища, которым подручные Советника закачивали прямо в жилы черную воду Великой реки, что течет меж тремя Сивир-землями: Верхней, духов и небожителей-аи, Средней землей людей и Нижней – зловещим царством Эрлик-хана, землей умерших и обителью злобных авахи. Пытались жрицы Рыжего огня сделать! Она тоже должна была стать такой – с изломанным, получеловеческим, полупаучьим телом и жидкими рыжими патлами, свисающими на мертвое, лишенное чувств и мыслей лицо, – если бы не появились Хадамаха с друзьями.

– Конечно, так тебе жрицы и признаются, что прямо под носом у их Королевы ее же личный Советник заговор готовил! Теперь говорят, что это Донгар Сивир погубить хотел, а Советник погиб как герой – в тяжелой битве с Черным Шаманом и его гнусными приспешниками! Правду говорят: тяжкая битва была. Замаялись, пока Советника вычислили, а потом в Огненное Озеро затолкали! Людей, которых он в чудищ переделал, Черный Шаман в Нижний мир отправил, они там жить смогут. Подземелье его рушиться стало, девушка-жрица Аякчан нас в шаре Голубого огня наружу вынесла. И еще двух захваченных Советником жриц прихватила – Кыыс да Синяптук...

Кыыс осталась неподвижной – если Хадамаха думает, что благодарность заставит жрицу позабыть интересы Храма и приказ Снежной Королевы... Значит, он мало общался с Аякчан! Она начала медленно поворачивать голову – надо, наконец, понять, что с ней и где она находится.

– С тех пор Черный Шаман и его друзья бегут от Храмовой погони. Долго уже бежим... И счастливо! Раз до сих пор на воле. По крайности, я. Про остальных не знаю, разделились мы, четверых-то ловить легче. Хотя жрицы нас и поодиночке не забывают. Жрица Кыыс, вам

там как, возле мишки, не тесно, не жарко? – не меняя тона, словно еще продолжал рассказ, спросил Хадамаха.

Уже не скрываясь, Кыыс повернулась – и ткнулась носом в жесткую, лохматую шерсть. Обоняние подключилось к слуху и зрению – в нос Кыыс ударил запах зверя!

С глухим воплем она скатилась с лохматого, жаркого, дышащего... и грянулась на что-то твердое, жесткое, звенящее... Как была, на четвереньках, слепо дернула прочь – твердое-звенящее раскатывалось, больно впиваясь в босые колени и ладони...

Вслед ей раздался недоуменный рев и... раздраженный окрик:

– Эй-эй, куда? А ну, спокойнее!

Ее схватили, она завопила снова, ударила ногой – кажется, попала. Не помогло. Хватка на щиколотке только стала крепче – и ее поволокли назад, животом по тому твердому-острому-звенящему.

– Вроде бы только одна ваша мать-основательница Храма, которая в Аякчан возродилась, была дочкой Эрлик-хана. А кажется, что он всех жриц до единой породил! Лягаются, как трехногие нижнемирские авахи! – потирая ушибленную грудь, пробормотал Хадамаха. – Спокойнее, госпожа жрица! Никто вам голову откусывать не станет... Во всяком случае, пока, – добавил Хадамаха, придерживая Кыыс за плечо, чтобы снова не рванула прочь.

Но жрица лишь завороченно глядела на открывшееся ей зрелище.

Посреди лесной поляны горел костер. Обыкновенный Голубой огонек, разожженный одноразовым храмиком – прозрачной, как изо льда отлитой трубочкой. Нажмешь колесико, ударит кремешок, и на конце трубочки вспыхнет крохотный язычок Голубого пламени. Вокруг костра сидели медведи. Черные, и бурые, и слегка сероватые. Громадные, как ожившие холмы, и поменьше. Наверное, тут был медведь, которого Синяптук приняла за Хадамаху, и тот, которого посчитала Хадамахой сама Кыыс, – но отличить их сейчас она не в силах. Сам Хадамаха тоже тут – в человеческом облике, да еще и в синей куртке храмового стражника. Куртка маловата – плечи все-таки медвежьи. Руку стягивала повязка – видно, одна из стрел его достала. У медведей на лапах и боках тоже красовались повязки, да и шкура у многих подпалена. Под лапами медведей, там, куда достигал свет костра, блестело... золото! Оно было везде. Плотно, как ковер, устилало поляну: золотые бляшки, монеты, тарелки, кубки...

«Некоторые еще мечтают есть на золоте и спать на золоте... Попробовали бы они посидеть на золоте!» – мелькнуло в голове у Кыыс.

Золото висело на окружающих поляну деревьях: кувшины, сережки, подвески, кольца, изукрашенные золотом пояса... Посередине поляны стояла золотая статуя. Отблески «медвежьего костра» выхватывали из темноты то ее крепкие руки, стиснутые на копье, то с невероятным искусством выкованные тонкие золотые косички, то лицо – старое, потом вдруг молодое, а то и не лицо вовсе, а голова гусыни, морда лосихи... Словно оно разом было всем! А может, свет костра так обманывал.

«Или еще проще – я сошла с ума, – подумала жрица. – Ничего нет – ни засыпанной золотом поляны, ни мальчишки в куртке храмового стражника, ни медведей у костра! Особенно медведей...»

– Они мне помогли, по-родственному. А я их вот... вяленой рыбой-юколой угощаю и истории рассказываю, – кивая на медведей, слегка смущенно пояснил Хадамаха. – Про нас с ребятами. У костра всегда истории рассказывают – чтобы звери в лесу слышали. Звери истории любят. И классику: про ворона там, про выдру, про верхнего духа Эндури, как он на пару с гагарой Среднюю землю создавал... И свежачок тоже!

Здоровенный медведь запустил лапу в берестяной туесок с юколой, печально оглядел сморщенную рыбку и перевел заинтересованный взгляд на Кыыс. На морде его было написано, что свежачок он уважает не только в историях!

– Где я? – прохрипела Кыыс, отползая под выбирающим взглядом медведя. – Это – что?
– А то вы не знаете! – хмыкнул Хадамаха. – Чему-то же вас учили в храмовой школе.
– Поляна Золотой Бабы! – обалдело выдохнула Кыыс. – Но ее же... нет! Нам говорили... Шаманский фольклор!

– Вам и про черных шаманов говорили, что их нет! – усмехнулся Хадамаха. – И не поляна Золотой Бабы... – он неприязненно поморщился. – А храм Калтащ-эквы, Матери-Земли Умай! Единственный на весь Сивир.

«Храм – у Голубого огня!» – должна была сказать Кыыс... и не сказала. На поляне Золотой Бабы, в окружении медведей обсуждать главенство Храма Огня... неуместно. Место не то.

– Как... я сюда попала?

– Я принес, – с готовностью ответил Хадамаха.

Кыыс пощупала затылок.

– Ты меня по голове огрел?

– Давайте сделаем вид, что на вас камешек упал. С неба, – любезно предложил Хадамаха. – А то ведь и я могу поинтересоваться, в кого вы из самострела целились.

Жрица упрямо поджала губы.

– У меня приказ, – глухо сказала она. – После всего, что случилось... Снежная Королева не хочет, чтобы ты жил. И эта девушка, Аякчан, которая так лихо орудует Огнем, тоже...

В то, что Аякчан – дочь самой Уот Огненноглазой, Кыыс не верила. Она повидала много удивительного, но помилуйте, в наш просвещенный День принимать всерьез сказочки про вернувшуюся из Нижнего мира мать-основательницу Храма! Аякчан просто талантливая, а сила ее к Огню невообразима... и смертельно опасна для обыкновенной храмовой ученицы, лишенной богатой родни или поддержки собственной партии среди жриц. Такую силу надо тщательно скрывать, пока не взберешься на самый верх... или те, кто сидит на этом вершуре сейчас, позаботятся, чтобы ты никогда не смогла подняться! Что проще – опустить сильную выскочку... на глубину могилы. А уж когда верховные жрицы отправили чурбанку Синяптучку с приказом взять Аякчан живой, стало ясно – девчонка должна быть мертвой, и только мертвой. Нельзя позволить, чтобы такая силища досталась старым замерзавкам! Хотя да, жаль... Аякчан могла бы стать великой жрицей. А умрет никем. Потому что сила в храмовой жизни – далеко не главное.

– Для тебя я сделала, что могла! – торопливо сказала Кыыс. Она и впрямь не понимала этот приказ Ее Снежности: Аякчан следует убить, но Хадамаха чем помешал? Синяптучка, в которой секреты держатся, как Огонь в берестяном туюске, сама созналась, что верховным жрицам Брат Медведя нужен только как игрок в каменный мяч! – Я даже согласилась, чтобы Синяптук забрала тебя, если поймает.

– Умгум. А потом она устроила на меня охоту, дурную, как сто пудов дыма, и вы попытались под шумок меня пристрелить! – жутковато, по-звериному, оскалился Хадамаха.

Медведи у него за спиной прекратили чавкать юколой и дружно уставились на Кыыс. Видно было, что одно слово Хадамахи, и его мохнатые родственнички немедленно выяснят, какова жрица на вкус. Холод, словно из ее тела выкачали последние искры Огня, охватил Кыыс под этими взглядами.

«А может, права Ее Снежность, а верховные обманули чурбанку Синяптук? И Хадамаха не просто игрок в каменный мяч? Человек (ну, пусть не совсем человек), которому служат лохматые дети Хозяина тайги, или сам должен служить Храму... или не быть вообще!»

– Воля Храма должна быть выполнена! – отчеканила Кыыс. Ноги ее подворачивались, застревая в золоте, но на спрятанной за спиной ладони вскипал Огненный шар.

– Какая воля? – зло спросил Хадамаха, и его медведи медленно поднялись на лапы и разошлись по краям поляны, неспешно беря жрицу в широкое полукольцо. – Королевы?

Верховных? Или жрицы Синяптук, которая взяла и сожгла стойбище охотников за то, что они ей не угодили?

– Жрица Синяптук – полная колмасам! – хмыкнула Кыыс. И, не удержавшись, буркнула: – Можно даже сказать, жирная колмасам!

– И эта жирная колмасам делает с другими, что сама хочет, просто потому, что она жрица, – устало сказал Хадамаха. – Или скажете, за стойбище ее накажут?

– Накажут? Жрицу? – растерялась Кыыс.

Хадамаха горько усмехнулся.

– Кто б сомневался... Храм меня, конечно, все-Сивирским преступником объявил, только раньше-то я городским стражником был! Мало, совсем мало... – Хадамаха горестно развел руками, и на его простецкой физиономии появилось знакомое выражение «я наивный таежный парень», которым он когда-то обманул многих, и саму Кыыс тоже. – Не успел еще научиться, что для богатых родов – один закон, для бедных – другой, жрицы сами кодексы пишут, а вот для них закон не писан! Я знаю только, что вытаскивать Рыжий огонь на Среднюю землю – нет такого закона! – Хадамаха прекратил корчить из себя таежного медведя и требовательно уставился на жрицу. – Чтобы вместе с ним снова чудища Нижнего мира к нам перли! Кули еще при Советнике были, мэнквы-людоеды тоже – кто теперь явится? Нижние авахи, воители Эрлик-хана, сомкнутыми рядами с копьями наперевес?

– Откуда ты знаешь про Рыжий огонь? – вскинулась Кыыс. – Кто тебе сказал?

Разошедшийся Хадамаха остановился и недоуменно уставился на жрицу.

– Мы уже договорились, что единственная колмасам – это жрица Синяптук, – после недолгой паузы произнес он. – Жрица Синяптук по приказу верховных должна захватить Аякчан и уничтожить черного кузнеца и черного шамана. А вот у вас совсем другой приказ – доставить их живыми и здоровыми. Зачем бы, если ваша Королева не собирается подобрать наследство своего Советника?

Жрица Кыыс отвела взгляд. Похоже, у их кратких бесед с Синяптук (если, конечно, безобразные скандалы на грани настоящей Вспышки можно назвать беседами) был невидимый свидетель. Сколько времени Хадамаха следил за ними, пока они думали, что выслеживают его? Этот полумишка, полумальчишка очень, очень опасен!

– Или вы мне сейчас расскажете, что сбылась мечта Донгара? – продолжал Хадамаха. – Голубая мечта черного шамана... И Храм Голубого огня разрешит черным камлать и защищать людей Средней земли от чудищ Ночи?

– Нет, камлать Донгару, конечно, не разрешат... Тысячу Дней черными детей пугали – и вдруг разрешить? – стараясь сохранять невозмутимость, ответила Кыыс и отступила на шаг. Незаметно не получилось – она снова поскользнулась на золоте, больно ушибая босые пальцы. Но продолжала говорить: – Они все равно могут послужить Хра... то есть Сивиру, конечно! Сам помнишь, что говорил покойный Советник: все черные – прямые потомки Калтащ-эквы, Матери-Земли Умай, и малая доля крови Калтащ, черной воды, течет в их жилах. Они смогут править Рыжим огнем! И никаких отрядов авахи не будет.

Хадамаха поглядел на нее так, что Кыыс чуть не задохнулась от гнева. Так не смотрят на жриц, великих и достославных! Так смотрят на... опасных безумцев, к которым давно уже бригаду знахарей пора вызывать!

– Сами были в подземелье Советника! Все видели! И что там с людьми делали, и... – Хадамахе не хватало слов, он только возмущенно поглядел на жрицу – и его медведи придвинулись ближе.

Кыыс коротко рассмеялась.

– Ты такой хитрый, Хадамаха, и по-человечьи, и по-медвежьи, ты такой сильный и бесстрашный боец... Не скромничай, я и впрямь в том подземелье была и видела, как ты дрался! – заметив, как вспыхнули щеки парня, снисходительно похвалила она. – Что я порой

забываю – тебе всего четырнадцать Дней, и ты на самом деле еще почти ребенок! Добрый, благородный и наивный мальчик. Да, была, да, видела и сама чуть не пропала – и что с того? Разве это повод, чтоб Храм отказался от такой силищи, раз уж она существует?

Они устали друг на друга недоуменно. Кыыс пожала плечами – лесной зверек, кажется, и впрямь не понимает!

– Пойми ты, пень таежный, если Королева получит Рыжий огонь, она сможет, наконец, избавиться от верховных! – раздельно, как глухому или умственно отсталому, пояснила она. – Из-за пакостных старух внутри Храма постоянно идет звериная грызня... Не в обиду присутствующим сказано! – торопливо бросила она рыкнувшему медведю. – Верховные постоянно дерутся между собой, уничтожают друг друга – и тех жриц, в которых видят противниц своей власти. А это самые сильные, самые умные, самые умелые...

«Как Аякчан. Которую велела убить Королева», – вдруг подумала жрица... но лишь упрямо тряхнула головой. В каждой битве есть свои жертвы!

– Верховные противятся воле Королевы... Глядя на них, другие жрицы тоже... Склоки, интриги, подсиживания... – она брезгливо поморщилась. Сама насчет интриг и подсиживаний умела и делала, но... сколько полезных и нужных для величия Храма деяний можно было бы совершить без внутривраждобойной грязи! Ее нужно выжечь – и неважно, Голубым или Рыжим огнем! – Верховные раскалывают Храм. Без них, под властью Королевы, Храм станет единым – и мы будем всемогущими! Мы будем везде!

– Вы обязательно должны быть всемогущими и чтобы везде? – тихо спросил Хадамаха. Кыыс строго поджала губы.

– Еще распинался: «Я стражник, я за закон!» – передразнила она. – Стражник должен лучше всех понимать: нет власти – нет закона. А власть – у кого сила. У кого, кроме Храма, на Средней земле есть сила?

Медведи взревели, все, дружно. Черный здоровяк ударил лапой по золотой чаше, плюща ее в лепешку, оскалил клыки...

– Зайцев такой силой пугай! – даже не повернув головы, отрезала жрица. – А у нас на вашу силу есть другая! – Она привычно размахнулась...

Пылающий Огненный шар сорвался с ее ладони. Взвился по красивой высокой дуге – тысячей бликов засверкало золото на поляне – и ударил Хадамахе точно в лоб. Что ж ты, мишка-мальчишка, всерьез думал, что жрица с тобой просто так болтает?

Шар глухо пшикнул... И рассыпался безобидными искорками.

Хадамаха недобро усмехнулся, скаля крупные желтоватые зубы. Кыыс повернулась и, босыми пятками по золоту, ринулась прочь с поляны. Сзади глухо ударили тяжелые лапы – медведи кинулись за ней. Но жрица уже проскочила между увешанными золотом деревьями... и стремительно взвилась в воздух.

– Ага! – торжествующе завопила она, когда сорвавшийся с ее ладони Шар взорвался перед медвежьей мордой, проплавив в снегу черное пятно. Может, на поляне Золотой Бабы даже Голубой огонь не смеет убивать, но стоило выбраться за это золотое кольцо, как все вернулось! Сейчас она им покажет! Беспорядочной толпой медведи вывалились с заповедной поляны... завертели тяжелыми башками... Лавируя между ветвями, жрица отлетела подальше. Пусть отойдут хоть на пару шагов, тут-то она их и накроет!

Тут-то ее и накрыло! Нечеловеческая, раздирающая боль, которую, наверное, могут испытать лишь те, кого едят заживо, вспыхнула в ноге! Жрицу выгнуло дугой, Огненный шар вывалился из ее рук, плавя снег. Проламывая ветки, Кыыс ухнула в талую лужу. Боль раздирала ее в клочья, заставляла кричать, не помня ни чести, ни достоинства жрицы, выть, биться... Она не видела, как, выступая из темноты, идут к ней медведи – громадные, неотвратимые... Боль застилала глаза красным Огненным покрывалом. Единственное, что она

смогла, – извернуться всем телом и, подтащив собственную ступню к самым глазам, увидеть источник расплзающейся по всему телу боли.

Кыис закричала так, что предыдущие ее вопли показались тихим шепотом. На мизинце ноги была намотана тонкая золотая проволока. А под этим едва заметным золотым колечком нога гнила. Как гниют трупы, брошенные на летней жаре! Гниль уже захватила пальцы и расплзалась по ступне. Кожа чернела, обвисала смердящими лохмотьями и лопалась, из-под нее вскипала бурая жижа. Ломая ногти, Кыис вцепилась в тонкий золотой ободок. Плоть со ступни отвалилась, ляпнувшись в талый снег вонючим куском. На ее месте показалась кость – белая, голая, точно обглоданная! Ногти Кыис скребли по кости – но проклятое кольцо не снималось, золотой ободок врос намертво! Нога начала раздуваться, кожа почернела и истончилась, норовя вот-вот лопнуть, смрад ударил в ноздри...

Медведь наклонился к корчащейся на земле жрице, с интересом повел носом и... толкнул ее лапой. Волосы Кыис взъерошило дыхание жаркой пасти.

– Оставьте ее! – позвал с поляны усталый голос.

И медведи пошли обратно. Мимо Кыис, как мимо падали, неинтересной даже для уважающих мясо с душком детей леса. Последний скрылся среди деревьев Золотой поляны.

Кыис поползла. Цепляясь пальцами за снег, волоча за собой неподвижную, как колода, ногу и воя от нестерпимой боли, она ползла к поляне Золотой Бабы. Полоса черного гноя оставалась за ней в белом снегу. Увешанные золотом деревья были далеко. Бесконечно далеко. Кыис казалось – она и не отлетела почти, но ползти обратно пришлось вечность. И еще одну. Вытянуть руки. Подтянуться. Вытянуть руки, опереться... Еще на локоть вперед... Еще... Нижняя ветка, обкрученная толстой золотой цепочкой, больно хлестнула по лицу. Кыис зарычала на нее, глупо и бессильно, как раненое животное, и безнадежно поглядела на скопившийся под корнями сугроб. Переползти через него сейчас было все равно что перебраться через горы Сумэру. Кыис глухо зарыдала, понимая, что просто сгниет здесь, в одном локте от спасения.

Крепкие руки ухватили ее под мышки и рывком протащили сквозь сугроб.

– Сейчас... – сказал Хадамаха, сваливая жрицу у костра. Та скорчилась в клубок, подвывая от невыносимой боли. – Мне тут Донгар мазь оставил – все как рукой снимет! Рукой черного шамана...

С трудом разлепив смерзшиеся от слез ресницы, жрица глядела, как Хадамаха наклоняется над ее ногой, втирает что-то... куда, в голую кость? Заматывает чистой мягкой шкуркой – нога стала походить на толстый тюк. Жрица вцепилась пальцами в коленку – хотя бы то, что поверх повязки, осталось живым!

– Что ж вы так, жрица Кыис? Неужто не слышали, что с поляны Золотой Бабы ничего брать нельзя – заживо сгниешь?

– Я и не брала... ничего! – ломким от боли голосом выдохнула Кыис – мазь черного шамана наверняка была еще одной черной подлостью! Ногу по-прежнему крутило и дергало, точно ее все Хадамаховы медведи разом жевали. – Ты нацепил то колечко, когда я была без сознания! Это все ты!

– Конечно, я, – кивнул Хадамаха. – Я гонялся по всему Сивуру, я из самострела целился, я Огнем кидался... Я на вашу силу, жрица Храма, нашел другую силу. С вами ничего не случится. – Хадамаха встал, обтер руки снегом, точно брезговал прикосновением к Кыис. – Конечно, пока вы здесь, на поляне. Ну а отойдете хоть на шаг – снова будете гнить заживо. Снять колечко тоже не удастся. – И он принялся собираться.

– Ты... оставляешь меня здесь? С ними? – в ужасе оглядывая поляну, прошептала Кыис.

– Они тоже уходят, – продолжая паковать вещи, рассеянно обронил Хадамаха.

Один за другим медведи поднимались и уходили с поляны. Их темные туши скрывались между деревьями. Только черный здоровяк остановился возле Кыыс и ткнул ее лапой, опрокидывая навзничь. Вздыхнул – кажется, жалел, что столько свежего мяса пропадает, – и тоже ушел.

– Я сдохну с голоду! – взвизгнула Кыыс.

– Я вырубил ухоронку с юколой, там, в земле.

– А потом? – завопила Кыыс.

– Сюда ходят люди, – терпеливо объяснил Хадамаха. – Часто. За помощью к Золотой Бабе. У них всегда есть припасы, просите их, они поделятся.

– Ты... просто гнусь, Хадамаха! Грязная, подлая таежная гнусь!

На краткий миг пальцы Хадамахи, увязывающего припасы в плотный тюк, замерли, он коротко выдохнул... и все так же ровно ответил:

– Конечно, для достославной жрицы много удобнее, если б я и впрямь был добрым, благородным, наивным мальчиком. Пеньком таежным, умгум?

– Сними это проклятое кольцо! Выпусти меня отсюда немедленно! – завопила Кыыс, бросаясь к нему.

Мягкий, совсем не злой, даже бережный толчок заставил ее плюхнуться на золото.

– Я тут подумал – не понравится мне, если ваш Храм будет везде и всюду, и никакого воздуха от него не останется вовсе, – пояснил Хадамаха и начал раздеваться. Снял куртку, затолкал ее в тюк и принялся стаскивать штаны. – И если Королева получит Рыжий огонь – не понравится, а еще больше – если ей достанутся Донгар с Хакмаром. – Ничуть не стесняясь, он разделся окончательно и закинул узел с пожитками на голые плечи. – Так что придется вам, жрица Кыыс, пожить тут. Ничего. Привыкнете. – Он повернулся и пошел прочь с поляны.

Это что же, он вот так вот прямо возьмет и уйдет? А она останется здесь? Насовсем? Кыыс вовсе не собиралась говорить, но другого выхода не оставалось:

– Твой дружок Хакмар точно Королеве не достанется! Синяптук его убьет! По приказу верховных!

Сработало! Хадамаха замер... Потом медленно повернулся к Кыыс. И смотреть ему в лицо было страшно! Словно невидимая рука сминала человеческие черты и лепила на их месте медвежий оскал, крохотные глазки из-под выпуклого лба, густую шерсть на щеках...

– Поймала я черного кузнеца, как гусенка на болоте! На Аякчан поймала! – бросила Кыыс, изо всех сил заставляя себя не пятиться под его наливающимся кровавой яростью взглядом. – Распустила слух, что взяла девчонку. Благородный мастер из клана Магнитной горы пришел сам! И теперь, если я не вернусь, Синяптук его прикончит! Была б она умная, могла бы как приманку для вас, Хакмаровых дружков, оставить, но она же, сам понимаешь... – Она выразительно развела руками и твердо закончила: – Сожжет кузнеца, чтоб перед верховными выслужиться. Даже в столицу везти не станет, уж на это ума хватит.

Она ожидала услышать медвежий рев. Ожидала удара тяжелой лапой и когтей возле горла... Но Хадамаха только неотрывно глядел на нее – и кровавая ярость гасла в его взгляде, сменяясь задумчивостью. И эта задумчивость напугала Кыыс еще сильнее.

– Он мне не дружок, – неожиданно сказал Хадамаха. – Мы слишком мало были с теми ребятами вместе, чтоб подружиться!

– Ты не спросишь, где он и что с ним? – недоверчиво пробормотала жрица.

– Чтобы вы ответили: «Освободи меня немедленно и сдавайся сам на волю Храма, тогда я спасу твоего дружка от жгучей... ну прямо-таки Огненной обиды жрицы Синяптук на весь Средний мир»? – насмешливо поинтересовался Хадамаха.

Он снова повернулся к жрице спиной и пошел. Неверящим взглядом она следила, как Хадамаха остановился у самой границы Золотой поляны. Оглянулся... Кыис затаила дыхание. Но он глядел вовсе не на нее, а на статую Золотой Бабы.

– Золота у меня отродясь не было, – смущенно буркнул он. – Вот... Сам сделал... – И он надел на ветку ближайшего дерева колечко. Тонкое, искусно вырезанное колечко из кости.

И скрылся между деревьями.

– Ушел? – ошалело охнула Кыис. – И даже не попытался узнать... – Она вскочила, забинтованная нога подломила, жрица замахала руками, отчаянно пытаясь сохранить равновесие. На одной ножке поскакала к краю поляны. Остановилась на самой границе, крепко держась за ветку увешанного золотом дерева.

Между стволов сосен, темной тенью во тьме, шел медведь. Самый обычный медведь, если не считать притороченного к спине выюка с пожитками.

Кыис подняла руку... опустила... подняла снова... и наконец размахнулась... и запустила Огненный шар медведю в зад. Вылетев с поляны, шар разросся, наливаясь силой и Жаром, промелькнул между стволами деревьев...

Медведь даже отпрыгивать не стал. Только чуть посторонился, пропуская шар мимо себя. Сгусток Пламени зарылся в снег, на мгновение вспыхнул и погас. Медведь не оглянулся на жрицу. Точно заранее знал, что она будет там стоять и что Огнем кинет... Скрылся. Совсем.

Подволакивая ногу, Кыис вернулась к костру. Села, обхватив себя руками за плечи, чтобы сдержать мелкую дрожь, и принялась раскачиваться из стороны в сторону, как делают глупые старухи в стойбищах, распевая свои убогие песни.

– Что же делать? – бормотала она. – Хадамаха... Черный кузнец... Синяптучка... Верховные... Королева... Нога... Моя нога! – Кыис прекратила раскачиваться и удивленно поглядела на свою ногу. – А ведь не болит, – сказала она вслух. – Совсем. – И принялась лихорадочно разматывать шкуру. Она должна увидеть, даже если там и впрямь голая кость...

Шкура упала в снег – и Кыис с изумлением уставилась на покрывающую ступню розовенькую, совершенно здоровую молодую кожу. Только вокруг мизинца, как змейка с золотой чешуей, обернулась золотая проволочка. Глухо рыча от бешенства, Кыис вцепилась ногтями в проклятое кольцо и принялась драть его, тащить и дергать. Остро заточенные ногти скользили, вспарывая кожу, Кыис рычала от боли, но продолжала царапать. Капли крови сыпались в снег, но кольцо только глубже врастало в палец, прорезая его до кости.

Тяжело дыша, Кыис откинулась на спину и долго лежала, глядя в темное небо.

– Пялитесь? – прошипела она звездам, сквозь которые Верхние духи глядели на Среднюю землю. – Любовались, как таежный медведь жрицу Храма обдурил!

Она пристально поглядела на оставленный Хадамахой костерок. И закусив губу, протянула ногу к Пламени. Жар опалил кожу, Кыис сдавленно пискнула и невольно поджала мизинец.

– Ничего... я справлюсь! Надо, значит, сделаю! – Кыис снова потянулась к Огню... и снова с криком отдернула ногу. Когда Огонь изнутри – все ничего, а вот когда снаружи...

– Так ты будешь... хм... отжигать или как? – поинтересовался насмешливый девический голос. – А то мне уже надоело.

Звеня золотом под ногами, Кыис метнулась прочь от костра.

– Маячится! – прошептала жрица. – Тут никого нет, никто ничего не говорил, маячится мне... – Кыис медленно повернулась.

На поляне, как и прежде, никого не было. Все так же неподвижно стояла статуя Золотой Бабы, глядя в неведомую даль незрячими глазами. И только на сжимающей копье золотой руке красовалось простенькое костяное колечко. Словно всегда тут было.

Свиток 2, где жрицы Голубого огня сражаются за и против черного кузнеца

Жрица Синяптук приземлилась посреди улочки. Побежала, мелко перебирая ногами, едва не шлепнувшись на покрывающую скользкую уличную наледь присыпку из опилок и песка. Подозрительно огляделась по сторонам – не подсматривал ли кто за посадкой. Улочка спала. Что опускаться придется неизящно, Синяптук знала. Она слишком долго летела... Она попросту мчалась через все Нижнее небо, сквозь ветер, под облаками, чуя затылком смрадное, испепеляющее дыхание жуткой твари, что вылезла на нее из леса!

– Позор и поношение Храма! – простучала зубами она. – Развелось, понимаешь, духов леса, эжинов гор и лунгов полей! Ладно бы хлестали араку с шаманами и пугали простых сивирчан. Но поднимать лапу на жрицу... Переднюю, – уточнила Синяптук. – У нас настоящая духовная проблема – духи обнаглели! Их надо поставить на место, заставить признать власть Храма, а кто не согласен – истребить! Еще не знаю как, но это мелочи... Вот закончу со здешними делами, вернусь в столицу и сразу представлю верховным жрицам доклад «О приведении Сивира к духовному единству». А может, и полной бездуховности! – она погрозила кулаком туда, где за высокой снеговой стеной городка осталась темная мрачная тайга. – Я т-тебе все припомню! Ишь, нашелся, Хозяин леса! – И она зашагала по проулку.

Идти пришлось недалеко – не хватило времени даже обдумать первый пункт доклада, только название и получилось: «Чтобы духа их тут не было!» Переулок уперся в небольшую площадь – здесь и стоял дом старосты, в котором остановились жрицы. Городом здешнее селение не назовешь – ни одного отлитого изо льда дома, сплошное дерево да берестяная кора, как на самых нищих окраинах! А если Огонь рванет? Местная жрица (чурбанка редкостная, как ее Огонь терпит – непонятно!) Пламя не удержит или еще что? Дома ведь не растекутся водой, как в нормальных, больших городах, а просто вспыхнут разом, как... стойбище охотников в тайге! Так, про стойбище вспоминать не будем.

У городка было одно достоинство – он жил охотой. Отсюда уходили охотничьи артели, сюда возвращались, здесь скупали пушнину, отсюда отправляли обозы в большие города. И здесь стояли амбары, нигде раньше не виданные амбары из рубленого камня для охотничьей добычи. Все в городишке не как у людей – дома деревянные, амбары каменные! Именно эти амбары так привлекли Синяптук, да и Кыыс тоже. Старательно делая вид, что она вовсе не мерзнет (настоящие великие жрицы не могут мерзнуть, когда в них бушует Огонь!), Синяптук остановилась у амбара – маленького, зато с новехонькой дверью. Из специального, привезенного из горских мастерских сплава, не поддающегося Огню! Сжечь бы проклятых горцев за одну только мысль создать нечто, неподвластное Огню... а вот надо же, пригодилось! И снаружи эту дверь не вскрыть, и изнутри – не вырваться. Круглым глазком зияла замочная скважина. Жрица Синяптук не выдержала... воровато огляделась по сторонам – никого! И, отключив внушительный зад, приникла глазом к скважине.

Острый синий сполох кольнул зрачок, заставив Синяптук нервно заморгать, стряхивая непрошенные слезы. Изнутри дохнуло горячим воздухом. Угрюмые каменные стены амбара сияли Огненной синевой. Голубое пламя вздымалось от расставленных по углам сторожевых Огненных чаш. Распуская пылающие «усики», точно клюква на летнем болоте, Пламя взбегало вверх по стенам, заползало на потолок и свисало оттуда сине-золотым занавесом. Это было необыкновенно красиво, но... Синяптук невольно поежилась, представляя, какой нестерпимый Жар стоит внутри.

Поджав ноги, пленник сидел на крохотном пяточке свободного от Пламени каменного пола. Судя по цвету, камень должен был раскалиться, но пленник сидел не шевелясь, точно не чувствовал, как жарится на каменной сковородке! Его рубашка, когда-то светлая, а теперь грязная от чада и крови, едва заметно трепетала от дыхания Пламени. Лицо оставалось неподвижным: совсем молодое, по-южному скуластое, с непривычно прямым и длинным носом, жесткой складкой возле рта и когда-то бронзовой, а теперь красной от жара кожей. Глаза были закрыты – сидя спал, что ли? Лечь он не мог – стоило наклониться или вытянуть ноги, как тотчас попадал в колышущееся Пламя. Да и встать тоже – сухие волосы (ни одной капли пота в его теле наверняка уже не осталось) вспыхнули бы разом.

Убить его было бы добрее! От полноты чувств жрица Синяптук шмыгнула носом. Ей бы только внутрь попасть – все бы обрадовались! Верховные, которым смерть их давнего врага, черного кузнеца, нужна даже сильнее, чем живые медведь и Аякчан. Синяптук, что выполнила хотя бы часть своей миссии и... испортила дело жрице Кыыс. А уж как пленник бы обрадовался, что не придется одну временную свечу за другой сидеть между Огненными стенами, а можно быстро и весело погореть Синим пламенем! Только как туда войдешь, если Кыыс стережет своего пленника, как Храмовые сокровища? Синяптук с досады стукнула по каменному косяку кулаком. Острая боль прострелила руку от пальцев до локтя, и Синяптук запрыгала, яростно тряся ушибленной кистью.

– Это теперь в Столице модно – исполнять шаманские танцы в честь возвращения? – поинтересовались сзади. – Обязательно перед амбаром или можно где-то еще?

Синяптук распрямилась, точно пружинка из горских мастерских. Кто? Кто посмел застать ее в столь неподобающей позе – глаз к замку, попой вверх?

Местная жрица (как ее там – Гамтули? Гамули?) небрежно привалилась плечом к соседнему амбару, и слабо светящийся Огненный шарик на ладони выхватывал из предрасветной мглы ее невозмутимую физиономию.

– Мы не ожидали вас столь рано, жрица Синяптук, – сообщила местная.

– А кого ожидали – мэнква-людоеда о девяти головах? – прижимая к груди рассаженную руку, огрызнулась Синяптук.

– Мэнквов-людоедов больше не существует – они истреблены силами Храма, – столь же невозмутимо сообщила жрица Гамули. Подумала и добавила: – А девятиголовых среди них и раньше замечено не было.

– Я знаю! – рявкнула Синяптук. – Я сама их истребила, за что и была награждена...

– ...ледяной звездой героини, – вместо Синяптука закончила Гамули. – Отряд храмовой стражи, что с вами ушел, следует в город пешим ходом? – небрежно поинтересовалась она.

– Э-э... – протянула Синяптук, лихорадочно соображая, что говорить, а чего – лучше не надо. Она не обязана отчитываться какой-то таежной жрице... Но что-то рассказывать все равно придется! – Отряд не следует, но из этого вовсе не следует... Ничего не следует. И никто. И никуда. – Синяптук сбилась на невразумительное бормотание и наконец выпалила: – Отряд погиб! Его уничтожил все-Сивирский преступник, Брат Медведя Хадамаха! Подлым лесным шаманством натравил на стражников медведей, и те... ой, что они сделали со стражниками!

– Что они сделали? – со всегдашним спокойствием уточнила Гамули.

– Чудите, сестра? Как думаете, что медведи могут сделать со стражниками? – разозлилась Синяптук. – И еще стойбище верных Храму охотников сожгли!

– Медведи? – Невозмутимость Гамули впервые оказалась поколеблена. – Как могли медведи сжечь стойбище?

– Откуда я знаю? Как-то сожгли – как они там свои костры в тайге жгут...

– Я не знаю, как медведи жгут костры, – напряженно сказала Гамули и тут же успокаивающим тоном добавила: – Может, вам не стоит здесь стоять, жрица Синяптук? После таких

потрясений нужно отдохнуть, настоя на семи травах выпить. Я прикажу поставить для вас и... для жрицы Кыыс тоже?

Синяптук, уже начавшая удовлетворенно кивать в такт каждому слову – и отдохнуть хорошо, и настой прекрасно, все-таки здесь, в глухой тайге, еще сохранилось понимание, как нужно обращаться со все-Сивирской героиней... Синяптук вдруг напряженно уставилась на местную жрицу:

– Кыыс еще не вернулась?

– Никак нет, – покачала головой Гамули.

Усталость и голод отпустили Синяптук. Кыыс нет! На поимку Хадамахи вылетели две жрицы и вышел отряд стражников. А вернулась она одна. Хадамаха не пойман – верховным Айбансе и Дьябылле не понравится. Стражников тоже нет – положение Синяптук становится только хуже. И Кыыс пропала – а вот это к лучшему!

Или таежный монстр ее пришиб... Или Кыыс истратила столько Огня, что теперь плетется по тайге пешком, шарахаясь от каждого скрипа ветки. Какая жалость, что люди Советника были так медлительны и не прикончили Кыыс еще там, в подземельях Рыжего огня! Синяптук точно знала, кто распускает о ней грязные лживые слухи: что вовсе не она уничтожила мэнквов, а ее ученица Аякчан, и что чэк-най в Сюр-гуде тоже остановила Аякчан... Всегда Аякчан, всюду Аякчан! Хоть бы задумалась, трещотка сорочья: зачем бы верховные жрицы отправили Синяптук ловить бывшую ученицу, если бы силой наставница не превосходила строптивую девчонку? Но теперь Кыыс поплатится!

Синяптук стиснула кулаки и зло оскалилась. Она знала, что другие жрицы (даже ничемные ученицы-перводневки в ее старой школе Огня!) считают ее... не очень умной. Попробовали бы они придумать, как превратить полное поражение в такую же полную победу! Нужно только проникнуть за накрепко запертую Огнеупорную дверь – и быстро!

– Не время предаваться отдыху! Тяжкое горе постигло нас, сестра! – тоном глубочайшего довольства сообщила Синяптук. – Жрица Кыыс пропала без вести при попытке захватить все-Сивирского преступника, пособника черного шаманизма и убийцу личного Советника Ее Снежности, чудовищного Хадамаху! Кто знает, быть может, она даже погибла!

«Вот было бы здорово!» – Синяптук попыталась выжать слезинку из уголка глаза. Слезинка не шла ни в какую. Примерзла, наверное.

– Но как бы ни была велика наша скорбь, на нас лежит долг перед Храмом! В отсутствие Кыыс я принимаю полное руководство миссией на себя. Мне нужно немедленно, слышите, жрица... э-э... Гамули, немедленно получить доступ к пленнику! Где молодые жрицы из свиты Кыыс?

– У себя. Скоро кормить пленника пойдут, чтобы не сдох. – Гамули помолчала и негромко добавила: – Девчонки внутри не пустят. И ключ не дадут.

– Ну, я все-таки ношу высокое звание заслуженной наставницы земли Сивирской! – Синяптук приосанилась.

– Тогда вы с ними легко договоритесь! – согласно кивнула Гамули и, повернувшись, шагнула прочь.

– Жрица Гамули, вы куда? – вскричала Синяптук.

– Не хочу мешать вашей беседе с молодыми жрицами, – через плечо бросила Гамули.

Таежная замерзавка что – цену себе набивает? Эрликовы рога, если бы только эта местная не была ей так нужна! Заслуженная наставница земли Сивирской, конечно, сильнее любой из своих учениц... Но две молодые, полные Огня жрицы могут оказаться серьезными противницами! А все Кыыс! Сама никого не уважает и девчонок своих приучила. Неудивительного, что духи наглеют просто на глазах – если зараза непочтительности пропитала даже Храм! Синяптук оценивающе поглядела на местную жрицу и сладенько протянула:

– Жрица Гамули! Такая немолодая...

Гамули неприязненно поморщилась.

– Я имела в виду – жрица старшего поколения... – немедленно исправилась Синяптус.

Гамули сморщилась еще больше. Да что она себя, за молоденькую держит?

– ...должна быть верна вечным заветам Храма! Вы же понимаете, что черный кузнец – это ересь и осквернение Огня! Исчадие Нижнего мира! Вы могли бы...

– А что я могу! – скривилась жрица Гамули. – Вон, как вы с Кыыс изволили удалиться для столь важного и нужного Храму дела, как отлов медведей по лесам...

Синяптус воззрилась на нее в крайнем изумлении – местная сомневается в мудрости верховных жриц? Много Огня на себя взяла – мозги закипать стали?

– Я тут мелочами повседневными занялась: уличные чаши с Огнем заправлять, хоть и Рассвет, темно, знаете ли... – Она поглядела на красные сполохи в небе и усмехнулась. – Опять же, отопление, Огонь в дома – чтобы не померзли семейства-то. Потянула Огонь из хранилища... – она улыбнулась странной улыбкой – острой и ломкой, как подтаявшая льдинка, – и развела руками, точно извиняясь. – Как вы изволили верно подметить, госпожа заслуженная наставница, я уже жрица немолодая. Сорвался у меня Огонь... – шепотом, от которого даже у переполненной Жаром жрицы кровь самым натуральным образом стыла в жилах, прошептала Гамули. – Сорвался, во все стороны хлынул – еще б чуть-чуть, и полыхнуло все!

Синяптус нервно провела кончиком языка по вмиг пересохшим губам и будто наяву увидела, как Огонь в спрятанном под городком Огнехранилище вздымается, точно волна в Ледяном море Байгала, и... накрывает жрицу. На миг та замирает пылающим столбом Голубого пламени, на последнем ударе сердца понимая, что все кончено... дальше оглушительный взрыв, и разлетаются кровавые клочья тела. Вспухший ком Пламени голубыми языками выхлестывает из дверей Огнехранилища, хищным зверем вздыбливается над беззащитным городком и несется по улочкам, обращая все – и дома и обитателей – в запекшиеся полосы жирной черной золы.

Можно лишь подивиться: как верно она, жрица Синяптус, оценивает людей! Чего еще ждать от таежной жрицы – в ее-то возрасте половина волос черные, а не голубые! Ну ладно силы к Огню не набрала – но даже на синюю краску для волос в своей тайге не заработала, убогая! Отсюда надо убираться поскорее, мысленно постановила Синяптус и поглядела на жрицу Гамули, как на бродячую покойницу из старых шаманских сказок – сама уже, считай, мертвая и других за собой вот-вот утащит.

– Всю жизнь знаешь, что для жриц кладбищ не бывает, что придет День, когда Огонь заберет тебя, а когда он и впрямь приходит... – Гамули безнадежно махнула рукой. – Упаси Огненноглазая вас дожить до такого, жрица Синяптус!

«А ведь могу и дожить!» – мрачно подумала Синяптус. И никакое звание заслуженной наставницы, никакая звезда героини не помогут – как дали их верховные, так и отберут и зашлют куда подальше от Огней цивилизации и Очагов культуры. Каким-нибудь стойбищным Пламя возжигать!

– Я еще два Дня назад просила прислать хоть какую девчонку – хоть без опыта, хоть сразу после Школы, как эти, которые с Кыыс! – отвлекая Синяптус от важных мыслей, продолжала ныть местная. – И что, кто-то явился? Эрлик с два! Молодые жрицы предпочитают важные миссии по охране черных кузнецов. Поддерживать Огонь в тайге никто не хочет.

Синяптус усмехнулась – можно подумать, только молодые! Да предложи этой живой покойнице возможность убраться подальше от бревенчатого городка и его Огнехранилища, небось полетела бы – даже если раньше летать не умела! Синяптус поглядела на Гамули исподлобья и наткнулась на такой же расчетливый, ожидающий взгляд.

– Верховные жрицы могли бы выказать свою благодарность... за помощь в исполнении моей миссии.

– И каковы размеры этой благодарности? – быстро поинтересовалась Гамули.

– А каковы размеры помощи? – немедленно ответила Синяптук.

Жрица Гамули покусала губу, бросая настороженные взгляды – Синяптук она сейчас напоминала вечно голодных учениц, топчущихся возле Школьной кухни: и стянуть чего охота, и попасться бояться.

– Чтобы накормить пленника, девчонкам Кыыс придется открыть дверь, – наконец пропела Гамули.

– Вот и действуйте, жрица Гамули! – с энтузиазмом объявила Синяптук, прислушиваясь. В морозной тишине спящего городка звук разносился далеко – кажется, в доме старосты звучно щелкнул замок. – А уж я позабочусь, чтобы ваша помощь была по достоинству оценена Храмом! – И попыталась нырнуть за угол амбара прежде, чем в доме старосты распахнется дверь.

На ее пухлом плече сомкнулись крепкие, как старое дерево, пальцы...

– Не пойдет, жрица Синяптук! – пропела Гамули. – Я не буду одна драться с двумя молодыми сильными девками с полным Огнезапасом!

– Что вы себе позволяете! – слабо пискнула Синяптук, с невольным испугом глядя в сухие воспаленные глаза местной жрицы.

– Я не позволю вам отсидеться! – отрезала Гамули. – Это у вас письменный приказ верховных, а я так – по Утру погулять вышла. – Она скользнула взглядом по предрассветному небу.

Засов на доме старосты стукнул снова – и дверь распахнулась.

– Сюда! – шикнула Гамули, втаскивая Синяптук за угол.

Утоптанная наст площади негромко заскрипел под двумя парами ног. Шаги протопали совсем рядом – отсвет Голубого огня очертил на снегу две темные тени. Пропал. Шаги проскрипели дальше и остановились возле заветного амбара.

– Котелок поддержи, я открою, – уверенно скомандовала старшая из помощниц Кыыс.

Не удержавшись, Синяптук выглянула из-за угла – девчонки стояли перед дверью, и старшая (удивительно наглая!) снимала с шеи стальную цепочку с ключом.

– Не трясись! – цыкнула она на младшую подружку. – Каждый раз трясешься, как заяц под волчьей лапой!

– Потому что мне не нравится сюда ходить! – шмыгнула носом младшая. – Я его боюсь! Он – черный кузнец. У нас в школьной спальне про него страшные сказки рассказывали!

– М-да... – мечтательно протянула старшая. – Парень и впрямь... как из сказки... Но мы настоящие жрицы Храма – уже целых пол-Дня! – с гордостью напомнила она. – И должны выполнить свой долг!

Синяптук, наконец, услышала самый долгожданный звук во всем Среднем мире – как лязгает о замочную скважину стержень ключа!

Пшшах-х! – вздохнуло заполнявшее амбар Пламя и... расплзлось вдоль стен, открывая дверной проем. Не сходя с порога, старшая присела на корточки и сунула в проем медный котелок с разболтанной в оленье молоке порсой и флягу с водой.

– Д-доброе Утро! – Решительность и самоуверенность исчезли из ее голоса.

– Уже Утро? – ответил ей новый голос – сухой, как опавший с дерева лист. Пламя, полыхающее по стенам амбара, угрожающе взвыло, точно норовя заглушить этот и без того слабый голос.

– Еще не совсем... – пролепетала молоденькая жрица. – Но скоро... Я вот... принесла вам воды...

– Поставьте, я потом возьму, – все таким же сухим и совсем по-жречески ледяным тоном откликнулись из амбара.

– Не ты здесь распоряжаешься, черный кузнец! – попыталась возмутиться помощница Кыыс. – Здесь приказывает Храм, а ты – его пленник! Вы же знаете – жрица Кыыс запретила оставлять в камере! – Голос ее стал виноватым. – Пейте при мне... пожалуйста.

Жрица Гамули вдруг шкодливо, совсем по-девчоночьи хихикнула и насмешливо протянула:

– Однако... Я хочу на этого кузнеца посмотреть!

– На труп – сколько угодно, хоть дырку проглядите! – буркнула Синяптук. – Чего мы ждем?

– Сейчас... – снова осторожно высовываясь из-за угла, прошептала Гамули. – Пусть только младшая к ним повернется, ей же тоже интересно...

– Почему вы упрямитесь? – удивительным в устах жрицы просительным тоном пролепетала старшая. – Жрица Кыыс говорила – вам лучше с нами сотрудничать! Все равно не сбежите – эту дверь даже Огонь не пробьет, знаете ли!

– Поскольку я сам изобрел сплав, из которого она сделана, безусловно, знаю! Я изобрел, меня же за ней и заперли – какая ирония! Ах, простите, енге жрица, вы, наверное, не знаете, что такое «ирония», таким сложным словам в Храмовой школе не учат.

– Он издевается, а ты слушаешь! – раздался звенящий от негодования голос младшей. – Забери у него еду и воду, и пошли отсюда – вот будет ирония так ирония!

– Сейчас! – скомандовала жрица Гамули.

– Вперед! – согласилась Синяптук и... шархнула назад.

Пусть уж Гамули первая... Но сильный толчок в спину вышвырнул ее из-под прикрытия амбара, над плечом у Синяптук промелькнула рука Гамули... Огненный шар сорвался с ладони местной жрицы... Одна из девчонок нелепо взмахнула руками... и повалилась на порог. Вторая стремительно обернулась... На ладони ее возник здоровенный, брызжащий золотистыми искрами сапфировый шар и полетел в Синяптук.

– А-ай! – Синяптук метнулась в сторону, шар ударился об угол амбара, выбивая внушительный кусок из старой кладки. Жрица провела ладонью по лицу и недоверчиво поглядела на окрашенные кровью пальцы.

– Ты что делаешь, девчонка! Это же я, наставница Синяптук!

– Вижу! – сворачивая новый шар, точно лепя снежок, процедила молодая жрица. – Жрица Кыыс предупреждала, что это можете быть вы! – И она двумя руками метнула новый шар.

– А-а-а! – Синяптук всем телом грянулась об утоптанную наст площади. С утробным завыванием Огненный шар пронесся над ней и врезался в дверь дома старосты. Тяжелая дубовая створка исчезла, точно была сделана из льда, и шар канул в темноту дома. Изнутри донеслись вопли, и из горящего дома сыпанули люди. Отчаянно лаяли собаки и зажигались светильники в домах.

– Не дергайся, толстопузая! – рывкнула молодая жрица, сворачивая третий шар.

– Жрица Гамули, помогите! Где вы, жрица Гамули? – заскулила Синяптук, ползя по утоптанному насту площади... и поняла, что Гамули рядом нет. Местная бросила ее, оставила один на один с сильной и злой молодой девчонкой, так похожей на ненавистных учениц! Но ведь у Синяптук есть сила! Теперь – есть! Надо только заставить себя подняться... Новый шар Огня врезался в наст у ее головы. Надо или вставать, или... вчерашняя школьница ее прибьет! Коленки у Синяптук дрожали, стучаясь друг об дружку под подолом изодранной жреческой рубахи, пальцы тряслись, и... Извилистая, неровная струя Голубого пламени сорвалась с руки и ударила в молодую жрицу. Синяптук повела ладонью, выцеливая противницу. С диким визгом молодая жрица рванула вдоль охотничьих амбаров, всего на пол-ладони опережая гонящуюся за ней Огненную струю. Черная полоса гари – точно угольным стержнем провели – оставалась на каменных стенах там, где прошлось Пламя.

Огненная завеса на дверях «тюремного амбара» колыхнулась. Из оставленного молодыми жрицами просвета с отчаянным воплем вырвалась темная фигура... Рубашка пылала у пленника на плечах, Голубое пламя тянулось следом, словно щупальце чудовищ Седны, Повелительницы Океана...

С крыши амбара прыгнула худощавая женщина в жреческой рубахе. Так вот где засела Гамули!

– Убей его! – заорала Синяптук. – Убей кузнеца!

Она отвлеклась всего на миг – и тут же Огненный шар противницы прилетел ей в живот. Синяптук сложилась пополам от боли, поток Огня, вытекающий из ее пальцев, иссяк.

Жрица Гамули врезалась в беглеца... Пылающий вокруг него сапфировый кокон погас, когда жрица одним махом втянула Огонь в себя. Сильный толчок, и жрица опрокинула пленника в черный от копоти снег. Парень закричал от боли, попытался рвануться...

– Лежать, чурбачок! – прорычала Гамули в покрытое ожогами скуластое лицо... и всей тяжестью вдавила парня в снег.

Словно чья-то невидимая рука потянула Огонь из амбара. Неистово полыхнули синева и золото, грохнуло так, что уши запечатали. Потолок амбара вспучился, выгибаясь наружу, и взлетел на воздух. Камни разнесло по окрестностям. Жрица и кузнец взвыли в унисон – мелкий щебень и булыжники покрупнее отстучали по головам и плечам. Запертый в амбаре Голубой огонь вырвался наружу, точно язык гигантской жабы... пронесся у Гамули над головой... и накрыл Синяптук с ее противницей. Кончик Огненного «языка» слизнул дом старосты – деревянное строение просто осыпалось серым пеплом и черной золой, оставив на снегу выгоревшее пятно. Сапфировый смерч изогнулся, точно змея, и с утробным гудением взвился в небеса, мелькнув сквозь тьму синей пылающей лентой.

– Мой меч! Там – мой меч! – хрипло прошептал пленник и... с неожиданной силой оттолкнув жрицу, кинулся к пепелищу.

– Куда? – заорала жрица Гамули, бросаясь следом. Но пленник уже наклонился, хватаясь за торчащую из кучи золы рукоять...

– Убей его, Гамули, именем верховных! – ворочаясь в громадной талой луже, прохрипела Синяптук.

– Схватить его... именем Королевы! – приподнимаясь на локтях, откликнулась ее молодая соперница.

С руки Синяптук сорвался клубок Пламени. С пальцев молодой жрицы заструились тонкие Огненные ленты, сплетаясь в сапфировую ловчую сеть. И шар и сеть рванулись к кузнецу.

Жрица Гамули обернулась. Жрица Гамули сделала одно-единственное движение кистями рук... Огненная сеть молодой жрицы оплелась вокруг шара Синяптук – и они с громким хлопком рассыпались искрами.

– Ты что делаешь, Гамули? – завизжала Синяптук.

Тонкие сухие губы местной жрицы скривились в усмешке непередаваемого, запредельного презрения.

– Служу той, кто поглавнее и Королевы и верховных будет! – фыркнула она и попятилась, отступая к кузнецу. – Слышь, ты, черный! – не оглядываясь, бросила она, чувствуя, как в поясницу ей упирается горячее острие меча. – Тебе велели передать, что Почакова речка течет, где хочет.

Она не знала, что значили эти слова, но ее отпустили – слова оказались правильные! Хотя она и не сомневалась. Она больше не сомневалась ни в чем!

– О ком ты говоришь? Огня перебрала – мозги расплавились? – продолжала орать Синяптук.

– Да, перебрала, – кивнула Гамули, старательно следя, чтобы парень оставался у нее за спиной. Страшный черный кузнец, чудовище из древних легенд, хрипло дышал, хватая ртом морозный воздух – словно пил и не мог напиться. И на ногах держался с трудом, но все-таки держался. Если упадет, она его не дотащит.

– Я же тебе говорила, Синяптук, я взяла Огонь в себя и не удержала. Пламя должно было накрыть городок во сне. И вас, красавиц, тоже, – бросила Гамули молодой жрице. Глаза у той расширились, наливаясь ужасом. Гамули усмехнулась в ответ: девочка небось думала, что Огненная смерть придет за ней еще ох как не скоро! – Ты так была озабочена собой, сестричка Синяптук, что даже не спросила – почему я еще жива?

– Ну... я думала, ты как-то справишься... – Синяптук растерялась настолько, что даже Пламя на ее ладони погасло. И правда, не бывало, чтобы жрица, не удержавшая Огонь, спаслась! Всегда все заканчивалось клочьями тел, разбросанными по округе.

Гамули хрипло расхохоталась:

– И много ты знаешь тех, кто справился? Я – только одну! – Ее глаза блеснули восторженным светом. – Ту, что свалилась мне на голову, поймала Пламя, прогнала его обратно сквозь меня и утолкала в Огнехранилище, как тесто в кадушку! Ту, которой служу я отныне и до смерти! Мать-основательница Храма! – выкрикнула Гамули, запрокидывая голову к темным небесам.

– Кто-кто? – презрительно процедила Синяптук. – Слыхала я, что моя бывшая ученица Аякчан, хулиганка и двоечница, распускает про себя чудачьи слухи! Не думала, что среди взрослых жриц найдутся такие чурбанки, чтобы ей поверить!

Гамули поглядела на Синяптук с брезгливой жалостью:

– Какой тупой тетеркой надо быть, чтобы не понять, кого учишь!

– Бей ее, потом разберемся, кому кузнец достанется! – заорала Синяптук – с ее ладоней снова устремился поток Пламени.

Жрица Гамули попыталась выставить Огненный щит – не вставая с земли, молодая помощница Кыыс запустила в нее пылающим шаром, снося щит напрочь. Потoki Пламени хлынули на Гамули... ее схватили за плечо и отшвырнули в сторону, кузнец прыгнул вперед, поднимая меч...

«Куда он со своей дурной железякой!» – жрица Гамули взывала от ужаса. Сапфировый огонь ударил в подставленный клинок... и отразился прямо в Синяптук! Толстая жрица хрюкнула, как кабан, на которого свалилась сосна, и отлетела на пытающуюся подняться помощницу Кыыс. Девчонку вдавило в талый наст.

– Молодец, парень! Бежим! – гаркнула Гамули, хватая кузнеца за руку.

– Стоять!

Синяптук запустила руку под рубаху... Нетерпеливо дернула... болтаясь на обрывках кожаного шнура, у нее в руках повисла грубо вырезанная деревянная фигурка. Вроде девушка. С похожими на облачко кудрявыми волосами. И глубоко прорезанными злыми старушечьими глазами на едва намеченном ножом лице. Синяптук торжествующе засмеялась и стиснула амулет обеими руками.

Сияние Пламени окутало Синяптук. Словно не своей волей, а некой неведомой силой, толстая жрица медленно взмыла в воздух. Шлейф Голубого огня тянулся за ней, дрожал нагретым воздухом, курился легким, почти незаметным черным дымком... И этот дым и дрожание на миг обрисовали возникший за спиной Синяптук призрачный силуэт стройной девушки с короткими, похожими на облачко кудрявыми волосами.

Жрица Синяптук открыла глаза – в них сверкали сине-золотые искры.

– Ты умреш-шь, кузнец! – прогудела она, и голос ее был полон гулом и треском пожара.

Призрачный силуэт за спиной Синяптук поднял руку – и вместе с ней пошла вверх рука Синяптук, выбрасывая волну Пламени. Огненный смерч вздыбился над головами мальчишки и жрицы, норовя накрыть их и весь городок...

– Дзанг! – стена такого же чистого и прозрачного сапфирового цвета рухнула перед кузнецом и Гамули. Посланная Синяптук волна Огня ударилась в нее, изогнулась, совсем как настоящая морская волна, и, вскипая шапкой золотых искр, точно пеной, отхлынула назад, заливая амбары. Старый камень вспыхнул, как сухие дрова.

С небес донесся пронзительный свист... и между беглецами и Синяптук спланировала хрупкая, тоненькая девичья фигурка. Языки Голубого пламени сверкающим ореолом обрамляли голову девушки. На нежном личике сиянием сплошного сапфира горели нечеловеческие треугольные глаза, а скрюченные, как у хищной птицы, пальчики украшали натуральные когти!

– Жш-ш-рица Синяптук! – прошипела девушка – между ее губ трепетал совершенно змеиный раздвоенный язык.

– Аякчан? – растерянно пробормотала Синяптук и даже пошатнулась в воздухе. Призрачная девушка у нее за спиной протянула сотканную из дыма и горячего воздуха руку... и встряхнула Синяптук за шкуру.

Толстая жрица мгновенно выровнялась.

– Что за вид, ученица Аякчан? На кого ты похожа? – провозгласила Синяптук.

Девушка слегка удивленно поглядела на свои когти.

– На нормальную албасы Голубого огня! – невозмутимо пояснила она. – И самую сильную жрицу Сивира!

Из рта Синяптук вырвался вопль – вовсе не грозный и величественный, а нормальный, почти человеческий вопль оскорбленной в лучших чувствах училки:

– Ты... Что о себе возомнила! Недоучка! Тебя... Тебя из Школы отчислили! За прогулы!

– И ш-што – даже уничтожение мэнквов и черной женщины за практику не защищали? – делано удивилась девушка – раздвоенный язычок насмешливо затрепетал.

– А-а-а! – бессвязно завопила Синяптук, размахивая руками в неистовом гневе – пучки сине-золотых искр разлетались от нее во все стороны. – Заморозь язык, Аякчан! И немедленно сдавайся! Верховные жрицы обещают тебе жизнь, если ты немедленно, сейчас же, очень быстро... или я тебя...

– Что? – лениво поинтересовалась девушка. – На кухню дежурить пошлете?

– Вот что! – завопила Синяптук. Призрачная фигура у нее за спиной растопырила пальцы – и тут же выставила пухлые ладошки сама Синяптук.

Бац-бац-бац! – в сторону Аякчан полетели мелкие, как камушки, Огненные шарики.

Аякчан небрежно взмахнула рукой – Голубой огонь развернулся, точно поднятое фазанье крыло, прикрывая и саму Аякчан, и кузнеца с Гамули. Огненный град врезался в это крыло – раздалось частые мелкие взрывы, искры посыпались в снег.

– Задача на способы и методы использования Огня, наставница Синяптук! – взмывая в воздух, крикнула Аякчан. – Зачем верховные послали за мной самую никчемную жрицу нашей Школы, которую я к тому же терпеть не могу? Ответ – потому что только очень слабая жрица может стать куклой для них! Как, хорошо себя чувствуете с сестричкой Айбансой за спиной? – И она ткнула пальцем в призрачное колыхание воздуха за плечом у Синяптук.

– Ты врешь, врешь! – завизжала Синяптук, стискивая деревянную фигурку в пальцах. – Сейчас я тебя...

Призрачная девичья фигурка за спиной у Синяптук вдруг скользнула вперед, сливаясь с толстой жрицей. Окутанная черным дымом и дрожащим маревом горячего воздуха, Синяптук выросла до самых Нижних небес – существо из нестерпимо сверкающего сапфи-

рового Огня расхохоталось, глядя на мельтешащих внизу человечков. Копье Голубого пламени вылетело прямо из груди существа, целясь в дерзкую девчонку.

– Айка, падай! – отчаянно заорал черный кузнец.

– Было бы перед кем... – скривилась Аякчан.

Огненное копье неслось к девушке, алые краски молодого Рассвета таяли в его сиянии. Стремительным цепким движением, будто ловила заползшую в чум змею, Аякчан ухватила Огненное копье. Оно задергалось, как живое, забилося в жесткой хватке. Пламя трещало и искрило в руках девушки.

– Выан! Выан-ан! – Аякчан заорала, как все твари Нижнемирья разом. И развернула Огненное копье в сторону своей противницы.

Никто не понял, что произошло, но в следующее мгновение пламенеющее копье вонзилось Огненному существу в живот... и двинулось дальше, разрывая его пополам. Из враз померкшего сияния, точно поросенок из мешка, вывалилась Синяптук. И рухнула... на пытающуюся подняться помощницу Кыыс. Снова.

Аякчан высокомерно повернулась к толстой жрице спиной...

– Айка, сзади! – заорал кузнец.

Девушка взмыла в воздух. Язык Пламени выжег место, где она стояла, над протаявшей до черноты землей взвились клубы густого пара.

– Папа-Эрлик и все его духи! Вы должны были потерять силу! – возмутилась Аякчан, увидев взмывающую Синяптук.

Ответом ей был сдвоенный хохот – трескучий и гулкий, как рев Пламени. Смеялась толстая жрица – и смеялась такая же толстая, приземистая призрачная фигура у нее за спиной.

– Зараза кулева, у Синяптук второй амулет! Сестричка Дьябылла явилась! Гамули, улетай! – скомандовала Аякчан. – Уводи людей!

– А как же он? – крикнула жрица Гамули, подпирая плечом слабейшего кузнеца.

– Мы сами! Сами! – Аякчан спикировала к кузнецу и подхватила его под руку.

– Буду ждать приказов, Великая Мать! – И Гамули понеслась прочь – подбирать отставших и уводить жителей города подальше от пылающих домов.

– Обязательно прикажу, если выберусь отсюда! – буркнула Аякчан, забрасывая руку черного кузнеца себе за плечо. – Улетаем! – Аякчан обхватила Хакмара за пояс, взмахнула рукой – их окружил тонкий шар Голубого огня, и беглецы стремительно взмыли в воздух.

Синяптук мчалась на них, вокруг нее, как развевающиеся старые тряпки, метались полотнища Пламени. Налетел Огненный вихрь – Синяптук растворилась в сплошном сиянии Пламени. Огонь взметнулся ввысь... и накрыл беглецов непроницаемым куполом. Шар Аякчан врезался в этот купол... и с треском лопнул.

– А-а-а! – кувыркаясь в воздухе, парень и девушка полетели вниз. Аякчан успела поймать Хакмара за обгорелую рубаху, смягчая падение.

– Попалис-с-сь! – оглушительное шипение неслось со всех сторон – и сквозь стены Огненного купола проступило лицо юной девушки со злыми старушечьими глазами и заматанная полосками грязных тряпок морда.

– На двух верховных сразу я как-то не рассчитывала! – завопила Аякчан, отчаянно запуская в купол Огненным шаром. Шар отскочил от тонкой Огненной пленки и заметался внутри, беспорядочно ударяясь о стенки.

Пламя разразилось хохотом, и купол начал смыкаться, как закрывается летний цветок. Огненные стены надвигались на беглецов... Хакмар полоснул клинком... Поток Голубого пламени хлынул парню на голову, Аякчан с воплем кинулась наперерез, не успевая, не успевая...

Земля разверзлась под ногами. Темное отверстие, словно рот гигантского червя, пахнулось и...

– Аа-а-а! – Аякчан и Хакмар ухнули во тьму туннеля и понеслись вниз-вниз-вниз по гладким стенкам. Они все неслись, вопя во всю глотку, пока не вылетели куда-то в крошечном мраке, забились, молотя руками и ногами в пустоте, и... рухнули на теплое, мягкое, живое...

– Может, вы с меня слезете? – сказала это теплое-мягкое-живое знакомым голосом с порывающимися интонациями. – Я вам не медвежья шкура на полу – вот так валяться!

* * *

– Ай-ой! Ой-ай! – стена и кряхтя, держась за обожженные спины, две жрицы – средних Дней толстуха и совсем молоденькая девчонка – поднялись, отряхивая золу, и подползли к зияющему посреди пепелища провалу. Земля медленно сыпалась с краев, заваливая открывшийся проход в неведомые глубины.

– Эй! Что здесь... – от пылающих амбаров ковыляла младшая помощница Кыыс. – Меня ударило... И... Я ничего не помню! – она оглядела выжженное пепелище. – А... Где кузнец? И куда делся город?

– Прилетала одна девица – младше нас с тобой... – замороженным голосом откликнулась ее подруга. – Дала жрице Синяптук в лоб и уволокла черного кузнеца сквозь дырку в земле. А город уже так... попутно развалился. Не выдержал. Да, еще говорят – она мать-основательница нашего Храма.

– Никакая она не... мы должны немедленно организовать преследование, – глядя в полужасыпанное отверстие, пробормотала Синяптук.

– Прыгайте – здесь неглубоко, – откликнулась помощница Кыыс.

– Мы должны немедленно доложить верховным... – глядя в небеса, сказала Синяптук.

– Летите – здесь недалеко, – снова согласилась молодая жрица.

– Замерзни, наглая девка! – взвизгнула Синяптук и швырнула в соперницу Огненным шаром.

– Это из-за тебя кузнец сбежал, гусыня жирная! – заорала та, бросаясь Огнем в ответ.

Засевшие в тайге горожане еще долго глядели, как голубые Огненные шары сверкают над пепелищем их домов. Ничего, они подождут. Когда жрица Гамули скажет, что можно, тогда и вернутся.

Свиток 3, повествующий о необычайном путешествии тайными путями Земли

Хадамаха-а, мы где? – заворуженно протянула Аякчан.

Странный плот – упругий, мягкий и словно пронизанный толстыми, в руку, прожилками – больше всего походил на гигантский лист папоротника, только белесый, словно вырос вовсе без солнца. Едва заметно покачиваясь, лист плыл по густой и непрозрачной черной воде – его края с негромким шорохом терлись об каменные стены. Трепещущий на ладони Аякчан Голубой огонек выхватывал из темноты морщинистый каменный свод. Черная вода текла в узком каменном канале, точно кровь в жилах.

– На тайных путях земли, – неохотно пробормотал Хадамаха.

– Тайные пути земли, – задумчиво повторила Аякчан. – Тетушка Умай показала?

– Ну-у... да, – согласился Хадамаха. – А что? – И невольно поморщился. Он уже и забыть успел, как ему не нравится, что Аякчан зовет Умай тетушкой. Хотя все правильно, Калтащ-эква, Владычица земли Умай и впрямь доводилась сестрой матери Аякчан – Повелительнице Пламени Уот. Но вот не нравилось ему! Напоминало о разнице в возрасте.

– Да так... – откликнулась Аякчан. – Ай да тетушка! Я всегда думала, что в ее возрасте надо уже о духовном думать – особенно духу земли. А не тайные пути молодым парням показывать.

Бульк-бук-бук! – черная вода недовольно забурилась.

– Если бы Хадамаха нас не выдернул, жрица Синяптук нас бы поджарила, – вмешался Хакмар. Он очень старался говорить ровно, но голос у него по драгивал от слабости.

– Кто ж знал, что Айбанса и Дьябылла – обе! – ей амулеты со своей силой подкинули! – взвилась Аякчан. Хлипкий плот закачался, черпая краями. – Я бы все равно справилась, – строптиво буркнула девушка. – Может быть... Скорее всего...

– Ну да... – вздохнул Хакмар и повернулся к Хадамахе: – Ты как нас нашел?

– Жрица Кыыс и жрица Синяптук отправились в тайгу на медвежью охоту. – Хадамаха усмехнулся. – Только почему-то решили, что это они охотятся.

– Кыыс рассказала, где Хакмара искать? – удивилась Аякчан. – Не похоже на нее.

Хадамаха поглядел на девчонку снисходительно – какие эти жрицы одинаковые, все им скажи да Расскажи.

– Разве, чтобы знать, обязательно, чтобы рассказали? У их стражников копья были храмовые, а весь охотничий припас – из здешнего городка. Что я, руку мастера не признаю? Ну где еще жрицы могли ценную добычу оставить?

– Добыча – это, значит, я, – откликнулся Хакмар.

– Не надо было попадаться! – фыркнула на него Аякчан. – Вот как ты умудрился на всей большой, можно сказать громадной, Сивир-земле напороться на жрицу, а?

– А что, на всей большой, можно сказать громадной, Сивир-земле есть хоть одно место, где не напорешься на голубоволосую ведьму? Вон, даже тут, на тайных путях земли, хоть одна да есть!

– Он тебя спасти пришел, – вмешался Хадамаха.

– Меня? – Аякчан замерла. – Меня-то зачем?

– Гляди! – Хадамаха потянулся к своему вещевому мешку и вытащил берестяной свиток. – «Сивирский вестник», иллюстрированное приложение – не то что в городах на каждом столбе, даже в тайге, считай, на каждой елке приколочено.

– «Криминальная хроника»? – с изумлением прочитала Аякчан и уставилась на изображение. Маленькая фигурка сгибалась под тяжестью кандалов – и вся ее поза, поворот головы, свешивающиеся на лицо длинные волосы выражали безнадежность и отчаяние. По обе стороны от пленницы стояли торжествующие жрицы, в спину упирались копыя храмовых стражников. Аякчан поднесла Огненный шарик близко-близко и быстро забормотала, скользя глазами по строчкам: – «Предпринятое Храмом расследование увенчалось полным успехом...»

Хадамаха в который раз почувствовал, как в груди клокочет медвежий рык. Храм принял расследование! Да если б не эта фраза, он бы, может, попытался с Кыыс договориться, а не запер ее на поляне Калтац! А так... Да знают они вообще, что такое настоящее расследование?!

– «...Мошенница четырнадцати Дней от роду именем Аякчан, выдающая себя за ученицу Огненного Храма, схвачена усилиями жрицы Кыыс... Не оказала сопротивления превосходящим силам Храма... Ожидается смертный приговор...» – скороговорка Аякчан сбилась. – Что-о? – заорала она, размахивая берестой и подаваясь к Хакмару так, что лист в очередной раз накренился. – Как ты мог поверить?

– Что тебя собираются казнить? – не понял Хакмар.

– Нет! Что я не оказала сопротивления! Да хоть какие там превосходящие силы, я бы их всех... Каждую... – Аякчан захлебнулась гневом. – И что? Ты это прочитал... – Аякчан безжалостно скомкала бересту. Хадамаха невольно поморщился – стоило беречь! – И... полез меня спасать? – Голос Аякчан дрогнул – то ли от злости, то ли... от затаенных слез. – Голубоволосую ведьму? – Она отвернулась от Хакмара, занавесив лицо голубыми волосами.

– Наверное, по-чуждацки будет теперь говорить, что вы на моем месте сделали бы то же самое, – грустно усмехнулся Хакмар.

Над плотом повисло долгое молчание. Обостренным медвежьим слухом Хадамаха уловил, как Аякчан беззвучно всхлипнула... и почти нормальным тоном сказала:

– Тебе надо ожоги чем-нибудь смазать. – На Хакмара она по-прежнему старалась не смотреть.

Хадамаха в очередной раз запустил руку в мешок, и к Аякчан подкатился небольшой туесок с пахнущей травами мазью.

– Вот... на медвежьем жиру, – пробурчал он.

Аякчан нервно хихикнула, но хвала Властителю Небес Эндуре, интересоваться, не из себя ли Хадамаха жир выпарил, не стала.

– Еще Донгар перед уходом оставил, – пояснил Хадамаха.

– Ты рубашку-то снимай... – сосредоточившись на крышке туеска, словно открыть его было невесть как трудно, прошептала Аякчан. – Как я тебя мазать буду?

Хакмар открыл рот... Хадамаха аж напрягся – неужели скажет, мол, спасибо, не надо, как-нибудь сам... Лицо у Аякчан стало страшным – ну таким, что за нее очень страшно. Хакмар молча рот закрыл и, шипя от боли, принялся не столько стаскивать, сколько обирать с себя черные лохмотья рубахи.

– Что Хакмара взаправду захватили, сообщать не стали, – обрадованно затараторил Хадамаха.

– Я в Огне увидела, – переползая по качающемуся листу Хакмару за спину, пропыхтела Аякчан. – Я все-таки албасы Голубого огня. И мать-основательница Храма, – гордо напомнила она и запустила пальцы в туесок, набирая остро пахнущую травами мазь. – Эта заморозка Кыыс что, не соображала – как только в твоей камере зажжется Огонь, я сразу узнаю. – Аякчан положила мазь на спину Хакмару.

Тонкие девичьи пальцы коснулись обожженной кожи. Лопатки Хакмара дернулись, точно к его спине копые приставили. Парень напрягся...

– Тебе больно? – испуганно спросила Аякчан.

– Нет, – после недолгой паузы глухо буркнул Хакмар. – Все хорошо...

– Честно?

– Да мажь уже! – чуть не простонал Хакмар.

– Ладно... – растерянно ответила девушка и принялась растирать мазь по красной от Жара коже, покрытой коричневыми рубцами ожогов.

Хадамаха неуклюже завозился на плоту, демонстративно усаживаясь к парочке спиной.

– Кыыс послали за Донгаром и Хакмаром. За черными. Пока они на меня охотились, я много чего понять успел. Королеве нужно наследие Советника. Ты ей не нужна... – Настолько не нужна, что она приказала Аякчан убить. Но этого Хадамаха говорить не стал – не маленькая, четырнадцать Дней, сама сообразит. – Да и не верят ни Королева, ни Кыыс, что ты – мать-основательница Храма.

– Ничего, это скоро изменится, – трудясь над плечами Хакмара, буркнула Аякчан.

– Как? – в один голос настороженно спросили парни.

– Очень просто – я возглавлю Храм, и ни у кого не останется никаких сомнений, – небрежно, словно сообщая, что собирается приготовить рыбу на обед, бросила Аякчан. Остановилась на мгновение... – Нет, сперва, конечно, ни у кого не останется сомнений, а уж потом я возглавлю Храм. В общем, неважно... Результат все равно один. Храм нуждается в переменах – ну хотя бы по жрицам предвзрывного возраста вроде Гамули. Королева с верховными пенсию платить жадничают, вот и держат жриц под Огнем до последнего. А что потом городка-другого не досчитаются – так Сивир большой! – она возмущенно фыркнула. – При мне все станет по-другому! – И она снова начала трудиться над Хакмаровыми плечами.

Хадамаха чуть не рухнул на спину:

– Аякчан, у тебя что, и правда, как про жриц говорят – мозги закипели? За нами Храмовая погоня по всему Сивиру идет, а ты собираешься Храм возглавить?

– Предлагаешь всю жизнь по берлогам прятаться? – недобро прищурилась Аякчан. – Вот потому, что за нами гонятся, я и должна как можно скорее вернуть свое место в Храме. А всех остальных жриц поставить на место! Кроме жрицы Кыыс – ее я просто убью! – покрывая мазью очередной Хакмаров ожог, постановила Аякчан так холодно и твердо, что Хадамаха подумал – а не доброе ли дело он сделал для Кыыс, когда запер ее на поляне Золотой Бабы.

– У меня даже сторонницы уже есть! – гордо объявила Аякчан.

– Целая одна, – серьезно согласился Хакмар. – Если, конечно, ее не прикончат за то, что нам помогала.

– Моих сторонниц не так-то просто прикончить!

– Тогда тебе к верховным, – пропыхтел Хакмар – то ли больно было, то ли разговор не нравился. – Мне Кыыс рассказывала, пока уговаривала на вашу Снежную Бабу работать! Верховные только и мечтают, чтобы тебя найти и против Королевы использовать. Заберут тебя в Столицу...

– В Столицу я, безусловно, попаду – только сама, без всяких верховных! Я собираюсь править Храмом, а не работать Огнеметом для двух наглых тысячедневных теток! – выпалила Аякчан. – Сам-то зачем позволил Кыыс довести себя до такого состояния? – Аякчан снова обползла вокруг Хакмара, плюхнула новый комок мази ему на грудь и принялась растирать с такой яростью, что Хадамаха невольно посочувствовал парню. Не иначе как в их южных мастерских специально учат терпеть – сам бы Хадамаха уже орал от боли, хоть и Брат Медведя! – Договорился бы с ней – сейчас ехал бы на перекладных собаках в Новосивирский Мастергородок, Рыжий огонь свой исследовать. А не плыл неизвестно куда! На листике... – продолжала разоряться Аякчан.

– В Мастергородок попасть неплохо – говорят, там отличные специалисты. По крайней мере те, кого вы из наших мастерских забрали. И Рыжий огонь надо исследовать, – в тон ей отозвался Хакмар. – Только твой Храм его не получит! Рыжий огонь принадлежит кланам гор Сумэру!

– Зачем? – съездив Хакмара по носу голубыми волосами, Аякчан резко вскинула голову и подозрительно уставилась парню в лицо. – Вы что задумали?

– Ничего особенного – надоело, какую цену вы за свой Голубой огонь ломите, – равнодушно ответил Хакмар. – А с Рыжим вы нам больше не понадобится.

– Отделиться задумал? – страшным шепотом выдохнула Аякчан. – Оторвать горы Сумэру от остального Сибира? Войну между мастерами и Храмом устроить?

– Разве что маленькую, – небрежно ответил Хакмар. – Чем быстрее вы, ведьмы, сдадитесь, тем добрее мы будем к побежденным!

– Это мы будем очень добры к побежденным! Я тебя просто спалю в кучку пепла по доброте душевной, ты, свободолюбивый горец! – И Аякчан со всей силы стукнула его кулаком в грудь.

Хакмар сдавленно охнул... от боли его сложило пополам.

– Хакмар! Тебе больно! – испуганно вскинулась Аякчан.

– А ты как думала? – ломким голосом откликнулся Хакмар. – Зато теперь я честно могу сказать, что вы, ведьмы, напали первыми!

– Замолчи немедленно, а то я тебя снова стукну! – всхлипнула Аякчан, поддерживая парня за плечи.

Хакмар шумно выдохнул и выпрямился. И посмотрел сверху вниз на зареванную мордашку Аякчан. Слезы оставили дорожки на покрытом серой маской пепла лице. Аякчан посмотрела на него...

Хадамаха понял, что снова надо отворачиваться! И уставился прямо перед собой – в наплывающую на них тьму бесконечного туннеля.

– Ой! – тихонько сказала за спиной Аякчан – и наступило долгое молчание. Даже дыхания этих двоих не слышно. Словно и нет их.

Счастливые люди! Каждый уже придумал, что делать. Аякчан – захватить власть в Храме. Хакмар – исследовать Рыжий огонь и добиться независимости Южных гор. И они готовы сойтись в честном бою и отвоевать... не исключено, что друг другу.

«А у меня все проще – не надо мне ни власти Храма, ни свободы гор. Хочу домой. К маме. К отцу с братом. И еще одну девушку увидеть – обязательно. Нам надо поговорить».

– Нам надо поговорить, Хадамаха! – звонко сказал девический голос.

Свиток 4, в котором сильные духи делятся своими планами на будущее людей

Хадамаха оглянулся. Вокруг никого не было. Совсем никого – включая Хакмара и Аякчан. Лист был совершенно пуст.

Хадамаха вскочил:

– Где они? – И шарахнулся головой о каменный свод. – Уй-ей! – Лист закачался так, что пришлось растопырить руки, упираясь в стены туннеля, чтобы не опрокинуться. – Аякчан! Хакмар!

– Здесь они, успокойся! Просто ты сейчас не видишь их, а они – тебя! Или тебе обязательно подсматривать, как они целуются? – раздраженно спросил девичий голос.

– Они-то целуются! – обиженно пробурчал Хадамаха, осторожно усаживаясь обратно на мокрый и остро пахнущий черной водой лист. – Тебя я тоже не вижу.

– И не увидишь! – отрезала невидимая девушка. – Что было, когда я в прошлый раз появилась, а?

Хадамаха засмутился. Его большие руки неловко терли колени, точно он хотел протереть дырку, и смотрел он только вниз, боясь поднять глаза.

– Кто обниматься полез? – обвиняющим тоном заявила невидимая девушка.

– Я спросил... – не отрывая взгляда от коленок, пробубнил Хадамаха.

– Я сказала, что нельзя!

– Ты так сказала нельзя, что я подумал – немножко можно.

– Немножко и было можно. – В девичьем голосе появились сварливые интонации. – А ты мне чуть все кости не переломал лапами своими медвежьими!

Хадамаха сокрушенно поглядел на свои ладони и вздохнул.

– А ведь я по делу приходила! – недовольно объявила она.

– Ты всегда по делу приходишь! – отчеканил он и отвернулся. Демонстративно. От того места, где она могла бы быть, если бы ей не было на него наплевать!

– Ты чем-то недоволен? – настороженно поинтересовалась невидимая девушка.

– Куда ж мне быть недовольным-то! – воскликнул Хадамаха – с такой бесконечной искренностью, что это уже граничило с издевательством. – Вон, Хакмар с Аякчан – жрица да горец. Им друг друга даже терпеть рядом не положено, а все как-то ладят! А у моей девушки важные дела! – с сарказмом процедил он. – Ты меня стесняешься, умгум? Что я вот медведь? Или что из бывших стражников?

– Ты чего? – Весь запал у девушки исчез – она явно растерялась. – Так и правда пове-ришь, что у вас, стражников, в голове одна извилина и та от шлема. С чего ты взял, что я тебя стесняюсь?

– Что ж мы встречаемся только на сто локтей под землей? – он окинул взглядом туннель. – На празднества-ысыахи не ходим, на шаманских представлениях не бываем. Нигде не бываем, кроме Пламенных битв и загадочных подземелий! Нормально, умгум?

– А молодому парню встречаться со старой бабкой – нормально? – заорала девушка. Воздух над листом дрогнул, и на нем появилась... старуха. По хант-манскому обычаю, собственные волосы ее сплетались с накладными угольно-черными косами, еще больше подчеркивающими седину. Лицо сморщено, как кора старого дерева, запавшие губы старушечьего рта напоминали засушенные жабы шкурки... и только глаза на этом древнем лице смотрелись странно молодо и дерзко.

Хадамаха подпер голову кулаком, тяжело вздохнул – словно сожалел о кое-чем тупом упрямстве – и уставился на старуху взглядом таким ехидным и ироническим... что бабку передернуло. Ее облик поплыл – точно его нарисовали на снегу перед самой оттепелью. Сперва что-то произошло с паркой – здоровенное, размером с чум, сооружение из замши и меха стало короче, убралось в талии, обзавелось кокетливым пушистым воротом и цветной вышивкой. Седые косы брызнули золотом и медью... Вместо старухи на листе стояла молоденькая, не старше Хадамахи, хорошенькая девушка в модной укороченной парке, щегольских торбозах и расшитой раковинами-каури задорной шапочке на невиданного, золотисто-медного цвета толстых косах.

– Ну ладно, ладно! – досадливо закричала девушка. – Вот она – я! Добился своего?

Хадамаха молча похлопал по листу рядом с собой. Девушка мгновение поколебалась... потом села рядом, поджав ноги и привалившись плечом к боку Хадамахи. Парень замер – как замирают, когда тебе на ладонь опускается птичка, готовая в любой миг вспорхнуть и улететь.

– Как с тобой трудно! – пожаловалась она. – Ты что – не понимаешь? Я – Умай, Калтащ-эква, дух средней Сивир-земли...

– Соробе, бэле! ¹* Приятно очень – Хадамаха из племени Мапа. – Он кивнул, словнознакомился. – Бывший стражник, бывший игрок в каменный мяч... нынче все-Сивирский преступник.

– Прекрати развлекаться! – она стукнула его кулачком по плечу. Туго натянувшаяся на могучих плечах Хадамахи синяя стражничья куртка угрожающе затрещала. – Я отвечаю за всю Среднюю землю, а ты мне предлагаешь на медвежьих празднике с тобой плясать. Как ты себе это представляешь?

– По-разному, – вздохнул Хадамаха. – Летом представляю, зимой, иногда Ночью, иногда Днем. В городе каком. Или наоборот, у нас, у Мапа, в селении. У нас знаешь какие праздники бывают! Ого! Я тебя с мамой познакомлю! Она тебе понравится. Она не такая, как некоторые... ну, которым в девчонках все не так... Да она сама не старая!

– Знаешь... – удивленно протянула Калтащ. – Меня еще никто не знакомил с мамой! Считается, что это я – всеобщая мама. Мать-Земля. Ты рассказывай, мне нравится! – Она завопилась, пристраиваясь поудобнее. Хадамаха аккуратно протянул руку и тихонько обнял ее за плечи. Возражений не последовало.

– Я б для тебя все-все подарки на всех-всех соревнованиях выиграл. – Он украдкой поглядел на ее руки. На пальце Умай красовалось вырезанное им костяное колечко. Хадамаха ухмыльнулся и прижал ее к себе крепче. – Чего тут рассказывать – тут делать надо! Вот выберемся отсюда и...

Девушка вдруг досадливо хлопнула себя ладонью по лбу и рванулась в сторону, сбрасывая с плеч руку Хадамахи.

– Я же говорю, что с тобой трудно! – едва не плачущим голосом выкрикнула она. – Вечно мне голову как метелью запорошишь, что я и не помню, зачем пришла! Плынешь, плывешь – тебе неинтересно совсем, куда выплывешь?

– Ты ж пришла – скажешь, – лениво откликнулся он. – А если мы сперва о своем – о важном! – поговорим, мы что, куда плывем, туда опоздаем?

Девушка вскочила и грозно ткнула в Хадамаху пальцем:

– Хадамаха, ты – маньяк!

Хадамаха озадачился.

– Мапа я! Чукчей знаю, хант-манов знаю, сахи знаю, Амба-тигров тоже знаю... – принялся загибать пальцы он. – Маньяков не знаю! Кто такие, где обретаются?

---

¹ Здравствуй, красавица!

– Их где угодно встретить можно! – ехидно сообщила Калтащ. – Хоть вот даже на тайных путях земли! Маньяки – это злодеи такие, к девушкам пристают. В неправильное время и в неправильном месте!

– Не злодей я! – разобиделся Хадамаха. – Стражник я, хоть и бывший. Я и сейчас бы стражником был, если б не поддался на черношаманские камлания и не влез в дела с Советником и Храмом! Злодеев бы ловил... – совсем помрачнел парень. – Разных... А то самого большого поймал – и все, сразу сам все-Сивирским преступником сделался!

– Ну что мне теперь, прощения у тебя просить? – разозлилась Калтащ.

– Ты-то при чем! – отмахнулся Хадамаха.

– Я как раз больше всех при чем, – после долгого молчания тихо сказала Калтащ. – Плохо мне, Хадамаха... Плохо. – Она потянула пышный ворот парки, будто тот душил ее. Под глазами у Калтащ разбежались морщинки, кожу усыпало пятнышками, точно девушка стремительно, на глазах старела.

– Обидел кто? – испугался Хадамаха.

– Такие же, как ты! – она уставилась на него чуть не с ненавистью, глаза у нее запали, как у тяжело больной.

– Погоди... Какие – как я? – еще больше растерялся Хадамаха. – К тебе что, еще какой парень клеится? Ну... кроме меня?

«Я его сам приклею! – подумал он. – Рыбным клеем на берегу Великого Океана! Так, чтобы косатки дотянутся могли!»

– Все вы клеитесь, как один! – губы Калтащ скривились горькой усмешкой все в этой жизни повидавшей старухи. – Добычу дай, Калтащ, ягоду в лесах дай, бересту на чумы, дрова в костер дай, травы – дай, детей – тоже дай, оленей – дай, Черную кровь – давай, давай... От меня уже скоро не останется ничего! – с тягостным недоумением, словно сама не понимая, как же так вышло, сказала она. – Другим-то духам все равно – Нуми-Торуму в его Верхнем мире, или Эрлику – в Нижнем, или сестрице Хотал-эке... – Калтащ потыкала пальцем в каменный свод, над которым где-то там, высоко-высоко, выбиралось из-за гор Сумэру пробудившееся после Долгой ночи солнце. – Ей-то что вы сделать можете? А вот мы с сестрицей Седной...

– А Повелительнице Океана чего надо? – тихо спросил Хадамаха.

– Как чего? Вся дрянь, что вы, люди, плодите, все летит в ее Океан! И мусор ваш обыкновенный, и дела ваши дурные, и злоба, и ненависть – все в ее воду уходит и запутывается у Седны в волосах! А рыбу вам давай, тюленей тоже...

– Но ведь так всегда было? – недоуменно спросил Хадамаха – и чего Калтащ развевалась-то, непонятно.

– Вы стали сильнее, – тоскливо ответила она. – Вы стали такие сильные и можете брать так много. Особенно сейчас, с этим Храмом, который делает, что хочет. Когда-то такое уже было, – совсем тихо, почти неслышно добавила она, раскачиваясь, будто в шаманском трансе. – Тысячу Дней назад. Черные шаманы – они стали тогда такие могучие... Научились делать такие вещи... Они выходили к Черной реке – и никто не мог их остановить. Ни я... Ни Торум... Ни Эрлик... Эй, ты чего? – Она вдруг перестала шептать и раскачиваться, удивленно уставившись на Хадамаху.

Мальчишка отстранился. Впервые он сам отодвинулся от Калтащ и вперился в нее безумным взглядом, в котором человеческое удивление мешалось с настоящей медвежьей яростью.

– Это вы! – потрясенно прошептал он.

– Что – мы? – осторожно спросила Калтащ. – В смысле кто – мы?

– Тебе лучше знать – кто! Ты, Седна, Эрлик, Нуми... – с усмешкой не менее горькой, чем у Калтащ, принялся перечислять он. – Вы создали Храм и жриц! Вы не могли справиться

с черными шаманами сами и сотворили тех, кто сделает это за вас! Понимаю... Небось тогдашние черные тоже, как Донгар, говорили, что духи людей уважать должны, потому как человек духа олениной кормит, поросят носит...

– Донгар так говорит? – оскорбилась Калташ. – Да вы не то что оленину – курицу несчастную и ту жалеете!

– И кузнецы черные, если они вроде Хакмара были, тоже неудобные – штуки всякие придумывают. Горный мастер и сам что хочет сделает, духи ему без надобности. Вот вы и сделали так, чтобы черных вовсе не было! Чтобы люди по чумам сидели да перед Эрликовыми тварями дрожали! Без черных народец на Средней земле стал тихий, напуганный, к духам почтительный... – Он поглядел на Калташ еще не с презрением, но... с осуждением точно! – Что ж ты теперь по чумам да пещерам черных выискивала?

– Мы не собирались черных уничтожать! – завопила Калташ и затараторила, захлебываясь словами: – Мы не думали, что голубоволосые девчонки их истребят! Мы просто хотели, чтобы на Сивире была еще одна, другая сила, кроме черных, которая им соперником будет – и не даст творить, что захотят!

– Мне всегда казалась странной эта история: что мама Аякчан, Най-эква, создала Голубой огонь, чтобы доченька могла от тогдашнего Донгара тысячу Дней назад отбиться. – Теперь уже Хадамаха раскачивался, как в трансе. – Такое большое дело – для одной девчонки? Так много Голубого огня, такой великий Храм...

В темном туннеле раздался длинный вибрирующий всхлип – и плаксивый женский голос прорыл:

– Сестрица Калташ, почему твой медведь говорит, что я не люблю свою дочь?

– Успокойся, Най, он ничего такого не имел в виду, – даже не оглядываясь, бросила Калташ.

– Да-а-а... Как же не имел – он сказа-аал... – плаксиво протянула невидимая собеседница. – А я люблю! Она такая хорошая девочка, – она снова всхлипнула, воздух над листом заколебался... и рядом с Калташ появилась женщина.

Худая, как щепка для растопки, и такая же длинная, с острым, как клюв у дятла, носом. Хадамаха содрогнулся – волосы женщины были того самого, жуткого огненно-алого оттенка, как у чудовищ в подземельях Советника. И выглядели бы страшно, если бы не были стянуты в неопрятный пучок на затылке и не свисали унылыми прядями вдоль лица. Женщина снова всхлипнула и трубно высморкалась в зажатую в руках пушистую шкурку – шкурка немедленно вспыхнула, полыхнув разом Голубыми и Рыжими искрами и немилосердно воняя. Женщина смущенно ее скомкала.

– Ох, простите! – пролепетала она, вытирая лицо рукавом потрепанной парки из рыжих лис. – Я, конечно, плохая мать... Но нельзя же вот прямо так, в лоб... – она зажмурилась, стараясь сдержать слезы. – Аечка такая талантливая! Такая... волевая! Храм – это она сама, да-да, все задумала и сделала совершенно сама! Огонь, конечно, я, а Храм – нет-нет, я ни при чем, все она сама! Правда же, чудесная девочка?

– Вы что... Это... То есть эта... Мама Аякчан? – ошалело глядя на хлюпающую носом женщину, пробормотал Хадамаха. – Най-эква, дух Пламени подземного и небесного?

– Что, не похожа? – Губы у женщины задрожали. – Ты видишь, Калташ, какое я ничемное существо? Матери из меня не получилось, и даже как духа меня не уважают...

Голубой огонь она ведь тоже вроде как наплакала. Хадамаха никогда не верил в эту часть истории Храма. Выходит, напрасно?

– Нет... Я хотел сказать, похожи, конечно... То есть... На Аякчан совсем не похожи... Волосы другого цвета... А говорили, что вы драконица – три головы и шесть лап! – окончательно одурев, выпалил он.

Женщина длинно всхлипнула, снова утыкая нос в замызганную шкурку:

– Это жестоко! У всех у нас во внешности есть недостатки. У некоторых три головы и шесть лап... А у других маленькие глазки и физиономия как бубен! – Она бросила на Хадамаху быстрый взгляд поверх шкурки. – У меня не всегда три головы и лапы!

– Так у меня тоже... Глазки и бубен... То есть физиономия... Не всегда... – выдохнул все еще шалый от изумления Хадамаха. – Иногда морда... Ну и лапы, да...

– Тогда, тысячу Дней назад, Най нам очень помогла с этим своим Голубым огнем. – Калтащ похлопала по руке хлюпающую носом Най-экви, грозную Уот Усуутума, духа все-разрушающего Пламени. – Хотя могла бы и не вмешиваться, ей черные шаманы ничем не угрожали. Огонь – такая штука, что есть во всех трех мирах и всюду нужен! – она ободряюще улыбнулась Най.

– Я хотела помочь моей девочке... Она так злилась на того, другого, мальчика, ну, который ее земной муж... Она у меня такая свободная! Такая безудержная! – теребя зашморганную шкурку, то ли похвасталась, то ли пожаловалась Най. – Просто как Пламя!

– И когда твоя безудержная девочка не смогла разобраться со своими мальчиками, она устроила большую войну. Они все устроили... – исправилась Калтащ. – И черных не стало. Остался один Храм. Теперь этот Храм набрал силу и подбирается к Черной воде и Рыжему огню! Мало им Голубого!

– А вы возвращаете черных, чтобы те остановили голубых! Шаманский бред! – безнадёжно сказал Хадамаха. А ведь она еще не знает, что Хакмар мечтает подчинить Рыжий огонь горским кланам, а Аякчан – снова возглавить Храм. Глядишь, и новая война не за горами. Не за горами Сумэру.

– Я не возвращала Донгара! Он сам решил, сам вырвался из Нижнего мира! А вы трое сами отправились вместе с ним! – вскричала Калтащ, и Хадамаха вдруг понял, что она в отчаянии. – Я не знаю, что он задумал... Не знаю, что вы задумали... Не знаю, можно ли остановить Храм! – она замолчала, тяжело дыша. – Седна вообще предлагает поднять приливную волну и избавиться от вас навсегда! – тихо сказала она. – Вам она не мать. И зверье лесное она тоже не жалеет. Только своих, морских...

– А ты согласишься? – недобро сощурил маленькие глазки Хадамаха.

– Если вы меня прикончите – сами пропадете со мной вместе! – с достоинством сказала Калтащ.

– А так только люди да люди-звери пропадут, – процедил Хадамаха.

Калтащ поглядела на него грустно-грустно.

– Когда тебя пытались убить, ты дрался за свою жизнь, верно? А мне как же – сидеть в своей пещере да ждать, пока добьют?

Хадамаха вздохнул – тяжело, с подвыванием, скорее по-волчьи, чем по-медвежьи:

– Что ж нам делать-то?

– Не знаю, – ответила Калтащ. – Духи тоже не все знают. Я могу только доставить вас в то место, где помощь нужна прямо сейчас, и надеяться, что вы придумаете, как нам всем уцелеть. Иначе...

Хадамаха невольно отпрянул – голос девушки, которая ему так нравилась, громыхнул камнепадом и гулом колеблющейся земли, а глаза сверкнули кипящим золотом.

Она взяла под руку все еще тихонько шморгающую носом Най и повернулась к Хадамахе спиной.

– Ты много говорил, как я тебе нравлюсь и как ты для меня что угодно и во всех трех мирах сделаешь... – бросила она через плечо. – Вот и сделай! Даже если я теперь тебе не очень нравлюсь! – с горечью сказала она и шагнула к краю листа.

– Передайте Аякчан, что я ее очень... ну просто всем Жаром духа люблю! – крикнула Най, и обе исчезли в каменной стене.

Хадамаха невольно шагнул им вслед – и остановился. Не зря ведь он так не хотел, чтобы они с Калтащ говорили о делах. Вот и договорились. Почему выходит: вроде нравится тебе девчонка, а как дело доходит до чего-то важного для тебя – скажем, жизни... И важного для нее – скажем, тоже жизни... И вы уже готовы поубивать друг друга? А он еще Аякчан с Хакмаром не понимал! Верно говорят, пока в чужую шкуру не влезешь...

– Аякчан! Хакмар! – завопил Хадамаха, снова вскакивая...

Свиток 5, где герои почти благополучно завершают свое путешествие по тайным путям Земли

Голубой огонек сиял на ладони Аякчан. Девушка металась вдоль края листа, а в черной воде подземного канала бился Хакмар. Вот он взмахнул руками и пошел ко дну... Хадамаха ринулся на помощь. Плюхнулся на край листа, сунул руку в густую непрозрачную черную воду... пальцы его сомкнулись на густых волосах... и со всей силы рванул вверх, выдергивая Хакмара на поверхность.

– Хадамаха! – завопила Аякчан.

– Хадамаха! – отплевываясь черной водой, прохрипел Хакмар. – Ты что делаешь?

– Тебя спасаю! – пытаюсь за волосы вытащить Хакмара на лист, с натугой выдохнул Хадамаха.

– А я – тебя! – отфыркнулся Хакмар. – Может, отпустишь меня – если, конечно, ты не начал собирать скальпы?

– Мы оглянулись, а тебя нет! – всхлипывая от облегчения, зачастила Аякчан, пока Хакмар карабкался на лист. – Мы подумали, ты упал, пока мы э-э...

– Пока вы – «э», можно Ледяное море Байгала переплыть, – проворчал Хадамаха. – В омулевой бочке. Говорят, есть там такое развлечение. Для этих, из богатых родов, которым больше делать нечего, кроме как безобразия учинять.

На самом деле ему было просто завидно. Другие – «э», а он... Умгум, вот именно...

– Ты где был? – требовательно спросила Аякчан.

– Встречался, – мрачно буркнул Хадамаха. – Калтащ говорит, или мы все слазим с ее шеи и даем ей жить, или она разом с Седной прибьет нас, чтобы мы не прибили ее.

– Ничего не понимаю, – растерялась Аякчан. – Ты же вроде... ну, нравился тетушке Калтащ.

Хадамаха привычно поморщился на упоминании про тетушку и недовольно буркнул:

– До меня ей дела нет. – И впервые подумал, что это, наверное, правда. Было б ей до него дело, разве сказала б она так спокойно, что всех прибить может? – Ей вообще люди не нравятся. Особливо твои сестрички Храмовые да еще те, кто Рыжий огонь ищет. – И он одарил Аякчан и Хакмара мрачным взглядом.

– Ты говоришь какую-то ерунду! – неуверенно сказала Аякчан.

– Еще маму твою видел, – снова пробурчал он – мысли его витали далеко.

– М... мою? – прижимая руку к груди, точно проверяя, на месте ли сердце, охнула Аякчан. – Как ты мог ее видеть? Я как в Храм попала, ее не видела, может, ее и в живых-то нет...

Хадамаха дико покосился на нее:

– Чего ей сделается – духу Огня?!

– Ты... про Най-экви говоришь? – переспросила Аякчан, отнимая руку от груди.

– Умгум. А у тебя что, другая есть? – удивился Хадамаха. – Сама все уши прожужжала, как летняя пчела, что твоя маманя – сама Най-эква, Уот Усуутума. – Язык чесался рассказать, что Голубой огонь был сделан вовсе не для Аякчан, а чтобы от таких, как Донгар и Хакмар, избавиться, которые лезли, куда духам не надобно. Ох, Аякчан и взбеленится, когда узнает, что родственнички-духи разыграли ее втемную – против черных.

Аякчан взбеленилась и так. А также покраснела и стала поблескивать Огненной голубизной в глазах, волосах и на кончиках пальцев.

– С чего это моя мама встречается с тобой, когда я вот тут же, рядом?

– Отвлекать не хотела? – поглядывая то на нее, то на Хакмара, невинно поинтересовался Хадамаха.

– А по мне, так все ты выдумал, Хадамаха! – объявила Аякчан.

– Айка! – негромко, но очень напряженно позвал Хакмар.

Девушка только досадливо дернула плечом:

– Вы просто не хотите, чтобы я заняла положенное мне место в Храме! Завидуете...

– Айка! – заорал Хакмар, хватая ее за плечо. – Смотри!

У края листа чернели отпечатки босых женских ступней... выжженные в белесой поверхности листа! Следы курились черным дымком и тихо, как угольки под пеплом, тлели огоньками. Черные ожоги расползались...

– Эта сопливая верховная колмасам своими пятками прожгла наш лист, – не отрывая глаз от проплешины, пробормотал Хадамаха.

– Не смей так говорить про мою маму, – замороженно откликнулась Аякчан.

Хряп-хрусь! – Лист прошила ломкая трещина... и сквозь нее забулькала черная вода!

– А-а-а! – заорали все трое...

Под лист что-то долбануло. Поток выгнулся, как дикая кошка выгибает спину...

– А-а-а! – Лист подскочил, прикладывая всех троих головами о каменный свод, упал обратно в черную воду, подскочил снова... И с неимоверной скоростью помчал по туннелю.

– А-а-а! – Аякчан кубарем покатила по скользкой поверхности, уцепилась за ногу Хадамахи.

– Держитесь все! Держитесь! – заорал он и распластался по листу, медвежьими когтями вцепившись в край. Аякчан ухватила за его пояс. Рядом, до боли стиснув Хадамахино предплечье, распростерся Хакмар.

Ревущий поток Черной воды вынес лист на боковую стенку тоннеля. Швырнул на другую стену. Подбросил до потолка. Лист проволокло под самым каменным сводом, вместе с потоком он снова рухнул вниз и заскакал по туннелю, как пущенный сильной рукой камешек по волнам.

Бабах! – Позади вздувался пузырь Рыжего огня и помчался за ними, пожирая Черную воду туннеля, как оголодавший путник рыбный отвар. Вода неслась, как самая быстрая горная река... прямо к зияющему впереди отверстию. А-а-а! Со свистом и грохотом они вылетели из отверстия... и понеслись вниз-вниз-вниз, мимо низвергающегося антрацитово-черного водопада. Гигантский клуб Пламени вылетел из дыры над их головами. А-а-а! Лист плюхнулся в новый поток под водопадом и помчался вперед на невероятной скорости...

– Меня сейчас снесе-е-ет! – захлебываясь хлещущей со всех сторон водой, заорала Аякчан.

– А меня стошни-и-ит! – только и мог завопить ей в ответ Хакмар.

– А-а-а-а! – Балансируя на гребне черной волны, лист с распростертыми на нем ребятами вылетел на гладь крохотного подземного озера... Даже выдохнуть Хадамаха не успел. Вода взбурлила, будто ее кипятили. Лист подбросило вверх. Прыгая на поднимающейся из глубин озера струе, они взлетали все выше и выше, к каменному своду!

– Нас разма-а-ажет! – завопила Аякчан.

– Бей, Айка! – орал Хакмар. – Огнем! Пробивай!

Из глотки Хадамахи вырвался отчаянный рев. Куда пробивать – над ними камня небось целая гора! Но он только крепче впился в край листа. Опалив ухо Жаром, над головой у него просвистел клубок Пламени.

Бабах! – И врезался в каменный свод. Посыпались камни... Струя Черной воды внесла их в выжженный Аякчан вертикальный тоннель. Они пронеслись между красными от Жара стенами – и свежий, холодный воздух ударил им в лицо, а сверху нависло Нижнее небо с играющими на нем буйными ало-золотыми красками Рассвета.

– У-ух! – рывкнул Хадамаха, резко подаваясь вправо... Лист снесло с бьющей из земли струи черной воды, он кувыркнулся в воздухе... и треснул под когтями Хадамахи, распарываясь в лоскуты. Ездоки с воплями посыпались в толщу снега.

Хлюп! Хлюп! Хлю-юп! – Талый снег разлетелся брызгами. Самый большой «хлюп» пришелся на долю Хадамахи. Дранные остатки подземного листа спланировали на них сверху.

– Тьфу! – Хадамаха выплюнул воду – черную или обычную, талую, уже не разберешь, и сел в растекающейся вокруг луже. Тупо уставился на бьющую из земли струю. Та дернулась раз, другой, точно придавленная змея... и с негромким шипением ушла обратно в подземные глубины.

– Где мы? – пытаюсь подняться и падая обратно в талый снег, простонала Аякчан.

Хадамаха оглядел светлеющий под лучами Рассвета лес. Аякчан хотела в Столицу. Хакмар – в Новосибирский Мастергородок. Сам Хадамаха – домой. А Калтащ намеревалась отправить их туда, где они могут что-то исправить. И он честно сказал:

– Не знаю.

– Что интересует меня... – обтирая физиономию снегом, пропыхтел Хакмар. – Так это – где Донгар? Почему по всяким подземным туннелям нас тягает без него? Где отсиживается этот проклятый шаман?

Свиток 6, ничего героического, только холодно и очень хочется есть

Нет такого закона – чтобы дичи не было! – пробурчал Хадамаха. – Ни следа! – И это была чистая правда – ноздреватый подтаявший снег не пятнали следы ни зайцев, ни соболей, ни... Да ничьи следы! Будто вся лесная живность дружно на деревья переселилась, включая лосей! Хадамаха невольно посмотрел вверх – точно и впрямь рассчитывал увидеть, как отошавшие за Долгую ночь сохатые прыгают с ветки на ветку.

Завел медведь двух человечков в лес... и накормить не смог! Хотя самих ешь – не с голодухи, а чтобы свидетелей позора не осталось! Так тут же зубом зацепиться не за что. Он покосился на запавшие щеки Хакмара, на лихорадочно блестящие от голода глаза Аякчан и шумно вздохнул.

– Не пойму, что за места такие! Вот у нас дома, возле стойбища Мапа, за околицу хоть на пару локтей отойдешь, и сразу дичи – хоть всеми четырьмя лапами гребь... – Хадамаха обвел взглядом засыпанный снегом лес...

Заброшенная берлога под корнями старого дуба по первости даже внимания не привлекла. Только подумалось: «Похожа как!» И орешник на холме похож...

Орешник... Хадамаха шагнул в сторону... и, остановившись под разлапистой сосной, задрал голову. Заваленный снегом, дырявый, наполовину прогнивший... старый плетеный помост торчал между нижних ветвей кроны – и обрывок ветхой лестницы свисал с краю. Хадамаха отлично помнил эту лестницу. Он побежал. Молча, не отвечая на крики за спиной, Хадамаха мчался через лес. Цепляясь за мокрые гибкие ветки, проломился сквозь подлесок и остановился на поросшем заснеженными соснами холме, глядя вниз.

– Ты чего? Какая муха тебя укусила – вроде ж не лето, рано мухам кусаться? – догоняя его, пропыхтел запыхавшийся Хакмар и замолчал, тоже глядя вниз.

– Селение, – без особого удивления сказала Аякчан, сквозь полумрак Рассвета разглядывая снеговую стену с Голубым огоньком над воротами, сторожевые вышки, а за стеной – берестяные и обтянутые кожей чумы, беспорядочно натканные вокруг площадки торжища. И даже один ледяной дом, тускло отблескивающий в свете уличных Огненных чаш. – Не город, конечно, но большое, – одобрительно покивала девушка. – Ну и хорошо. Узнаем, наконец, где мы.

– Я знаю, где мы, – заворуженно глядя сверху на селение, сказал Хадамаха. – Здесь живут люди.

– Конечно, люди, кто ж еще, не тигры же! – хмыкнула Аякчан.

– Тигры живут дальше, – откликнулся Хадамаха и махнул куда-то за селение. – А вон там... – он показал вбок, – земля племени Мапа. Где-то там сейчас наша зимняя стоянка. Калтащ сказала, что отправит нас туда, где нужна помощь. Сюда. У нас беда. В моем доме беда.

Внутри у Хадамахи стало холодно-холодно, как когда проваливаешься в реку под лед, и так же душно и страшно. Только не дома! Только не брат, не отец... не... А вот с мамой ничего не может случиться! Вот совсем ничего, потому что если с ней что-то случилось – он просто ляжет тут, свернется калачиком, будто еж, а не медведь, и помрет. И не задерживаясь больше, ринулся вниз с холма.

– Куда? А ну стой!

Налетело, закружило, ударило горячим воздухом, и Хадамаха опрокинулся в снег. Спикировавшая сверху Аякчан замахнулась пылающим шаром. В лицо Хадамахе дохнуло Жаром, ослепительный синий свет стегнул по глазам.

– Айка, очумела, что ли? – раздался истошный вопль Хакмара.

Хадамаха мучительно моргал, пытаясь разогнать ярко-синие круги перед глазами. Наконец сквозь сплошную муть увидел Хакмара – тот ухватил Аякчан за оба запястья, а в снегу зияла черная лужа кипящей воды от сброшенного Огненного шара.

– И ничего я не очумела, голова у меня, а не чум! – отворачиваясь от него, бубнила Аякчан.

– И вот этой самой головой ты додумалась в Хадамаху Огнем пулнуть? – ласково поинтересовался Хакмар. – Так лучше бы это был чум! Чумы – они тихо стоят.

Хадамаха невольно представил себе Аякчан с чумом вместо головы и невольно хихикнул.

– А чего он? – обиженно бубнила Аякчан. – Сорвался непонятно куда, ни слова не сказал... Вот и сейчас хихикает! Ну никакого уважения! – Судя по тому, что ее бормотание становилось все невнятнее и бессвязнее, она и сама не понимала, с чего вдруг чуть не прибила Хадамаху. Аякчан выкрутилась из хватки Хакмара и подозрительно поглядела на собственные руки – будто подозревала их в заговоре. Потом виновато покосилась на Хадамаху... и перешла в наступление: – Вот ты куда помчался? Ты дым, пятна выжженные от чэк-наев, запах гари чувствуешь?

Хадамаха хотел рывкнуть и послать девушку... в тайгу – сперва чуть не прибила, ненормальная, а теперь наезжает, как нарта на ежика! – но вместо этого сильно втянул носом воздух. Прислушался к скрипу еще полусонных деревьев.

– Рыжего огня тут точно не было, – пропыхтел скатившийся к ним со склона Хакмар.

Хадамаха невольно кивнул. Раз Хакмар говорит – не было, значит, не было. Кузнец Рыжее пламя не носом, а каким-то другим местом чует.

– Никаких злых юер или мэнквов-людоедов там тоже не шляется, – тыча пальцем в селение, уверенно объявила Аякчан. – Собаки лают, и вообще – спокойно. По нынешним временам, если ничего не сожгли и никого не съели, все остальное – так, мелочь, жучки таежные.

– Ты еще не знаешь, какие у нас тут жучки бывают, – откликнулся Хадамаха, но почувствовал, как нестерпимый жар в груди начинает стихать, будто слова Аякчан были ведром снега, вывернутым на Огонь. Но в глубине души еще пекло и будет печь неостановимо, пока он не увидит своих – живых и здоровых!

– Все равно мне надо домой, – твердо сказал Хадамаха, переваливаясь на бок.

Хитрая Аякчан в снег не шлепнулась, успела спрыгнуть. Теперь стояла, подбрасывая Шар на ладони и разглядывая Хадамаху – глаза ее от злости стали такими узкими, будто он в зеркало смотрелся.

– Что, нас уже перестали искать? – Голос ее аж потрескивал, как и Огненный шар на ладони. – Жрица Синяптук, конечно, не великого ума, но поискать пропажу у тебя дома даже она догадается. А жрица Кыыс...

– Насчет Кыыс можно не волноваться, – отрезал Хадамаха.

– Ты ее что, съел? – невольно любопытствовала Аякчан.

– Она невкусная, – скривился Хадамаха.

– Никому-то вы, жрицы, не нравятся, – вздохнул Хакмар. – Даже на вкус.

– У нас от жриц эта... изжога, – любезно сообщил Хадамаха.

– Изжога – это запросто! – пообещала Аякчан, многозначительно поигрывая Синим пламенем.

– Что хочешь говори, что хочешь делай, а я пойду, – повторил Хадамаха. – У меня там... мама. И отец с братом.

– Я понимаю... Я бы тоже пошел, – вырвалось у Хакмара.

– Какое счастье, что я – не понимаю! – зло оскалилась Аякчан. – Моим настоящим отцу и маме защиты не требуется, а ненастоящим... На них плевать! – объявила Аякчан так решительно, будто... сама себя в чем-то убеждала.

«Каким еще – ненастоящим?» – подумал Хадамаха. Хотя сейчас родители Аякчан – хоть какие! – его не интересовали. Своих бы найти.

Хакмар сосредоточенно нахмурился:

– Синяпчук знает, где живет племя Мапа?

– Никто не знает, где живет племя Мапа, – усмехнулся Хадамаха. – Даже я этого сейчас не знаю. Хотя найду, конечно. У нас... особенная земля. Свои законы. Голубоволосые появляются редко. Стражников почти нет, а кто есть, может, даже не знают, что нас ищут, – добавил Хадамаха, вспомнив манеру старого начальника местной стражи пускать портреты все-Сивирских преступников на кулечки для кедровых орешков. Говорил: «Хороший человек с тайгой сам помирится, а лихой – сам удавится». Может, кому и странно, а только так обычно и выходило. Недаром в их земли бежали все, кто не мог прижиться на остальном Сивире.

– Прямо Верхние небеса, – хмыкнул Хакмар.

– Это пока вы Храму не нужны, – отрезала Аякчан, кажется, с изрядной обидой в голосе. – Как только что-то понадобится, мы быстро напомним, кто на Сивире хозяйки!

– А ты в Столицу лети! – предложил Хадамаха. – Ты ж собиралась власть в Храме забрать. Глядишь, они заняты будут, про нас не вспомнят.

– Издеваешься? – возмутилась Аякчан. – Мы на другом конце Сивира, спасибо тетушке Калташ! Отсюда до Столицы долететь – никакого Огня не хватит! А дозправиться мне никто не даст!

– Тогда идем в селение, – невозмутимо предложил Хакмар. – Посмотрим, послушаем. Если здесь и впрямь что-то зреет, в большом селении наверняка выясним. – И с тоскливым вздохом добавил: – Хоть поедим нормально. И отогреемся.

Собиравшаяся еще что-то возразить, Аякчан замерла с открытым ртом... и шумно выдохнула.

– Да. Меня хоть внутренний Огонь греет, а у тебя вообще зуб на зуб не попадает.

– П-попадает, – немедленно возразил Хакмар. И честно добавил: – Если целиться... – Он попытался закутаться в отданную Хадамахой синюю куртку храмового стражника. Толку от этого было мало – после скачек по черной воде куртка промокла насквозь.

– Ладно, идем в селение, – зло прикусив губу, процедила Аякчан. – Хотя эту манеру тетушки Калташ кидаться нами куда попало, как некоторые медведи каменным мячом, я ей еще попомню!

– Мяч не кидают куда попало! Мяч кидают куда надо, – возмутился Хадамаха.

– Мне сюда не надо! – фыркнула Аякчан и, надменно выпрямив спину, зашагала к селению. За ней не спеша двинулся Хакмар.

– Гхм, – звучно откашлялся Хадамаха им вслед.

– Что еще? – щерясь, точно готовая укусить, повернулась Аякчан.

– Даже если наших портретов у здешних стражников нет, – проникновенно начал Хадамаха, – вас двоих они все равно арестуют! Только глянут – и сразу.

– Почему еще... – начала Аякчан и посмотрела на Хакмара. Тот посмотрел на нее...

На Аякчан была безрукавка из собачьей шерсти и те самые, слишком большие для нее штаны и рубаха, в которых она въехала в ледяной город Сюр-гуд. Только теперь они превратились в лохмотья и драными горелыми клочьями висели на худющих плечах. Поверх раз-метались роскошные пушистые волосы цвета сапфира! Только грязны-е-е... По сравнению

с Аякчан Хакмар выглядел даже прилично – всего-то на куртке прожженных дырок пара... десятков. Зато они с Аякчан друг другу под цвет – у Хакмара не только куртка синяя, но и проглядывающая из-под нее голая грудь тоже... от холода уже стала нежно-голубого цвета. Босые ноги замотали обрезками кожи, но талый снег наверняка просачивался внутрь. А уж штаны... М-да, штаны Хакмара – это совершенно отдельная шаманская песня.

– Вот теперь я точно знаю, что ты дочка Эрлик-хана, – задумчиво сообщил Хадамаха. – А Хакмара он усыновил. Все как в песне про детей подземного хана:

Их лица черны, как сажа,
Их черные волосы всклокочены,
Костями можно мять кожу,
Без штанов – голозадые...

Аякчан начала краснеть – сверху вниз, волной. Вытерла рукавом лицо... безнадежно поглядела на цвет этого рукава и занавесилась волосами, точно платком:

– Я бы могла сделать нам одежду... из Огненного шелка. Мы такую на уроках труда пачками делали, говорят, старшая наставница Солкокчон потом ею торговала.

Хадамаха представил себе легчайшие развевающиеся тряпочки наподобие храмовой рубахи Аякчан и покачал головой:

– А потом мы вас на здешних домах расставим вместо ледяных фигур – по городской моде. Нет, лучше уж так... Только снегом умойся, а волосы платком замотай.

Какое счастье, что он вещевой мешок как повесил себе на плечи, так тот и проболтался там всю гонку по тайным путям земли! Правда, так называемый «платок» на самом деле был тряпкой, которой Хадамаха оружие перетирал...

Аякчан безнадежно поглядела на покрытую темными пятнами драную тряпку, окинула взглядом свои лохмотья и делано бодрым тоном объявила:

– Зато она потрясающе гармонирует с остальным ансамблем!

– Храмовую куртку спрячем, а Хакмар мою наденет, – обрадовался так легко разрешившейся проблеме Хадамаха.

Хакмар было вскинулся возражать, но тут же замолк: Хадамаха уже стаскивал с плеч свою старую охотничью мятая из лосиной шкуры, а в распахнутом вороте замшевой рубахи было видно, как его тело покрывается плотной темной шерстью.

– Ты у нас сам себе шуба, – пробормотал он, натягивая еще теплую Хадамахину мятая на покрытые ожогами голые плечи. Дернулся от боли... Его надо нормально накормить и одеть! Срочно! Хакмар, конечно, держится... на одной горской гордости. Как бы ни хотелось Хадамахе напрямик мчаться в родное племя, без захода в селение Хакмар может живым и не дойти. Вот был бы здесь Донгар... Хадамаха горестно вздохнул. И правда, где его носит?

– В селении все купим, – решительно объявил он. – Новую парку, торбоза, штаны с рубашкой из кожи или ровдуги. И этой девице чего подберем.

– На какие шишки? – мрачно скривился Хакмар. – У меня вон ее сестрички все забрали. – И положил руку на рукоять своего меча, давая понять, что уж клинок он не отдаст ни за что. Даже если подышать будет!

Хадамаха оскалился в ответ и тряхнул вещевым мешком – раздался отчетливый металлический звон.

– Когда за тобой целый храмовый отряд гоняется, совсем пнем надо быть, чтобы железом не разжиться. Даже южная сталь есть! Наконечник и вот... нож. – Хадамаха гордо положил руку на пояс.

– Покажи, – деловито скомандовал Хакмар. – Сталь южная... Только это ученическая работа, их за треть цены сбывают. Хотя в здешних местах наверняка и такой нет. – Он сунул

нос в мешок. – Остальное – храмовая сталь, верно? – Хакмар с сомнением покачал головой. – Не знаю, сколько у вас железо стоит.

– На одежду хватит, – отбирая у него мешок, пробурчал Хадамаха.

– А что, все справедливо, – ухмыльнулся Хакмар. – Аякчан – мать-основательница, вот пусть Храм нас и снабжает.

Свиток 7, в котором герои знакомятся с городскими стражниками

Хадамаха глядел на снеговую стену – и расстраивался. Когда-то... и не так уж давно... селение казалось ему... центром Сивира! Громадное торжище, куча лавок, а уж товаров, товаров... Через могучие ворота в высоченной снеговой стене туда и обратно шел поток прохожих и проезжих, саней и нарт. Сюда приходили продать охотничью добычу и купить чего не поймашь в тайге и не сделаешь сам: ножи настоящей южной стали, для женщин халаты Огненного шелка, созданные самими жрицами, чайники, опять же, металлические, вместо глиняных горшков.

Потом он уехал в город. Теперь вернулся. С пониманием, что ножи южной стали ковал такой же стойбищный кузнец – разве что стойбищем южнее, а шелковые халаты делают Храмовые ученицы – пачками. Разве что чайники не подвели – везде в хозяйстве нужны. Только на чайник в Среднем мире и можно положиться. А может, и во всех трех мирах.

Непрерывное движение сквозь ворота – когда в Сюр-гуде на улицах так народ двигался, их тысяцкий обычно говорил: «Тихий моментик выдался... не иначе где какая пакость готовится!» А уж сама стена... мэнкву не то что перепрыгнуть – перешагнуть!

– Хей! Хей! – тяжело груженная нарта въехала в ворота. Никто не появился из привратной караулки поворошить груз древком копыя, и погонщик не отругивался плаксивым голосом профессионального сироты на паперти Храма, пытаясь уменьшить въездную мзду. Хадамаха проводил свернувшую в проулок нарту глазами. Не бывает стражников настолько ленивых, чтобы мимо них – хвосты бубликом! – законная денежка проехала, а они даже задов не подняли! Их что, и впрямь мэнквы съели? Умгум, отравились и издохли, иначе те мэнквы б уже в городе бушевали.

– Пошли, чего встал? – потянула его за рукав Аякчан, и троица вступила в ворота.

Хадамаха снова остановился – он наконец-то увидел караулку. День и Ночь назад он выезжал из этих ворот, чтобы пуститься в долгий путь до Сюр-гуда, стражники сидели в караулке и пили отвар на семи травах. На краткий удар сердца Хадамахе показалось, что он никуда не уезжал: город, игра в каменный мяч, битва над Огненным озером с сильными Среднего мира сего ему лишь пригрезилась! Потому что стражники по-прежнему сидели в караулке и... Хадамаха повел носом... пили отвар на семи травах! Молодой стражник – Дня на два старше Хадамахи – запустил ложку в туесок с прошлодневным медом и, высунув язык, сосредоточенно ловил стекающую с края солнечную медовую каплю.

– Ну тайга! – беззвучно выдохнул Хадамаха. – Такой полной тайги даже... даже в тайге быть не может!

Точно почувствовав взгляд, любитель меда открыл глаза и уставился прямо на Хадамаху, замершего по другую сторону окна в караулку. Ложка в руках стражника дернулась. Солнечно-золотая капля сорвалась с края и, бессовестно пролетев мимо доверчиво выставленного языка, шлепнулась на кожаные штаны.

– Эрлик! – ругнулся стражник, пальцем стирая медовую каплю. Лицо его начало медленно краснеть, как наливающаяся соком ягода. – Ты что здесь делаешь? – он вскочил с лавки и бросился к дверям караулки.

– Ковер вышивает – что еще в воротах делать? – буркнул Хакмар.

– Ради Верхнего Эндури, заткнись! – успел шикнуть Хадамаха.

Стражники при исполнении – они шуток не понимают! Хадамаха по себе знал. Любитель меда возник на пороге караулки.

– Что здесь делаешь, спрашиваю? – начальственно рыкнул он.

– Дык... Иду, господин начальник! – придавая физиономии наивно-восторженное выражение, объявил Хадамаха и для пущего понимания помаршировал на месте.

– И куда собрался? – цепкий взгляд молодого стражника оглядел самого Хадамаху, оценил старую куртку и обмотки на ногах Хакмара. Взгляд переместился на Аякчан – стражник нахмурился. Несмотря на вымытое снегом лицо и отчищенную от темных подтеков безрукавку, великая мать-основательница Храма смотрелась полнейшей оборванкой.

Хадамаха поглядел на оставленный ими лес. Потом повернул голову, оценил раскрывающийся за воротами поселок. И счастливым тоном человека, наконец избравшего верное направление, воскликнул:

– Так туда! В селение, господин начальник!

– Это – город! – рявкнул стражник.

Физиономии Хакмара и Аякчан мгновенно приняли скептическое выражение. «Только бы не заметил!» – про себя взмолился Хадамаха.

Напрасно. Стражник оказался глазастым.

– Вам что-то не нравится, оборванцы? Может, вы наш город и за город не считаете?

– Они просто города никогда раньше не видели, господин начальник! – бросая бешеный взгляд на спутников, процедил Хадамаха. – Вот и любопытствуют, тайга необразованная!

– Откуда ж такие любопытные заявились? – недобро щурясь, процедил стражник.

– А ниоткуда! – улыбаясь стражнику, как давно потерянному другу, сообщил Хадамаха. Ничего, сейчас пообреет парень, к своим-то у них всегда по-хорошему, это чужаков недолюбливали. – Местный я! Вот, домой возвращаюсь.

– Ме-естный? – недоверчиво протянул стражник. Заложил руки за спину и принялся обходить Хадамаху по кругу, разглядывая его, словно новый тесаный духов столб возле шаманского чума. Торбоза зловеще поскрипывали по снегу. – Сколько тут живу, а тебя не припомню.

– Так город же! – неожиданно вмешался Хакмар. – В настоящем городе разве всех упомнишь?

Хадамахе немедленно захотелось его стукнуть.

– Это кто у нас тут такой отозвался? – поинтересовался стражник. – Который город в первый раз видит?

– Я не в самом этом... городе жил, – яростно косясь на Хакмара, вмешался Хадамаха. – Я в стойбище неподалеку...

– В стойбище-е-е? – снова протянул стражник – видно, манера у него такая. В этой растяжке было что-то такое... странное... недоброе, что у Хадамахи потеплело внутри в предчувствии неприятностей.

– Так ты из этих... – глумливо усмехнулся стражник и небрежно обронил: – Зверек...

– Чего? – впервые Хадамаха по-настоящему растерялся. Что за шаманский бред?

– Полз бы ты обратно в свою норку, зверек, – с брезгливой ласковостью продолжал стражник. – А к людям лезть нечего, никто тебе тут косточку не кинет.

Хадамаха так и стоял – и не знал, что ответить. Чувство было – как если б ему ни с того ни с сего опрокинули на голову ведро помоев. Стоишь, обтекаешь, понять не можешь – за что? А обидчик твой не бежит даже – пялится нагло да ухмыляется. Перед глазами Хадамахи развернулась багровая пелена. Губы стражника шевелились, но Хадамаха не слышал – все глушил поднимающийся из живота собственный, нутряной рык. Багровая ярость его семьи, которую он считал давно взятой на лямку-алык, как упряжную собаку в нарте, перла наружу. Ударом лапы ободрать глумливую физиономию до кровавой кости...

– Ты с кем там наговариваешься? – вдруг прогудело из караулки. – Отвар стынет – мне для тебя потом новый заваривать? – позади молодого стражника появился другой, постарше, с клубящейся парком деревянной чашкой-моко в руках.

– Кто у тебя тут? – начал старший стражник... осекся, прищурился. – О, надо же, Хадамаха! – без особого удивления протянул он. – Никак вернулся?

– Дядька Бата? – пробормотал Хадамаха. Багровая ярость захрипела, роняя пену с оскаленных клыков, когда Хадамаха в своих мыслях привычно вцепился ей в загривок и поволок обратно, не давая вырваться на волю.

– Знаешь его, дядька? – кривя губы, процедил молодой стражник.

– Так Хадамаха, старого Эгулэ сынок! – без особой радости, но и без неприязни бросил старший. – Ты ж в город уехал, Хадамаха? В каменный мяч играть!

– В мя-яч? – в очередной раз протянул младший и негромко, но отчетливо добавил: – И туда уже зверьки пролезли!

Хакмар положил руку на меч, а Аякчан принялась разминать пальцы. «Если кто-то из нас сорвется – все, конец!» – с ужасом подумал Хадамаха. На храмовые указы здесь плюют, а вот нападения на местного стражника не простят. Хотя как этот стражник себя ведет – башку открутить и ею в мяч сыграть! Что здесь происходит?

– Не играл я в мяч! – буркнул Хадамаха. Насупился, точно стыдился. – Сказали, не гожусь.

– То-то же! – довольно ухмыльнулся молодой стражник. – Я уж думал, на Сивире люди мухоморов пообъедались!

– А мамаша твоя говорила – приняли! – не обращая внимания на бормотание младшего, удивился дядька Бата.

– Что б ей еще говорить! – скривился младший, но теперь его не слушал и Хадамаха. Дядька Бата видел маму, разговаривал, с ней все в порядке!

– Я родным-то не писал, что не вышло! – торопливо пояснил он.

– А шлялся где? – строго спросил Бата.

– Работал – на обратный путь деньга нужна, – с видимой неохотой буркнул Хадамаха. – Улицы прибирал.

Почти правда... Какой только дряни он с тех улиц не прибирал!

– Нож дорогой откуда? – указывая на висящий на поясе Хадамахи южный нож, спросил молодой. – Украл? – И издевательски глянул Хадамахе в лицо.

Что... он... сказал? Поводок, удерживающий наследственную багровую ярость, лопнул, как гнилая веревочка. Кровь! Кровь, и костный мозг, и раздробленные кости, и башка этого стражника, катящаяся по переулку, – оторванная башка с остановившимися глазами!

– Тиха-а-а! – рявкнул старший стражник, мгновенно вклиниваясь между своим молодым приятелем и Хадамахой.

На Хадамахе с двух сторон повисли Хакмар и Аякчан.

– Стой! Уймись! – упираясь пятками в утопанный наст, шипел Хакмар – от неимоверного усилия на лбу у него вздулись жилы.

– Обвинять... меня... в краже... – связные слова тонули в яростном медвежьем реве. Волоча друзей на себе, Хадамаха шел к стражнику. К этой подлой ухмыляющейся роже – до конца жизни с ним ухмылочка останется, когтем от уха до уха!

Продолжая ухмыляться, стражник дернул к себе копьё из стойки перед входом.

– Прекратии-и! – простонала Аякчан... обхватывая Хадамаху ладонями за предплечье...

– А-уу! – К плечу Хадамахи точно раскаленное железо приложили. Завеса ярости колыхнулась и опала под ударом боли... и Хадамаха остановился.

– Я из Южных гор, – торопливо заговорил Хакмар, громким голосом заглушая хриплое, вздох дыхание Хадамахи. – Продаю ножи, наконечники для копий.

– Это со мной... – наконец сумел процедить Хадамаха.

– Ты с ними, а не они с тобой. Потому как они люди все ж таки, – вдруг строго оборвал его Бата.

– Я его нанял, – кладя Хадамахе руку на плечо, сказал Хакмар. – Охранять, тяжести таскать. И нож дал.

– Да ясно, – закивал Бата. – Мапа сроду чужого не возьмут.

– Потому как мозгов не хватит, – скривился молодой. – А сертификат шаманский на твоего зверька есть? – издевательски поинтересовался он. – Что он нам никакой заразы не занесет?

– Хватит, Хуту! – старший стражник поморщился. – В городе торговать будешь, южанин? – теперь Бата говорил только с Хакмаром.

Тот покачал головой:

– По стойбищам тоже пойдем. Только нам бы сперва одежду купить – беда у нас вышла в дороге, поистрепались.

– В лавку идите, – буркнул Бата. – По улице прямо, потом налево. Скажете, от меня. И послушай доброго совета, молодой торговец... – Он опасливо покосился на своего напарника и быстро пробормотал: – Не задерживайся тут. Не лучшего ты охранника себе выбрал, по нынешним-то временам.

– Что происходит, дядька Бата? – ошеломленно спросил Хадамаха.

Тот отвернулся, делая вид, что не слышит.

– С моими все в порядке? – Хадамаха шагнул к нему. Он не знал, что случилось с проклятым селением – кроме того, что оно заделалось городом! – но если ему не ответят, он схватит обоих стражников за шкирки и будет трясти, пока ответ не вытрясет!

– Да что с ними сделается! – опасливо отступая от Хадамахи, выкрикнул дядька. И пробормотал себе под нос: – И впрямь – зверь зверем, верно люди говорят.

– Пойдем! – Аякчан обхватила ладонь Хадамахи угрожающе теплыми пальцами и потащила его в переулок.

– Спасибо, господин стражник! И за помощь, и за совет... – Словно невзначай, Хакмар повернулся к друзьям спиной и принялся пятиться, ни на миг не выпуская стражников из виду.

– Драпай, зверек! Я тебя все едино запомнил! – крикнул им вслед молодой Хуту.

Пальцы Аякчан сомкнулись вокруг ладони Хадамахи, как капкан, – он и не знал, что она способна на такую хватку! Не давая оглянуться, девушка втащила его в проулок, под прикрытие крайнего чума. Следом торопливо влетел Хакмар.

– Что это было? – накинута на Хадамаху Аякчан. – Вроде ты говорил, что тут нас Храм не достанет, а сам с местной стражей отношения портишь? Если бы я тебя не остановила...

– И это говорит та самая жрица, которая собиралась меня Огненным шаром ни за что ни про что пристукнуть! – ощерился Хадамаха. – Тогда тебя Хакмар остановил, теперь решила дело закончить? Ты во мне дырку прожгла! – Хадамаха оттянул прожженный насквозь рукав рубахи.

– Ну не пристукнула же! – слегка смущенно буркнула Аякчан.

– И что с вами обоими делается? – меланхолично поинтересовался Хакмар. – Путешествие под землей так подействовало... на неокрепшие головы?

– Ну не все ж тут горцы! Это только вас в ваших пещерах... с младенчества башкой под обвалы суют! Головы укрепляют, – процедила Аякчан. – Лучше было бы, если б Хадамаха задрал того стражника?

– Он сказал, что я... – В груди перехватило, и, точно сок из сухого дерева, Хадамаха выдавил: – Что я украл...

– Олень он безрогий, сразу заметно, – кивнула Аякчан. – На таких не обижаются.

– Я городской стражник! И Мапа! – снова чувствуя, как ярость прет наружу вместе с желанием вернуться и намотать кишки поганого Хуту на крышу караулки, выдавил Хадамаха. – Мы, Мапа, никогда... ну... Не крадем... – Во рту было ощущение, точно болотной воды хлебнул. – Всегда отдаем долги и никогда, слышишь, никогда не возьмем чужого! Это самый страшный позор, какой только может быть!

Аякчан поглядела на него озадаченно.

– У тебя в мешке наконечники копий храмовой стражи – это ничего? – кротко поинтересовалась она.

Хадамаха опешил. Он переглянулся с Хакмаром и увидел на его лице то же потерянное выражение. Она всерьез не понимает разницы?

– Аякчан... – мягко, как говорят с детьми и совершеннодневными, но очень непонятливыми девушками, начал Хакмар. – Копья – военная добыча. Хадамаха ее в бою взял. Военная добыча – истинная честь воина-егета!

Физиономия Аякчан стала еще озадаченней.

– Забрать чужое и при этом набить морду – военная добыча и честь. А забрать чужое и не бить морду – кража и страшный позор?

– Забрать чужое и набить морду – не военная добыча, а обыкновенный грабеж! – возмутился Хакмар.

– А военная добыча – это когда бьют морду сразу многим и до смерти, – кротко покивала Аякчан. – Вот теперь я поняла... почему, когда я была матерью-основательницей, с вами, кузнецами, помириться не смогла!

– Жриц не учат чести! – высокомерно глянул на нее Хакмар.

– Честь нам прекрасно заменяют мозги! – отрезала Аякчан. – Хороший совет тот стражник дал – мотать отсюда!

– Одежду все равно сменить надо – без торбазов Хакмар до нашего стойбища не дойдет, – неожиданно спокойным и трезвым тоном сказал Хадамаха. Он не собирался спорить с Аякчан. И уходить тем более не собирался. Еще День назад парень, вот так походя бросивший медведю Мапа смертельное оскорбление, не иначе как хворал головой... или желал отправиться к предкам в Нижний мир от несчастной любви либо неоплатных долгов здесь, в Среднем. На несчастного влюбленного тот стражник походил мало. На должника тоже. Надо понять, что тут происходит!

– Стражник сказал – в лавку идти.

– Там дорого. На торжище пойдем. Какие халаты женщины Амба шьют – уж на что тигры вредные, а рукодельницы! Увидишь – без покупки не уйдешь!

На лице Аякчан отразился невольный интерес.

– Цены поспрашиваем, поторгуемся... – И мысленно добавил: «Заодно послушаем, что в толпе говорят». Хадамаха свернул из проулка на утопанную площадь посреди селения. И остановился.

– А где? – растерянно пробормотал он.

Никакого торжища не было.

Свиток 8, о том, что купить одежду и еду может быть совсем не просто

Они стояли на полутемной площади и оглядывались. Заря разгоралась все сильнее, алое с примесью золотого свечение на небосводе выхватывало из царящего внизу полумрака копошащиеся фигуры. Хадамаха направился туда. При виде их троицы фигуры закопошились сильнее.

– Купи котелок. Хороший котелок, еще послужит, – прошамкала морщинистая, как древний пенъ, старуха. На разложенном на земле коврике стоял котелок – такой ржавый и дырявый, что вполне мог быть легендарным котлом героя Хадау, что на Заре Времен закрыл проход в Нижний мир. С ним соседствовала такая же ржавая сковорода без ручки и чайник без носика.

– Миски купите, – предложила женщина с лицом настолько худым, что щеки, казалось, соприкасаются изнутри. Ее берестяные коробка и деревянные миски были так потерты и выщерблены, что Хадамаха подумал, не со свалки ли она их вытащила.

– Халат меховой, гляди какой! – мужик, благоухающий хмельной аракой, налетел на Аякчан. Распяленный у него на руках меховой женский халат-багда – не новый, но вполне еще приличный – ткнулся Аякчан в лицо. Девушка шарахнулась, едва не врезавшись в Хадамаху.

– Бери халат, красавица! – несвязно бормотал мужик. – Недорого отдам, за жбан араки только!

– Вот ты где, гнилой человечиска! – худая женщина в одной только старой рубаше из прелой кожи налетела на мужика и рванула халат у него из рук. – На один удар сердца отошла, за дровами, – а ты уж мой последний халат продаешь! А ну пошел в чум! Пошел, кому говорят! – И, хлеща его отобранным халатом, погнала прочь. Мужик не сопротивлялся – лишь бормотал что-то и закрывался руками от разъяренной жены.

Хадамаха огляделся. Длинных торговых рядов, перед которыми раньше разборчивые торговцы глядели привезенные охотниками меха: куницу, и белку, и дорогого соболя, волчьи и лисьи шкуры, заячьи тушки – не поштучно, а на вес, не было. Не сидели кружком женщины, поднимая на руках халаты, своеручно вышитые пестрыми нитками, отделанные рыбьей чешуей и раковинами, не меняли рукоделие на привезенный издалека скользящий шелк. Не торговали охотничьими меховыми шапками с наушниками, куртками из шкур и торбозами, ножами, и самострелами, и поделками, искусно вырезанными из кости. Перед нищенски одетыми и явно не часто евшими торговцами лежала поломанная домашняя утварь, перепревшие старые тряпки, уже не похожие на одежду, обрывки собачьей да оленьей упряжи, среди которых трудно было найти хоть один целый ремень или пряжку.

– Тот старик и вовсе ничего не продает, – прошептала Аякчан, невольно прижимаясь к Хакмару плечом, и указала на старика, сидящего перед изъеденным мышами ковриком.

– Как это ничего? – возмущено прошамкал дед. – А ковер? – потрясая своей тряпкой, вскричал он. – Гляди, какой! Из оленьих шкур! Жена моя еще шила, мастерица была: снесу ему нет и не будет! – старик размашисто взмахнул ковриком. Из прогрызенных дыр посыпались ссохшиеся трупки мелких жучков. Аякчан закашлялась.

– Хороший коврик, дедушка, – присаживаясь перед стариком на корточки, согласился Хадамаха. – Куда торговцы-то делись, не знаешь?

– Как куда делись? – изумился старик. – Тут тебе нешто не торговля? – тыча в убогие ряды рухляди, спросил он.

Первый порыв: ляпнуть, что на площади нынче такая же торговля, как дедова гнилая тряпка – ковер, Хадамахе удалось сдержать.

– Раньше получше было, – наконец подобрал слова он. – Мапа добычу приносили, Амба – рукоделие...

– Ишь ты, вспомнил – Мапа да Амба! – старик встопорщился, как облитый водой вороненок. – Нам тут эдакого зверья не надобно! Э, ты сам не из них ли будешь? – бесцветные глазки старика подозрительно сощурились. – То-то на меня душком звериным пахнуло! – И старик демонстративно зажал пальцами нос.

– Это от коврика! – недобро набычившись, буркнул Хадамаха.

– Слышали, люди! – надсаживая хлипкую грудь, заорал старик. – Морде звериной чело-вечи товары не по вкусу! – От бешенства белки его глаз расчертились красной сеткой тонких жил.

Рокотом камнепада из убогой толпы торговцев донеслось пока еще тихое, но злобное ворчанье. В полумраке торжища сверкнули недобрые внимательные глаза.

– Ходу отсюда! – пятясь, негромко сказала Аякчан. – Ходу, ходу! – И, ухватив обоих парней за руки, рванула через площадь прочь.

– Всю дичину повыжрали, всю рыбу повыловили, зверье проклятое! – неслись им вслед истошные вопли старика. – Настоящие люди голодают из-за них, а они нос воротят! Э, а ковер? Ковер-то купи? – злобный вой сменился вдруг жалобным, почти детским криком. – Ковер купи-и-и!

Ребята нырнули под прикрытие чумов, с разбегу проскочили проулок насквозь и остановились, тяжело дыша. Еще недавно плотный утоптаный наст уже стал рыхлым и неприятно поддавался под ногами. Вихрящийся по проулку ветер больше не мог гнать сухую снежную поземку – та раскисла, потяжелела и глухо чавкала. Зато он нес поднимающуюся от земли влагу, и оттого было холоднее, чем в самый лютый мороз. Хакмар судорожно передернулся.

– Жалко та баба быстро прибежала – хоть бы халат купили! – с досадой бросила Аякчан.

– Там было торжище! Я уезжал – там было торжище! Там всегда было... – заорал Хадамаха.

Из ближайшего чума высунулась голова – под намотанным меховым шарфом непонятно, мужика или бабы, прогундосила:

– Чего у порога орешь, как медведь?

– Ты против медведей? – Хадамаха мгновенно развернулся.

Голова лишь издала испуганный писк и скрылась. С громким хлопком упал полог чума. Хадамаха стоял, шумно переводя дух, и ждал, пока пройдет мельтешение багровых пятен перед глазами. Стыдно – чего на мужика кинулся? И правда, кому понравится, когда у самого порога орут.

– Пошли в лавку, про которую дядька Бата сказал! – И снова зашагал по улице.

– Ты его давно знаешь, этого Бата? – пристраиваясь рядом, спросила Аякчан.

– Давно. С тех пор как с отцом сюда ходил. Стражник как стражник, торжище охранял. Которого нет, – с горечью добавил он.

– За День и Ночь многое могло измениться, – рассудительно сказал Хакмар. – Может, теперь торгуют в другом месте.

– Сдается, нам сюда. – Хадамаха остановился перед непомерно длинным и широким деревянным домом, похожим и на крепость, и на охотничий балаган, где летом живут всем племенем, да еще и добычу коптят-солят. Дверь распахнулась легко, без малейшего скрипа.

– Гине-гине, хозяйева, откройте дверь да примите привет! – останавливаясь на пороге, вежливо позвал он. Никто не откликнулся.

Ни тебе лавочника, спешащего навстречу, ни суетливых приказчиков, готовых подать, завернуть, взвесить и отмерить. От самого входа тянулись ряды широких полок – верхние перекладки были вбиты прямо в потолок.

– Хозяева! – уже попросту, без всяких любезностей, позвал Хадамаха.

– Да входи уже! – толкнула его в спину Аякчан.

– За вход без спросу штраф полагается. Крупный, – пробурчал в ответ Хадамаха.

– Так это ж лавка! Она для того, чтобы входили! – Аякчан поднырнула Хадамахе под локоть и скользнула внутрь. И Хакмара за собой потащила.

Хадамаха еще постоял на пороге, прислушиваясь и приняхиваясь. Беспокойство, чутье то ли медведя, то ли стражника, то ли обоих вместе, ворочалось внутри неприятным теплым комом. Вокруг все так... не по закону, что у Хадамахи все наличные души были непонятно где, но уж точно не на месте. В странном городе, в который превратилось хорошо знакомое ему селение, даже лавка с товарами могла стоять вовсе не для того, чтобы в нее ходили покупатели.

– Хорошо! – выдохнул Хакмар, тяжело приваливаясь к одной из стоек с полками. И слабо улыбнулся. На лбу его блестели крупные капли пота. Обожженная сперва Жаром Голубого огня, а потом злым холодным ветром, кожа начала облезать – и Донгаровы мази не помогали, шелушащаяся кожа выглядела жутко. У парня болезненно-лихорадочно блестели глаза, и его трепала мелкая частая дрожь – Хакмар уже не замечал этой дрожи, настолько свыкся. А худющий стал! И Аякчан такая же – тряпье болталось на ней, как на обструганной палке, а на исхудавшем до размера детского кулачка лице остались одни глаза, то круглые и несчастные, как у больного совенка... то треугольные и такие же несчастные. Как у вымотанной до предела ведьмы-албасы.

«Им нужна передышка, – отчетливо понял Хадамаха. – Нельзя вечно и бесконечно спасать Сивир. Им нужно отоспаться, отъесться, просто передохнуть! И для начала хоть одеться!»

Помочь им сейчас может только он – ведь это его земля! Он шагнул в лавку и еще разок, уже погромче, выкрикнул:

– Хозяин! Нам бы прикупить чего... – Обогнал ребят и первым пошел между перегородившими все пространство полками. И понял, что Хакмар прав – торговля и впрямь переместилась в другое место. Вместе с товарами. Только вот покупателей, сдается, забыли. Да и с продавцами негусто.

– Эгей! – уже безнадежно позвал он. Возглас затерялся между полками, от пола до потолка заваленными пушистыми мехами – лисами, соболями и куницами, которых Хадамаха напрасно искал на торжище. Позади мехового богатства тянулись берестяные короба, набитые рыбой сушеной, рыбой соленой, рыбой вяленой. «Кап! Кап!» – подтекало из бочонков с моченой ягодой. Хакмар остановился у скромной стойки с железным оружием. Копейные острия, пара ножей, короб с наконечниками стрел. Заложив руки за спину, точно боялся даже случайно прикоснуться к выставленному железу, Хакмар изучал товар. Выражение его лица было... непередаваемым. Наконец южный кузнец аккуратно, кончиком мизинца подцепил свисающую с рукояти ножа бирку с ценой.

– Насколько я понимаю, звериные шкуры у вас весьма дешевы? – надменно поинтересовался он.

– Подешевле, конечно, чем в городах, – кивнул Хадамаха.

– Похоже, дешевле грязи, – перебил его Хакмар. – Потому как вот это... – все так же мизинцем он указал на нож. – Плевка не стоит. Вот если я в оплату плюну – это будет совершенно напрасный расход слюны! – И брезгливо повел плечом, точно красавица-бэле при виде лохмотьев гнилой кожи.

Хадамаха мельком глянул на бирку и почувствовал, как собственные брови мимо воли изумленно ползут вверх. Сколько-сколько? Пятнадцать волчьих шкур? С одной стороны, хорошо – если вот это тупое безобразие столько стоит, приличное храмовое железо в его мешке на целое состояние потянет. А с другой – с каких пор такие цены? Поди те шкуры добудь – у волков нет привычки самим из шкуры выскакивать и охотнику ее с поклоном вручать. Умгум, а потом новую наращивать, чтобы здешних торговцев ублажить.

– Хадамаха, ты что там застрял? – негромко окликнул его Хакмар, и он заторопился следом за ребятами.

Если Хакмар оружием оказался недоволен, то Аякчан брела между стойками с товарами, точно общаманенная. Девушку они обнаружили среди полок с шитыми безрукавками, пелеринами, передниками, женскими штанами – от пестроты и блеска вышивки рябило в глазах.

– Красиво как, – прошептала Аякчан, останавливаясь перед полотняным халатом, сплошь расшитым диковинными птицами – от пропитанных рыбным клеем ниток для вышивания халат стал таким жестким, что сложить его не представлялось возможным.

Аякчан обернулась к ним – щеки ее горели лихорадочным румянцем, а глаза светились, как... как когда она мечтала о троне матери-основательницы Храма.

– Купим, что захочешь, – неожиданно твердо сказал Хакмар. – Правда же купим, Хадамаха? – не столько попросил, сколько потребовал он.

Хадамаха неопределенно кивнул.

– Красиво-то красиво, только странно – все богатства тут собрали, а никого нет.

– Ты ж сам говорил – у вас не воруют! – хмыкнула Аякчан.

– Это мы, Мапа, не ворует, а за тигров я бы ручаться не стал. Им только дай лапу запустить, – обстоятельно начал Хадамаха и вдруг сам себя перебил: – Тихо! Слышите? – И двинулся между полками, невольно смягчая шаги, так что гибкие подошвы торбазов беззвучно ступали по укрывающим пол опилкам.

– Нет-нет-нет! – с брезгливым недовольством говорил девичий голосок – слышно было, что девушка совсем молоденькая... и Хадамахе почему-то подумалось, наверняка хорошенькая.

– Все это у меня уже есть! – капризно сказала девушка. – И раковинами шитые, и подвесками пробитые, и на лисе халаты, и штуки три на подкладе...

– Госпожа прям изволит песню сочинять! – отозвался второй голос, в котором безошибочно узнавались бархатистые приказчиьи интонации.

– Госпожа изволит чего-нибудь новенького! – вскричала девушка и наверняка топнула ножкой. Голоса приближались, а Хадамаха ступал все тише и тише – ему хотелось послушать.

– У меня три сундука халатов, а толку? – обиженно проговорила девушка. – На ысыахи меня батюшка не пускает, говорит, здешние все не моего круга! Они в хороводе, я одна – конечно, я не в их круге! Охотников молодых, чтобы перед ними халатами хвастать, тоже нет – разве тот чурбачок неотесанный, батюшкин ученик... да вот ты еще! – обронила она с равнодушным презрением.

– Батюшка никогда не разрешит вам с какими-то дикими охотниками хороводы хороводить. – В голосе приказчика, а это, несомненно, был приказчик, появился легкий налет строгости.

– Если парень – не охотник, какой от него прок? – брюзгливо бросила девушка.

– Вот поедете в город... Не в наш, в настоящий...

– Ты так не говори, батюшка рассердится. Он все обещает – поедет, а никуда не едет. Раз некому халаты показывать, одна радость остается – прикупить какой новенький, посимпатичнее!

На крохотном пятачке, свободном от коробов с товарами, стоял приказчицкий стол, заваленный кипами бересты и писалками с железными клювиками для выпцарапывания счетов. Приказчик в щегольской парке, с короткой косой, так тщательно намазанной жиром, что она казалась покрытой слоем прозрачного клея, сидел за столом, но не по-хозяйски, а почти-тельно подавшись вперед, точно в ожидании распоряжений. Девушка примерно Хадамахиных Дней устроилась на маленькой скамеечке. Выглянувшая под локтем Хадамахи Аякчан вдруг издала долгий прерывистый вздох...

И на что девки могут глазеть – прям как нормальные люди на оружие южной стали или добрую баклажку меду! Аякчан впиалась глазами в нежно-зеленый халат девушки, словно изморозь по свежей зелени, осыпанный серебряной нитью. Поперек скамьи валялся верхний халат – на роскошных соболях. На коленях, выделяясь на зеленом шелке, как сугробчик нерастаявшего снега на зеленой траве, лежал заяц в пушистом ошейнике из... бурой лисы. Углядеть бы в этом некую справедливость и даже кровную месть, кабы белая заячья морда, опушенная темным лисьим мехом, не имела совершенно мученического выражения. Девушка небрежно поглаживала его между ушей и вдоль спинки, и заяц весь аж проседал под ее рукой. «Она так в нем дырку протрет!» – с невольным сочувствием подумал Хадамаха.

Девушка услышала вздох Аякчан и повернулась. Некоторое время она внимательно изучала торчащие из-за полок головы: с ежиком похожих на медвежью шерсть волос – Хадамахи и обмотанную старой тряпкой – Аякчан.

– Какая гниль! – оглядывая обоих брезгливо, как хозяйка, обнаружившая у себя на подворье дохлую жабу, обронила девушка.

Хадамаха почувствовал, как от невыносимого стыда он весь горит – от щек до прячущихся в старых торбазах пяток.

– Вели им, пусть ждут снаружи! – распорядилась девушка. – Не хочу, чтобы они тут воняли, когда я выбираю!

– Десятинку свечечки терпения, моя госпожа! – кивая на временную свечу, попросил приказчик. – Господин ваш батюшка строго нам велит – сначала дело!

Девушка недовольно надула губы, а приказчик повернулся к ребятам – в его манере не осталось ни капельки подобострастия, наоборот, он аж светился властью.

– Ну, чего встали? – рявкнул он. – Видите, госпоже мешаете! Говорите быстро, зачем пришли? Девку привел? – обратился он к Хадамахе. – В счет долга?

– К-какую... девку? – Хадамаха ошарашенно поглядел на Аякчан – может, она хоть кивнет, где девка-то? – К-какой долг?

– Твой, твой долг! – разъярился приказчик. Оценивающе поглядел на Аякчан – глазки его маслянисто блеснули. – Если здоровая – возьму. Пусть подойдет, зубы покажет. – И он нетерпеливо махнул Аякчан рукой.

«Ой! – про себя сказал Хадамаха. – Это ж он про Аякчан – девка! Как весело тут будет сейчас все горе-еть! И меха. И стены деревянные».

Аякчан покосилась на Хадамаху, потом бросила быстрый взгляд через плечо – видать, на Хакмара... и только губы поджала в линию – точно делала зарубку на память. Глубокою такую.

– Ее отмыть да приодеть чуток... – продолжая разглядывать Аякчан, бормотал приказчик. Покосился на неодобрительно нахмурившуюся девушку в зеленом халате и торопливо добавил: – Все едино не красotka-бэле, но для черной работы любая грязнуха-эмэнде в обвислых штанах сгодится! Весь долг все едино не прошу – за одну-то грязную девку! Она тебе кто – сестра, жена? Что молчите, не понимаете, когда с вами разговаривают? Вы, случаем, не из этих... – приказчик возрадовался, как радуются люди догадке, доказывающей их ум и сообразительность. – Клянусь Эндуре, они и впрямь из зверьков! Ума вовсе нету – ничего не понимают! – И раздельно, как говорят с глухими, он повторил: – Я... Велел...

Девке... Показать... Зубы! Погляжу, сколько вам за нее долга списать! – И он потянул к себе берестяные свитки. – Звать... Тебя... Как?

– Хадамаха...

– Хадамаха... Хадамаха... – забормотал приказчик, водя длинным, словно специально заточенным ногтем, по спискам на бересте. – Сейчас найдем, сколько ты должен заплатить...

– Что ж вы, милейший, товар не показали, а уже платить требуете, – раздался очень уверенный, очень повелительный голос – даже удивление в нем было уверенное и повелительное. Хакмар отодвинул Хадамаху плечом и выступил вперед.

Девушка скользнула взглядом по облезлой физиономии Хакмара, пренебрежительно усмехнулась... и вдруг эта улыбка застыла, словно случайно уцепившись за розовые губки. Взгляд ее выхватил тонкие, но сильные пальцы воина, небрежно лежащие на оголовье меча, прошелся по широким плечам мастера-кузнеца, метнулся обратно к лицу... У девчонки вырвался длинный прерывистый вздох. Она схватила зайца в охапку и спрятала в белом зимнем меху ярко зардевшееся лицо. Морда зайца стала вовсе страдальческой, но он даже глаз не открыл – точно помирал.

Хакмар на нее эдак покосился... Хадамаха даже от приказчика отвлекся, пытаясь понять, как горец умудряется так смотреть. Взгляд этот точно говорил: «Да-да, я тебя прекрасно вижу и даже замечаю, что ты красива и хорошо одета. Но я суровый воин и выше таких незначительных мелочей, как красивые девчонки!»

Краска затопила лицо девушки целиком, а глаза распахнулись широко-широко, будто она хотела, чтобы Хакмар поместился в них весь, от пяток до схваченных кожаным шнуром волос.

«Хотя пятки в обмотках Хакмару лучше бы не демонстрировать, – подумал Хадамаха. – А то такой ледяной взгляд... и такие пятки, с подтаявшими вокруг лужицами!»

– Ты кто такой? – угрожающе поднимаясь из-за своего стола, рявкнул приказчик.

Брови Хакмара поползли вверх в высокомерном изумлении.

– Кто ваш хозяин, милейший? – скривился он. – Он плохо учит своих приказчиков. Разве в таком тоне разговаривают с покупателем?

Приказчик невольно растерялся от Хакмарова тона. Поглядел на его обмотки – и в приказчичьих глазах снова появилась уверенность. Посмотрел на меч в простых-простых, да только на юге сделанных ножнах – и растерялся снова.

– Видали мы таких покупателей! – пробормотал приказчик – хотел сурово, а вышло жалобно. – Еще неизвестно, соглашусь ли я тебе в долг поверить – смотря сколько на тебя у нас записано! – И он торжественно возложил руку на свитки.

– Разве кто-то говорил о долге? – Брови Хакмара поползли выше – еще чуть-чуть, и вовсе залезут под пересекающий лоб кожаный шнурок.

– Ты что, не видишь – господин не местный! – вдруг горячо вскричала девушка и вся подалась вперед, тиская несчастного зайца в руках, точно шкурку. Заяц не сопротивлялся, висел, как шкурка. – Вы из города, да? – жадно глядя на Хакмара, спросила она.

Хадамаха вздохнул: такому не то что в лесу, даже в городе не научишься, такое только с поколениями горских предков приходит. Чтобы при облезлой морде и в чужой старой куртке первая встречная красотка моментально произвела тебя в господ!

– Недавно был в городе, – уклончиво ответил Хакмар. – Хотя родом с юга, как могла заметить прекрасная енге. – И на всякий случай добавил: – Из подгорных коневодов.

– Прекрасная енге... – зачарованно повторила девушка. – Что такое – енге?

– Так у нас называют прекрасную и благородную даму, – отвечивая что-то вроде небрежного поклона, объявил Хакмар и продекламировал:

Самую лучшую из девушек,

Только-только подросшую,
Будто выточенную,
Очень ладную,
Красиво сложенную,
Со стройным станом,
С белым лицом,
Со светлой кровью.
Ее не с чем сравнить,
Нигде не увидишь красавицы, как она!

– Да... – пролепетала девушка. – Отец меня почти из дому не выпускает. Чтобы кожа была белой. А это... вы читали... южное сказание? – прижимая обе руки к груди, прерывистым голосом спросила она.

– Ну что вы, прекрасная, это вполне северное олонхо. Из земли Сахи, если не ошибаюсь. Северяне иногда тоже неплохо пишут, вы не находите? – покровительственно обронил Хакмар.

– Нахожу... – выдохнула девушка, и по ее лицу было видно, что она и впрямь кое-что ценное нашла. Щеки у нее полыхали... ощутимо потянуло горячим воздухом... Хадамаха оглянулся. Нагнув голову, как разъяренная кабаниха перед атакой, Аякчан глядела на девушку исподлобья – и вокруг жрицы трепетал едва заметный ореол горячего воздуха.

– Тут-то тебе чего надо, южанин? – недобро проворчал приказчик.

Хакмар улыбнулся девушке и, точно извиняясь, развел руками:

– Простите его, прекрасная, этот человек дурно воспитан и не знает, что нельзя столь бесцеремонно прерывать беседу с благородной енге.

В дрожание воздуха вокруг Аякчан добавились синие искорки. Хадамаха мысленно вздохнул и ухватил Аякчан за руку. Точно раскаленную головню из костра вытянул! Ну почему так: он бесится, ожог получает, Аякчан бесится – все едино он ожог получает?

– Я дурно воспитанный?! – тем временем заорал приказчик.

– Безусловно, – невозмутимо согласился Хакмар.

– Да ты кто такой? – продолжал орать приказчик.

– Вы уже спрашивали, милейший, – столь же невозмутимо ответил Хакмар.

– Вали из лавки быстро, пока стражу не кликнул! – надсаживал горло приказчик.

– Ты как с господином южанином разговариваешь? – снова краснея, на сей раз от гнева, закричала девушка. – Я отцу расскажу, как ты покупателя из лавки гнал! – она вскочила. Заяц вывалился из ее рук и тяжеловесно шлепнулся на пол – от его ошейника тянулся украшенный медными бляшками кожаный повод, другой конец которого был завязан вокруг запястья девушки. – Да отец тебя... просто выпорет!

Приказчик только отмахнулся от нее – уже без всякой почтительности.

– Какой он покупатель – бандит он! Сам при оружии и зверь с ним!

– Южане все с оружием ходят – я знаю! – вступилась девица.

– Кроме подгорных коневодов! – торжествующе завопил приказчик. – Им храмовницы запретили мечи носить вовсе. Говорит, из подгорных, а сам при мече!

Хакмар досадливо прикусил губу: кажется, он «прокололся», прям как пузырь с бычьей кровью!

– Это шпионы братьев Биату! – заверещал приказчик. – Стража! Убивают! Грабят!

«И правда – ограбить его, да и прибить заодно? – невольно подумал Хадамаха. – А то зря мужик надрыгается...»

– Кричат там – верно вам говорю, они это! – задребезжал старческий фальцет, и послышался топот. Из-за стоек с товарами выскочили давешний дед с ковриком под мышкой, заку-

танный в меховой шарф то ли мужик, то ли баба, на которого Хадамаха возле чума рявкнул, и хорошо знакомый молодой стражник Хуту!

Свиток 9, где все кричат, дерутся и сжигают лавку вместе с товаром

Вот он! Тот самый медведь! – завопили дедок с ковриком и мужик-баба в шарфе.

– Последнего достояния меня, старика, лишить хотел! – прижимая к груди коврик, объявил старик.

– На человека рычал! На меня рычал, животное! – аж подпрыгивая от негодования, разорвался мужик-баба.

– А говоришь – на человека! – невольно пробормотал Хадамаха.

– Слышали? Все слышали? – заорал мужик-баба. – Грозился! Говорил, мы им, медведям, еще кланяться будем!

– Шпионы Биату! – продолжал орать приказчик. – Я их сразу раскусил!

– Кто кого раскусил! – чувствуя, что звереет – уже загрибок зачесался от пробивающей шерсти, рявкнул Хадамаха.

Стражник Хуту картинно потянул из ножен меч:

– Попался, зверек! И ты и подельники твои... зверолюбы!

– Оставь его в покое, он никакой не... – закричала девица. С неожиданным бесстрашием она метнулась между стражником и Хакмаром. Измотанный заяц волокся за ней на ремешке.

Ловко, как тигр добычу, приказчик цапнул проносившийся мимо него вихрь зеленого шелка и прижал девушку к груди.

– Не надо волноваться, маленькая госпожа, – перехватывая молотящие по его груди и плечам кулачки, бормотал он. – Сейчас наш Хуту срубит этим головы...

«Пропали мы!» – отчетливо понял Хадамаха. Он не увидится со своими, не отсидится в родных местах, не разберется, что здесь такое происходит. Снова придется бежать!

Хуту, явно красясь, тянул меч из ножен и не понимал, что уже все равно мертв! Клинок Хакмара выпорхнул мгновенно, точно не хозяйской рукой, а своей волей покинул ножны, блеснул пламенеющей сталью и хищно метнулся к человеческому горлу. Мелькнула голубая искра. Клочок ремня, на котором девушка удерживала зайца, обвис, дымясь черным обугленным краем. Безучастный, как шкурка, заяц вдруг чутко дрогнул ушами. Черные измученные глазенки распахнулись – и заяц прыгнул. Белым комом врезался в Хуту. Молодой стражник шарахнулся к стене, невольно уходя от удара Хакмарова меча.

Рвущийся на свободу заяц метался по складу. Врезался в полку с рыбой. Здоровенный мороженный осетр соскользнул с рыбной кучи... и поехал по полу. Толстая рыба морда врезалась в ноги старичка с ковриком. Коленки у старика подломились, и он плюхнулся на рыбину задом, взвизгнул, дернулся... и вместе с рыбиной заскользил дальше, впечатавшись в мужика-бабу. Все трое повалились на пол и забарахтались – вверх взлетали то руки, то ноги, то рыбий хвост.

Обезумевший заяц перемахнул через них, вмазался башкой в полки с шапками – шапки разлетелись.

– Ловите! – вырываясь из рук приказчика, заверещала девушка и кинулась зайцу наперез. – Не дайте ему уйти... он мой единственный друг!

Упоминание о дружбе подействовало на зайца, как горящий веник под хвост. Белой молнией он промелькнул под руками девицы, врезался в высокий туесок – тот завалился набок и сбил соседний, и еще один, и еще, и еще... Из-под крышек неспешно и торжественно потекли солнечно-золотистые и темно-бронзовые капли прошлодневного меда. Испуган-

ный пушистик сиганул на стол и... сшиб светильник. Голубое пламя потекло на берестяные свитки, и те весело занялись трескучим костром. Обезумевший заяц вылетел из Пламени – лисий ошейник превратился в пылающий ореол. Заяц поскакал по раскиданным на полу сверткам меха. Огненный хвост разворачивался за ним – не куцый заячий хвостик, а роскошный, длинный и широкий поток Пламени. Свертки меха занимались один за другим. Огонь облизал стойку. По веревочкам неизвестного назначения, тянувшимся вдоль стойки, побежал вверх, к деревянному потолку, и весело ринулся во все стороны. Удушливый дым заполнил все – сквозь него пробивался лишь захлебывающийся кашель, ругань Хуту и пронзительный, на одной ноте визг девушки:

– Помогите кто-нибудь! Зайчик, мой зайчик! Помогите! – вопль сменился удушливым кашлем.

Аякчан метнулась к приказчицкому столу, стремгла Голубое пламя, как хозяйка просыпавшиеся из кадушки грибы. Поздно. Пожар уже мчался по лавке, захватывая одну полку за другой. Бу-бум! – гулко треснула бочка с соленьями. Лавку заполнил умопомрачительный запах – у Хадамахи заурчало в животе.

«Хотеть жрать на пожаре – расскажи кому, сразу насчет медвежьего обжорства выступать начнут!» – мрачно подумал парень.

– Обязательно было зайцу поводок пережигать? – накинулся на Аякчан Хакмар.

– Нет, надо было подождать, пока ты того стражника зарубишь, а его дружки накинутся на нас! – огрызнулась Аякчан.

– Нашли время скандалить! – цыкнул Хадамаха. – Можешь что-нибудь сделать? – спросил он у Аякчан.

– Это уже не Голубой огонь – это обыкновенный пожар! – выкрикнула девушка. Она старалась не показать, что напугана, но получалось у нее плохо. – Я могу попробовать его заморозить, я все-таки албасы...

Хадамахе казалось, что его мысли мечутся, как рыбная стайка, когда в нее запускает лапу медведь. Никакая лавка не стоит жизни и свободы. Тем паче с таким приказчиком, смахивающим на гриб поганку! Поганцем, в общем!

– Увидят, – буркнул он. – Уходим, просто уходим!

– Куда? – невозмутимо поинтересовался Хакмар.

Перед ними колыхалась сплошная завеса из черного дыма и торжествующе гудел пожар. Стол приказчика за спиной, значит... Туда! И Хадамаха двинулся к невидимой за подступающим дымом двери.

Сперва он услышал жалобный задыхающийся кашель. Потом врезался в кого-то – «кто-то» пискнул по-девичьи. Потом еще удар – теперь кто-то врезался в него... и выругался вполне по-мужски:

– Эрликовы рога вам всем в зад!

– Господин южанин, вы пришли меня спасти? – давясь кашлем, пролепетала хозяйка зайца-поджигателя.

«Это она из пожелания рогов в одно место такой вывод сделала? Все-таки девчонки очень по-особенному думают!» – решил Хадамаха, сграбастал девушку и закинул ее на плечо.

– Вдоль полка! – скомандовал Хакмар, бросаясь в затянутый дымом проход. Аякчан мчалась за ним.

Они очутились между пылающими стенами. Огонь впереди, Огонь позади, даже над головой Огонь – странные веревочки, что тянулись от стоек с товарами к потолку, превратились в пылающую сеть. Клинок Хакмара выплел замысловатую восьмерку, отбрасывая Пламя прочь. Они медленно двинулись вперед, меч Хакмара порхал, творя вокруг безопасный купол, Хадамаха волок девушку. Она висела на плече, точно неживая, не дергаясь и не

крича, кажется, обмерла от ужаса. Огонь был разочарованно, как зверь, у которого добыча между зубов просачивается. Зато дым набивался в рот и ноздри, комком колючей шерсти ворочался в груди. У Хадамахи начало мутиться в голове. Пошатнулся Хакмар, опустил меч...

Ба-бах! – под прикосновением Пламени пузатую кадушку разнесло вдребезги. Тягучая медлительная волна тюленьего жира хлынула на пол... и тут же слилась с волной Огня. С воплем дорвавшегося до живой крови авахи Пламя взвилось к потолку – Хадамахе показалось, что он снова возле подземного Огненного Озера Уот Усуутума!

– Бежи-и-им! – пронзительно завопила Аякчан. Толстенная стена льда вдруг возникла между ними и Пламенем и мгновенно растеклась водой, но они уже мчались к дверям. Полог Пламени и дыма стал реже и прозрачнее, впереди открылся проход.

Выскочивший невесть откуда Хуту был страшен – его лицо покрывал толстый слой сажи, парка дымилась. За ним волочился хвост черного дыма. Хадамаха увидел рядом его безумные глаза, и Хуту вцепился в висящую на плече у Хадамахи девушку.

– Отпусти ее, грязное животное!

«Совсем сдурел парень!» – вздохнул Хадамаха, опуская кулак молодому стражнику на голову. Мозги там явно набекрень, встряска им не помешает – вдруг на место встанут? И ринулся к двери.

Тянущиеся к потолку веревки прогорели и лопнули. Обрывок свалился прямо на Хадамаху, хлестнув пылающим концом по голове. Потолок пересекала четкая белая щель, и сквозь нее сыпался снег. И таял, растворяясь в пожаре. Раздался скрежет... И крыша провалилась внутрь, распавшись на две половинки!

– Берегись! – успел рявкнуть Хадамаха. Больше ничего не успел – скопившийся на плоской крыше лавки гигантский сугроб рухнул ему на физиономию, сшибая с ног, забивая рот и глаза.

Пш-ш-ш! – некоторое время накрывшее лавку снежное полотно сохраняло неподвижность. Лишь кое-где снег кипел, как вода в кастрюле, и над ним взвивались черно-белые вихри дыма и пара. Буль-буль! – струйки воды сочились из-под снега, медленно растекаясь талой лужей.

Мокрый снег у самой двери зашевелился – из него с фырканием выбрался Хадамаха с девушкой на плече. В провал крыши глядело предрассветное небо.

– Вот уж точно как снег на голову! – потирая затылок, пробормотал Хадамаха.

Снег зашевелился снова – первой появилась рука с мечом, потом выбрался весь Хакмар. Дернул и выволок Аякчан. Тоже посмотрел на крышу...

– Изобретательно. Начинаешь уважать северян, – кивнул он. – А я еще гадал – зачем те веревочки? – И специально для Хадамахи пояснил: – Механизм запора крыши держится на пропущенных от стоек веревках – если те сгорают, крыша открывается сама собой и снег с нее валится внутрь. Интересно, как устроен замок? – И, кажется, всерьез собрался лезть наверх – выяснять.

– Давай лучше узнаем, как открывается эта дверь? – дергая заклинившую дверь лавки, злобно пропыхтела Аякчан.

– Думаю, самым простым способом! – откликнулся Хакмар и шархнул по двери мечом. Ухнуло, и дверь вывалилась наружу, гулко шархнув по натоптанной наледи.

– Хозяева тоже так ходят? – спросил Хадамаха и полез вон из лавки, волоча за собой девушку.

– Нет! – ответили ему. – Обычно я просто тяну за ручку.

Хадамаха вскинулся – перед ним стояли люди. Жрица, такая старая, что, казалось, ее дряхлые кости тоже связаны между собой веревочками и засунуты в мешок из морщинистой кожи. Любой шаг, любое движение – и веревочки эти грозили развязаться, а сама жрица

осыпаться кучкой костей. Даже волосы были грязно-серые, как присыпанные пеплом, лишь с легким проблеском бывшего сапфирового цвета. Поверх обычной жреческой рубахи на ней была богатая парка на собольем меху – внутренний Огонь уже вовсе не грел старуху. Рядом со жрицей стоял шаман: нагрудник с изображениями лягушек и змей и пришитые к спине халата крылья ястреба, как у всех белых шаманов, предназначенные для странствий в Верхний мир. Высокий, седой, величественный, не то что Донгар, сразу видно, этот – настоящий шаман. Одетый в обноски, тощий, будто Днями не кормленный паренек – ученик, наверное – робко переминался за спиной учителя. Позади топталась пара местных стражников – одним из них оказался дядька Бата. Дядька укоризненно косился на выползающих из дверей лавки Хуту с приказчиком, облепленных снегом так, что их можно принять за оживших снеговиков.

Девушка на плече у Хадамахи взбрыкнула ногами, едва не заехав подошвой парню по носу. Хадамаха торопливо спустил ее с плеча.

– Это было... ужасно! – с силой сказала она. И начала картинно оседать, рассчитывая попасть в поддерживающие руки Хакмара.

Хакмар глядел на Аякчан – точно подсчитывал, не осталось ли каких потерянных частей тела под снежным завалом. Слава Эндури, хоть тряпка у нее с волос не свалилась! Не хватало только вопросов: а что вы здесь делаете, юная госпожа жрица, а кто вас прислал?.. Никем так и не подхваченная, девушка хлопнулась в мокрую уличную наледь у ног Хадамахи. Все дружно поглядели на нее. А потом приказчик начал истошно орать:

– Это все они! Господин шаман Канда, они лавку подожгли, на стражника напали, они...

– Вранье! – не вставая с земли, громко выкрикнула девушка. – Это все ты! И ты! И ты! – она поочередно указала на приказчика, на держащегося за голову Хуту, на старика с ковриком и мужика-бабу в меховом шарфе, выползавших из дверей лавки. Мороженная рыбина тоже была с ними – старик держал ее за хвост, а мужик-баба – за плавник. И указывала девушка на рыбину, хотя та уж точно ни в чем не виновата. – Это все они! Они... упустили моего зайца! Он сбежал! Погиб! Сгорел! Ищите все, немедленно! Батюшка, велите им!

Не выпуская рыбины из рук, точно связанные ею на веки вечные, старик с ковриком и мужик-баба целеустремленно двинулись прочь по улице. Вода сочилась с подтаявшей в Пламени рыбины, оставляя за ними цепочку темных капель.

– Куда? – негромко спросил шаман.

– Так это... Зайца искать. Как велено.

– Рыбу оставьте и идите, – согласился шаман.

Его ученик выступил из тени и аккуратно изъясил рыбину у старика из рук.

Хадамаха почувствовал, как у него перехватывает дыхание. Кто-то тут недавно интересовался, где Донгар. Хотели – получите. Радуйтесь.

Свиток 10, в котором Хадамаху, Аякчан и Хакмара задерживают до выяснения обстоятельств

На улице возле засыпанной снегом лавки бушевал скандал.

– Бандиты они! Этот явился – говорит, девку продавать, за долги... – орал приказчик.

– Ничего подобного я не говорил, – рыкнул Хадамаха. Поведению приказчика он не удивлялся: глупо ждать, что тот на себя вину за разгром лавки возьмет. Удивляло Хадамаху отсутствие зрителей. В Сюр-гуде лавок побольше, да только если б одна из них сгорела, вокруг полгорода бы толпилось, а вторая половина жалела, что не успела вовремя. А тут – никого. Это было... не то чтобы не по закону, а не по обычаю как-то. Неправильно, как и все здесь.

– А сам лавку поджег! – продолжал разоряться приказчик. – Как заревет, как на меня кинется и светильник об стену – хрясь! И кричит... то есть рычит: «Да здравствуют братья Биату!» А девка их... – он ткнул пальцем в Аякчан. – Дым повалил, сразу задевалась куда-то, небось, выручку стырить.

– Выручка пропала? – бросил тот, кого называли шаманом Кандой.

Приказчик поглядел на выпирающую из дверного проема лавки противопожарную снежную подушку. На его лице отразилось столько чувств, что, казалось, щеки отвалятся, не выдержат. Приказчику очень хотелось ответить «да!» – и прикарманить немалую сумму, свалив все на случайных путников. Но такая ценная мысль пришла ему в голову лишь сейчас, значит, заранее выручку-то он перепрятать не успел! И Эрлик ведает, сумеет ли, когда снежный завал разгрести начнут.

– Батюшка, он все врет! – объявила девушка. – Господин южанин с сопровождающими лицами...

– Мордами... – буркнул держащийся за лоб Хуту, с ненавистью глядя на Хадамаху. Под его пальцами вырастала и наливалась цветом роскошная гуля.

– Явился за покупками, а вот этот, – она презрительно ткнула пальцем в приказчика, – начал господина южанина оскорблять! Напугал моего бедного зайчика! И вот... – Она печально поглядела на воняющую пожаром и засыпанную снегом отцовскую лавку. – Такая потеря!

Хадамаха невольно кивнул – часть товаров из-под снега вытащат, но потери и впрямь знатные. Хорошо хоть сама лавка уцелела – бревна толстые, влажные, продержались.

– Мы еще найдем где-нибудь его горелые косточки! – продолжала всхлипывать девушка.

– Чьи? – невольно спросил шаман Канда.

– Так зайчика же! – топнула ножкой девица. – А все этот! – она снова погрозила пальцем приказчику. – Вел себя как... как дикий зверь, да-да!

Приказчик вздрогнул и втянул голову в плечи. Хадамаха ощутил неприятный, отвратительный жар в груди. Кажется, в его родных местах слово «зверь» теперь не просто слово.

– Молодая госпожа Эльг ошибается! Я ни при чем... Этот южанин ее обшаманил своими штучками! Песенки читал, весенним соловьем заливался! И красавица госпожа, и стройная, и лицо у нее белое... Сразу видать – подлещивался! – приказчик почувствовал себя как на болоте, когда под ногой вдруг оказывается спасительная кочка. – Только госпожа по наивности своей ему поверила – цап, и в мешок! И в тайгу – братьям Биату на растерзание. – И застыл в величественной позе, явно довольный своей сообразительностью.

Хадамаха поглядел на приказчика сочувственно. И вроде ничего доброго ему не пожелаешь, гнусу такому, а чего с ним сейчас бу-удет... Даже медведю боязно!

Девушка – молодая госпожа Эльг – даже не побелела, она поголубела, став того же цвета, что волосы старухи-жрицы. А потом начала краснеть, наливаясь краснотой, как летняя ягода соком, вот-вот брызнет... И брызнуло – еще как!

– По-твоему, меня стройной назвать, белолицой назвать можно, только чтобы украсть? Что красивая, только по наивности поверить могу? Уродина я, выходит, навроде нижнемировских албасы, дочек Эрлик-хана?

Без коленных чашечек – изгибающиеся,
С лицами черными, как клей,
С курчавыми волосами,
С грудями, как холмики...

– в запале прокричала Эльга, осеклась, но на Хакмара все же посмотрела – оценил ли он знание поэзии.

Хакмар оценил – вымученно улыбнулся и бросил быстрый взгляд на Аякчан. Та даже головы не повернула – стояла в окружении стражников, точно те и не стража, а личная охрана матери-основательницы. Напрасно она. На Хакмара злится напрасно – не охмури тот девичку, уже б пропали они все. И нос дерет тоже зря. Стражники не любят, когда замурзанные девчонки в лохмотьях ведут себя как гордые храмовницы – у самых лучших рука так и чешется подзатыльник отвесить. Хадамаха почесал руку.

– Госпожа меня не так поняла! – истошно, как пойманная лисой утка, вопил приказчик. – Да я на солнечную красу госпожи сам заглядываюсь!

– Да как ты смел? – взвилась Эльга. – Кто ты, а кто я? За меня уже сейчас женихи пятьдесят оленей дают! Батюшка, вы слышали, как наглый пес на вашу дочь облизывается, будто на оленье сало?

– Я сам видел, как зверь госпожу тащил! – влез с непрошеным заступничеством Хуту. – Я кинулся, спасти пытался, а он посмел поднять руку... в смысле лапу свою на человека поднял!

«Повезло тебе, что я не пес... и не заднюю лапу поднял на человека-то!» – попытался пошутить сам с собой Хадамаха. Выходило вовсе не смешно.

– Спасти – это оставить посреди горячей лавки? – Эльга одарила Хуту презрительным взглядом. – Батюшка, он вашу дочь убить хотел! Может, он ваш тайный враг? – невинно сообщила она отцу. И с нежным придыханием добавила: – А спас меня господин южанин!

Аякчан отвернулась и стала глядеть в бревенчатую стену лавки.

«Хорошо устроился Хакмар, – меланхолично подумал Хадамаха. – Таскаю девчонок я, а спасает их он!»

Окончательно обалдевшие от обвинений, Хуту и приказчик открыли рты...

– Хватит! – веско обронил старый шаман. И все и впрямь замолчали: и девушка, и приказчик. – А ты что скажешь, шпион братьев Биату? – обратился шаман к Хакмару.

– Скажу, что не знаю, кто такие братья Биату, – устало ответил Хакмар. – Я торгую железом, в местные дела не лезу.

– И медведь с тобой случайно оказался, – усмехнулся шаман.

– Медведь со мной, уж конечно, не случайно, – рассудительно сказал Хакмар.

Хадамаха невольно оскалился – медведь, значит? Умгум.

– Я здешних мест не знаю, мне носильщик да проводник нужен был, – продолжал Хакмар.

– Мало людей-проводников? – буркнул Хуту.

– Медведь все ж таки лучше, – ответил Хакмар... и шагнул в сторону, уклоняясь от удара древком копья. Копье звучно булькнуло по натекшей из дверей лавки воде.

– Хуту! – перекрывая гневный вопль дочери, гаркнул шаман. – Тебе кто велел?

– Вы слышали, господин Канда, чего этот южанин сказал? – дрожа, как в лихорадке, вскинулся Хуту. – Что медведи лучше людей!

– Он только хотел сказать, что медведям в тайге самое место, правда, господин южанин?! – побледнев, и в этот раз, кажется, от страха, вмешалась Эльга и умоляюще поглядела на Хакмара.

– Разберемся, – сквозь зубы процедил шаман Канда. – Моя лавка сгорела, – обводя всех недобрый взглядом, бросил он. – И я найду, кто в этом виноват! – Его тяжелый взгляд остановился на Хадамахе.

– Батюшка, господин южанин... и медведь его... мне жизнь спасли... – пролепетала девушка, и Хадамаха был ей за это признателен.

– Помню! Разберемся, – отрезал старик Канда. – И кто виноват в том, что я с вами время теряю, когда такое дело важное... – он оборвал сам себя, будто сказал лишнее, и рывкнул на приказчика: – Ты! Остаешься здесь! Убытки считать будешь!

– Так под снегом все! – заикнулся приказчик.

– Лопату в руки и разгребай! – с ласковостью, от которой мороз драл по коже, сказал старик. – Пока товары, что Огонь пощадил, вода не доконала. А вы, госпожа жрица, извольте домой. Отдыхать, травки пить, которые я вам прописал, для здоровья шибко полезные... – подхватывая старуху-жрицу под руку, проворковал шаман.

Жрица вздрогнула, точно спала стоя, обвела окрестности тусклым взглядом и прошамкала:

– Сдается, мне здесь делать нечего!

– Вовсе нечего, только отдыхать, госпожа жрица нам нужна здоровенькая, потому как куда ж мы без вас, пропадем вовсе... – заворковал шаман. Жрица закуталась в парку и поковыляла прочь, тяжело опираясь на плечо шамана.

Аякчан задумчиво уставилась ей вслед: словно решала, не является ли ее долгом матери-основательницы прикончить дряхлую сестричку на месте, прежде чем та натворит бед.

– И ты тоже пошла домой! – обернулся Канда к дочери. – А этих – ко мне в белый чум! – скомандовал он стражникам. – Отдай им свой меч, – велел он Хакмару.

Хадамаха понял, что драться все-таки придется. И бежать потом тоже. Если, конечно, в драке они победят. Потому что гордый мастер-южанин, наследник клана, никогда не отдаст свой меч.

– А залог? – тоном завязтого торговца вдруг сказал гордый мастер-южанин. – Только на рожи ваших стражников глянешь, сразу ясно – вместо моего, настоящего южного, железяку какую подсунут и скажут, что так и было. Залог давайте, потом меч получите. – Он поглядел на разоренную лавку и деловито нахмурился: – Хотя не знаю, что у вас, уважаемый хозяин, осталось равноценного.

– Можно, я ему все ж таки вдарю, господин Канда? – попросил Хуту.

– Помолчи... – обронил Канда. Окинул Хакмара полным сомнения взглядом и пробормотал: – Глядишь, и впрямь торговец. Хорошо, меч оставишь. Ежели сбегёте, мне легче, сразу знать буду, кто виноват! – усмехнулся он. – В чум и пусть ждут, – снова велел он стражникам. – Не до них сейчас, гость важный у меня. – И он бережно повел жрицу по улице. Эльга еще мгновение постояла и припустила следом за отцом, то и дело оглядываясь на Хакмара.

– В подвал их? – радостно крикнул вслед шаману Хуту. Тот не обернулся.

Ученик шамана растянул губы в подобострастной, заискивающей улыбочке, странно контрастирующей с непроницаемым взглядом темным глаз.

– Извольте простить-извинить, главный начальник-стражник! – кланяясь так, словно переламывался в поясище, забормотал он. – Никак не можно их в подвал!

– Ты мне не указывай, что можно, чего нельзя! – рявкнул Хуту, но голос молодого стражника звучал неуверенно.

– Как я могу указывать начальнику-стражнику? – удивился ученик шамана. – Никак не могу! А господин белый шаман Канда может. Если господин шаман не говорил в подвал, значит, нельзя в подвал. Нужен господину шаману подвал. В комнаты ведите, как господин белый шаман Канда велел. – И больше даже не глянув на пленников, заторопился за господином. Хадамаха, Хакмар и Аякчан дружно проводили его взглядами и так же дружно установились в разные стороны.

– Чтоб этого Донгу Эрлик забрал! – недобро глядя в спину шаманского ученика, процедил Хуту. – Вроде кланяется, уважительные слова говорит, а сам будто тоже из этих... зверьков! Из змей...

– Донгу, говоришь... – прошептал Хадамаха.

– Да ты сдурел никак – чтобы я, человек, вдруг с животным разговаривал? – вскинулся Хуту. – А ну пошел! Господин Канда велел в чум, значит, в чум!

Свиток 11, где события развиваются в белом чуме белого шамана Канды, но куда именно развиваются, еще непонятно

Это белый чум белого шамана? – обалдело спросил Хадамаха, когда они пересекли площадь – при виде стражников так называемые торговцы снялись с мест, точно утиная стая, и с таким же крикливым гоготанием.

– А чего, черный разве? – даже обиделся дядька Бата.

– Да скорей синий... – задумчиво сказал Хадамаха.

Перед ним был дом. Обыкновенный ледяной дом, точно как в далеком Сюр-гуде, да еще не в самых богатых кварталах – стены не украшали ни замысловатые ледяные скульптуры, ни даже узорная резьба. Ну да, где тут, почитай, в тайге, настоящего художника по льду найдешь? Зато у входа стояли два грубо тесанных столба духов – Владыка верхних небес Эндури да еще... Калтащ. Физиономии духов казались удивленными: точно те не могли понять, что делают здесь, у входа, будто слуги перед приходом гостей. Хадамаха злорадно покосился на столб Калтащ – так некоторым и надо, которые людей истреблять собираются!

– Что, обалдел, зверек? В своей тайге такого не видел? – прошипел Хуту.

– В тайге не видел, – согласился Хадамаха и поморщился, представив, как смотрелся бы этот дом под елками. Он и здесь-то не очень. Хадамаха огляделся, вспоминая, как выглядели окрестные дома раньше, до его отъезда. Веселые, задорные даже, точно им радостно было хлопать дверями да ставнями, прислушиваться к гомону торгов. От них тянуло запахом свежей стружки и съестным из печных труб. Сейчас от них ощутимо пахло гнильем – гнили венцы под крышей. Рядом тес с крыши вовсе осыпался. Еще один дом стоял пустой, пилился глазницами окон, как непогребенный покойник.

– Ишь, зыркает! Кого ограбить ищешь? Ничего тебе не обломится, – насмешливо объявил Хуту.

Хадамаха невольно кивнул – это точно! Даже хотел бы грабить – так некого!

– Нагляделись? Шагайте дальше! – скомандовал Хуту. – Этот ход для господина шамана и его гостей, вам не по чину! К черному давайте, – копьём указывая за угол дома, велел он.

– Разве твой шаман – черный, что у его чума черный ход есть? – впервые за всю дорогу отозвалась Аякчан.

Хадамаха чуть не взвыл – а тон, тон! Госпожа мать-основательница Храма обнаружила нарушение храмовых законов. Плевать, что сама черному шаману – небесная жена, что лохмотья вот-вот с тощих плеч свалятся. Нет, сейчас она точно огребет.

– Эндури с тобой, девка! – Бить Аякчан дядька Бата не стал – похоже, не столько разозлился, сколько удивился. – Столько в тайге просидела, что даже не знаешь? Черных шаманов уже тыщу Дней как нету!

– Какие интересные вещи вы рассказываете, господин стражник! – обронила Аякчан.

«Нее-ет, я ее сам сейчас стукну!» – решил Хадамаха.

– А черный ход у господина шамана Канды не для духов вовсе, а для прислуги и всяких вроде вас... проходимцев! – буркнул Хуту.

Возле черного хода стоял вовсе не столб с бородатой и рогатой физиономией папаши Аякчан, подземного Эрлик-хана, а обыкновенная деревянная бадья. Бедно одетая девочка Дней девяти, привстав на цыпочки, вывернула в бадью ведро с рыбой чешуей. Выскочив-

шая из-за угла тощая псина ухватила упавший рыбий хвост и уволокла в темноту проулка. Девчонка проводила ее тоскливым взглядом – сдается, и сама бы не прочь хвостик погрызть. Покосилась на стражников и шустро нырнула обратно в дом. Ребята последовали за ней.

– Ага, и по полу в настоящем доме тоже никогда не ходил? – возразился Хуту новым несовершенствам ненавистного зверька.

– По такому – никогда, – согласился Хадамаха.

Да и господина белого шамана Канду, сдается, в нормальном доме дальше дверей не пускали. Иначе он бы знал, что полы в ледяных домах покрывают половиками: кому это надо, в собственную спальню кубарем катиться? Здесь от порога тянулся гладкий, ничем не прикрытый ледяной пол. А вокруг ледяные стены. И сверху ледяной потолок.

– Как в сосульке, – приподнимая брови, хмыкнул Хакмар.

– Много ты понимаешь, южанин! – отрезал Хуту, который, похоже, гордился и этим домом, и ледяным полом, точно они были его собственные. – Вы вообще в пещерах живете, потому глаза у вас света не выносят! Как День приходит, сразу слепнете, если спрятаться не успеете! Иди давай! – подтолкнул он ошавевшего от новых сведений о природе южан Хакмара.

То мелко перебирая ногами, то скользя подошвами торбозов, Хадамаха двинулся по коридору.

– Направо сворачивай, направо! – заорал сзади дядька Бата.

Упершись ногой в стену, Хадамаха тормознул и вкатился в незанавешенный дверной проем, втянув за собой Аякчан. Хакмар чуть не кубарем влетел следом.

Видать, эта комната у шамана Канды служила специально для ожидания – вдоль стен стояли деревянные нары, как в чумах. Но оставляли тут лишь просителей незначительных – на те нары даже гнилой шкуры бросить не удосужились.

– Здесь ждите! – заглядывая внутрь, скомандовал Хуту. – Господину Канде понадобится, он вас позовет. Если, конечно, вовсе не забудет. Тогда я о вас вспомню! – последние слова прозвучали откровенной угрозой.

Хадамаха мрачно поглядел ему вслед.

– Этот поганец, родной брат поганки, тебя за человека не считает, – заключила Аякчан.

– Раньше такого не было, – хмуро буркнул Хадамаха, усаживаясь на лавку.

Как учил в Сюр-гуде господин тысяцкий: поглядим, чего имеем. Раньше было поселение, теперь стал город. Раньше торговля на площади была – теперь нету. Раньше лавки шамана Канды, как и самого шамана, не было, теперь есть. После их с ребятами появления лавки стало меньше, чем раньше, но все-таки... Раньше Мапа, да Амба, да люди местные, случалось, друг друга обзывали вертихвостыми, да косолапыми, да голозадыми (это про людей, если кто не понял). И дрались на ярмарках, бывало, – как раз по поводу наличия или отсутствия хвоста. Но чтобы вот так! Больше всего Хадамаху интересовали не злобствования Хуту, а крик дедка с ковриком, будто такие, как Хадамаха, всю дичь выловили, люди голодают. Дичи в окрестностях и впрямь нет. А шкуры на полках у Канды есть. Были. До пожара.

И что про такие дела думают сами Мапа да Амба? В поселении... виноват, городе он пока ни одного не видел.

Хадамаха сильно потянул носом. В воздухе стоял ощутимый только ему одному аромат большой охоты. Больше даже, чем на черную женщину, албасы чэк-наев! Только теперь этот будоражащий аромат не радовал, как раньше, отдавая горьким смрадом пожарища.

Мелькнула голубая искра, Хакмар отлетел на середину expectantного покоя и грянулся спиной об лед.

– Не подходи ко мне! – сквозь зубы процедила Аякчан. – Я чернолицая дочка Эрлик-хана...

Хадамаха спрятал невольную улыбку: как Аякчан ни терла физиономию снегом, а некоторая чернолицесть осталась. Особенно на ушах.

– С коленками у меня непорядок, и груди тоже... – Аякчан поглядела на свою грудь и мстительно закончила: – Как холмики!

Хакмар невольно поглядел туда же... и начал краснеть так, что Хадамаха аж разволновался – не Рыжий ли огонь черному кузнецу в башку ударил?

– Очень симпатичные холмики! – сдавленно пробормотал Хакмар.

На ладони Аякчан возник светящийся шар.

– Это не я ту шаманскую песню говорил! – возо пил Хакмар.

– Ты ей про молодость и светлую кровь говорил! Песнь из земли Сахи – из моей земли! Мне так песен не говорил! Еще День минет – ей шестнадцать стукнет! Тогда за нее не то что пятьдесят оленей – сухой юколы никто не даст, за перестарка!

– У меня все равно оленей нет! – взвыл Хакмар.

– А были бы, сразу отдал бы, да? Любишь шестнадцатидневных старух? – немедленно заключила Аякчан, отводя руку с шаром для броска.

– Хадамаха, хоть ты ее уйми! – взмолился Хакмар.

– Меня не проси – ты меня медведем обозвал, – ухмыльнулся Хадамаха.

– Ты обиделся? – на растерянного Хакмара было жалко смотреть. – Я же специально, для тех стражников, чтобы...

– Он не обиделся, – вдруг вмешалась Аякчан. Девушка утихомирилась, словно бушевавший в ней Огонь разом опал и спрятался в каком-то тайном хранилище. Сейчас она была грустна и спокойна. – Он намекает, что мне глупо обижаться: песни ты той девке говорил тоже «специально, чтобы...», – передразнила она.

– Сразу видно мать-основательницу Храма – в глубь чужих душ смотрит, точно Огнем там освещает! – торжественно провозгласил Хадамаха. Только видит не то – по правде, он и в самом деле обиделся. Хотя и сам же не понимал – почему. Тупо же, будто не Мапа он, а пень таежный, и стыдно – Хакмар все правильно делал, – но желание врезать кузнецу медвежьей лапой не ослабевало.

– А о девушке вы подумали? – все так же грустно и спокойно спросила Аякчан.

Парни поглядели друг на друга, как в зеркало: Хадамаха был уверен, у него такая же обалдевшая физиономия, как у Хакмара.

– Какой девушке? – наконец выразил общее недоумение Хакмар.

– Теперь вы даже не понимаете, какой! – горько усмехнулась Аякчан. – Девушка живет одна в захолустье, с таким вот папашей. Из парней подловатый приказчик да ненормальный стражник. И вот является красавчик с острым мечом... – Она окинула Хакмара презрительным взглядом и припечатала: – И облезлой рожей! Стишки ей читает. Девушка раз – и втюрилась! А на самом-то деле прав подлый приказчик! Про белолицость да стройный стан наш облезлый красавчик не из любви, а заради выгоды рассказывает!

– Опять я виноват? – взвился Хакмар.

– А кто – я разве?

– Почему обязательно кто-то должен быть виноват?

– Мама-Уот, ты его слышишь? – подняла глаза к потолку Аякчан. – Мне так плохо, так больно, и что же – никто-никто в этом не виноват?

Хадамахе показалось, что ему холодной мокрой лапой провели по хребту. Наверное, и Калтащ так: ей больно, ей плохо, вот она и ищет виноватых. И быстро находит – весь людской род! И Седна тоже... Девчонки!

– Айка, ну ты что! – примирительно начал Хакмар, похоже теперь уже не знающий – сказать, что ему юная госпожа Эльга и даром не нужна, или поостеречься?

– Я думал, мы про этого поговорим... шаманского ученика Донгу... – влез Хадамаха.

– Чего там про него наговариваться? – огрызнулась Аякчан. – Он тут – значит, скоро явится. Еще не будем знать, как избавиться!

Послышались шаги, и в дверном проеме показался человек. В первый миг Хадамахе показалось, что вошел Донгар. Мгновением позже он понял, что человек много старше, хотя морщины на его лице появились скорее от долгих странствий и лишений, нежели от возраста.

– Доброе Утро, уважаемые! – глядя на ребят блестящими, быстрыми, как у птицы, глазами, весело улыбнулся незнакомец. – Шамана Канду дожидаетесь? Тогда и я с вами! – усаживаясь на скамейку, объявил он. – Забирать снаряжение приехал, а тут бегут, торопят – шаман Канда просит, зайдите, сделайте милость! Зачем? Почему? Ничего не объяснили. Вас тоже пригласили?

– Умгум, – настороженно глядя на незнакомца, буркнул Хадамаха. – Настоятельно! – И невольно потер бок, куда Хуту все-таки успел заехать древком копья.

– Мне кажется, я вас знаю... – всматриваясь в Хадамаху, продолжал человек. – Или кого-то очень похожего на вас! Вы, простите, местный или приезжий?

– Сейчас приезжий, а так вроде местный, – неохотно ответил Хадамаха. И чего привязался – общительный какой! Из-за него и не поговоришь. – Я сын Эгулэ из племени...

– Мапа! – вместо Хадамахи закончил мужик и, кажется, обрадовался. – Тогда я вас и впрямь знаю – вы тот самый знаменитый Хадамаха, который лучше всех играет в каменный мяч! Вы на отца похожи. Похожи ли вы на брата, не скажу... – окидывая Хадамаху веселым взглядом, заключил он. – Совсем не знаю его с такой стороны. – Он хмыкнул.

– Вы знаете моих родителей? – охнул Хадамаха.

– Я живу от вас неподалеку. Замечательные у вас родители, доложу я вам! Особенно мама – исключительная женщина!

Хадамаха понял, что мужик ему определенно нравится.

Послышался быстрый топот, и в покой влетела давешняя бедно одетая девушка.

– Уважаемый-почтенный-господин-самый-главный-начальник! – переламяваясь в поклоне, выпалила она и остановилась, хватая ртом воздух после стремительного бега.

Хадамаха заинтересованно поглядел на ее ноги – и как она могла так мчаться по ледяному полу? И увидел тапки, подбитые камусом². Такие же тапки красовались на «господине-самом-главном-начальнике». Видать, ящик с тапками стоит у парадного входа – только для почетных гостей.

– Совсем не надо называть меня так длинно...

– Уважаемый почтенный господин главный начальник! – сократив титулование ровно на одно слово, снова переломилась в поклоне девушка. – Вас не туда привели! – в ее голосе звучало отчаяние. – Господин белый шаман Канда ждет вас у себя в покое – так ждет! Пойдемте, господин, пойдемте!

– Пойдемте, коли надо... – растерянно кивнул «главный начальник». И повернулся к Хадамахе: – Не знаю, надолго ли я тут, но ежели разминемся, увидимся у вас, в стойбище. Я передам вашим родителям, что вы вот-вот прибудете. Еще и на торжественную встречу попрошусь – обожаю лепешки вашей матушки! – он подмигнул.

– Пойдемте, господин! – взмолилась девушка. – У нас тоже есть лепешки, у нас самые вкусные лепешки!

– Идем, идем, деточка... – удивленно согласился незнакомец.

И пошел. Хадамахе показалось, что испуганной девочке очень хотелось схватить его за руку и поволочь за собой так же отчаянно, бегом, как она примчалась сюда.

---

2 Подкладка из жесткой оленьей или лосиной шкуры, обычно ставится на охотничьи лыжи, чтобы не скользили.

– Странная какая девочка! – пробормотал Хакмар. – Руки-ноги на месте, и не уродина вроде, а все равно смотришь на нее, и такое ощущение, что она... калека!

– Она калека, – тихо согласился Хадамаха. Друзья вопросительно уставились на него. Пришлось объяснять, хотя вовсе и не хотелось. – Она из женщин-птиц, есть у нас такие, в скалах живут. За человеческих мужчин часто замуж идут... шли... – подумав, добавил он. Если уж нынче человеки, хоть и голозадые, а на медведя хвосты поднимают, крылатым женам доброго ждать не приходится. – У людей с крылатыми и раньше не всегда ладно выходило. Когда я малой был, одна женщина-птица от мужа улететь решила и ребенка с собой забрала. Небо ее позвало или еще что... Только муж ее поймал да крылья с клювом выдернул.

Аякчан невольно сжалась, словно это ей рвали со спины крылья – с мясом, по живому...

– Говорят, сына любил очень, вот и рехнулся вовсе, когда жена мальчика забрала, – покачал головой Хадамаха. – В чужую семью, конечно, лезть не могли, но среди Мапа поступок человеческого мужика и тогда не одобрили. Эх, не та ему жена досталась, попробовал бы он у медведицы чего вырвать, раз такой смелый! Вот у нее лицо как у этой девчонки было, – печально закончил Хадамаха. – Пока человек – вроде ничего, только странная, а ежели в птицу перекинется... – он безнадежно махнул рукой.

– Но она же маленькая! Она ничьих детей забрать не могла! – возмутилась Аякчан.

– Она младшая жена шамана Канды, однако. Ее за долги отдали, – сказали в ответ негромко. – Пока маленькая она, Канда на ней не совсем еще женился, а как подрастет да косы заплетет – совсем женится, по всем правилам. А клюв с крыльями вырвал, чтобы до тех пор не улетела.

Свиток 12, в котором снова появляется Донгар и хочет во всем разобраться

Донгар стоял, привалившись к дверному косяку, – привычно встрепанный, нескладный, тощий, в обтерханной старой парке. Хадамаха радостно шагнул ему навстречу и остановился. Донгар был... такой же, да не такой. Словно за то недолгое время, что они были врозь, успел стать намного старше. Хадамаха оглянулся на ребят. Хакмар глядел на давнего... друга? соперника? Хадамаха по сей День не понимал, как эти двое относятся друг к другу! Хакмар глядел на Донгара изучающе – и сдается, удивлялся. Точно встретил новый, неведомый ему сорт железа. Зато Аякчан откровенно испугалась. Глазищи в пол-лица, а рука поднята в защитном жесте – она отчаянно походила на изготовившуюся к бою тигрицу-Амба. Мапа хорошо знают, что обороняющаяся Амба бывает страшнее нападающей!

– Есть тут хоть кто, чтобы шаману Канде должен не был? – ворчливо поинтересовался Хадамаха.

– Пока не встречал, однако, – обстоятельно сообщил Донгар. – Ай-ой, здороваться-то будем? – произнес он, окидывая сотоварищей вопросительным и, кажется, даже насмешливым взглядом (это у Донгара-то! Вот уж точно – шаманство!). – Охать, однако, ахать, по плечам хлопать, обниматься, целоваться?

– Облезешь... насчет поцелуев, – слабым голосом отозвалась Аякчан.

Скользящим движением Донгар оказался рядом с Хакмаром и, бесцеремонно ухватив того за подбородок, запрокинул ему голову назад, изучая шелушащуюся физиономию:

– Облез тут кое-кто другой, однако! Неужто недоцеловали?

– Донгар, ты это чего? Иронизируешь? – испуганно высвобождаясь от хватки черного шамана, спросил Хакмар.

На физиономии Донгара на миг мелькнуло старое, привычное загнанное выражение.

– И откуда вы эти слова страшные берете? Не иначе как сами придумываете, чтобы надо мной посмеяться!

– Он как раз хотел спросить, не смеешься ли ты над ним! – вмешался Хадамаха.

– Смеюсь, однако! – согласился Донгар. – Ты рожу свою видел? Над такой или смеяться, или уж плакать! Я тебе специальную примочку сварю, приложишь, все пройдет.

– Сколько прикладывать-то? – проводя рукой по облезающим щекам, невольно заинтересовался Хакмар.

– Ай-ой, немного, День-два...

– Сколько? Ты издеваешься, черный! – взвился Хакмар.

Донгар странно хихикнул, будто и сам не понимал, что смеется, да и забыл давно, как это делается. В глазах его, бездонных и непроницаемых, как омуты черной воды, промелькнули алые Огненные росчерки и погасли.

– Ладно тебе, разок-другой приложишь – и хватит! Кожа будет нежная да розовая... как у младенца попа. Но тут уж ничего поделать не могу, потерпеть придется! – развел руками Донгар. – Я рецепт примочки у Канды подглядел – знающий шаман, хоть и гнусь редкостная, – равнодушно закончил он.

– Я не понимаю! – Аякчан прижала ладони ко лбу. – Что Великий Черный Шаман Донгар Кайгал... – Аякчан произнесла полный титул с насмешкой... а вроде бы и не совсем с насмешкой, вроде бы и всерьез, – делает в учениках у наглого белого, который ведет себя со жрицей Голубого огня, будто та умалишенная?

– Старуха-жрица просто старая очень, – кротко вступился Донгар. – Так-то она неплохая жрица, когда не спит.

– Я всегда считал, что жрица хороша, только когда спит, – буркнул Хакмар. – Желательно мертвым сном.

Аякчан не обратила на его слова внимания – как на шум ветра в соснах.

– Ты ощутил острую нехватку шаманского образования? – продолжала наседать она на Донгара. – Он про тебя знает, этот белый? – И сама же ответила вместо Донгара: – Как он может не знать? Вокруг вас же, шаманов, эти духи-помощники крутятся, наверняка ему доложили...

– Вот эти духи крутятся, однако? – спросил Донгар, тыча пальцем над головой Аякчан. Та невольно глянула вверх, на лице ее промелькнуло недоумение – пусто же, нет никого...

Донгар звучно хлопнул в ладоши.

– Ау-р-р! – из горла Хадамахи невольно вырвался медвежий рев.

На него обрушился скрипучий вой десятка скандалящих глоток. Прямо перед ним висела перекошенная злобой морда, темная и бугристая, как подгнивший гриб. Крохотные глазки-бусинки с невыносимой яростью пялились прямо в глаза, а похожий на стебель папоротника палец тыкал Хадамахе в нос. Ра зевая длинную и узкую жабью пасть, существо орало:

– Медведь! Здесь медведь! Хозяин не любит медведей! Вон из чума, во-о-он!

Тварюшки, похожие на розовых червяков, но с головами сморщенных старцев, зависли у Хадамахиных ушей, вопя:

– Хозяин его впустил, хозяин сам знает, что делает, тебя не спрашивает! Хозяин впустил – хозяин знает!

– А я говорю, во-он! Во-он!

Приплясывая то на одной паре лап, то на другой и заходясь натуральным собачьим лаем, вокруг Хакмара скакала лисица с беличьей головой на плечах. Жирная выдра с похожим на маску личиком крепко спящей девушки на покрытой шерстью голове утробно выла, норовя укусить за ногу. Зубки у нее были размером с тигриные клыки. Хакмар с воплем вскочил на скамью, но выдра тут же воспарила в воздух, руля толстым хвостом. С десятков крохотных горбатых старушек, непрерывно галдя, пытались вцепиться Аякчан в волосы. Та отмахивалась, как от мошкар, потом злобно зашипела и выпустила рой синих искр с пальцев. Старушки с визгом драпанули прочь и закружились под потолком. Полупризрачный ворон, похожий на клубок дыма от костра, пронесся сквозь их хоровод. Клюв у ворона был зашит толстыми нитками из оленьих жил, так что единственным шумом, который он добавлял в общую какофонию звуков, было отчаянное хлопанье крыльев – совсем как у живого ворона. Хадамаха увидел среди прыгающих, ползающих по полу и потолку существ еще несколько с накрепко зашитыми пастями.

– За что их так? – нервно спросил он, хотя был не против, чтобы и остальных тоже заштопали – скандал над его головой перешел в сплошной нечленораздельный визг.

– А это те, кто про меня шаману Канде рассказать грозился, – холодно обронил Донгар.

Чпокнул воздух, и существо, похожее на пучок скрученных корней, зависло перед Донгаром, неистово извиваясь и тряся торчащими во все стороны отростками. Поперек него тоже красовалась грубая штопка, запечатывая то, что заменяло существу пасть.

– Ты не грозился, – согласился прекрасно понявший его дерганья Донгар. – Ты у нас умный, однако, ничего не говорил, только думал, что расскажешь, как День вернется да хозяин снова вас видеть-слышать начнет. – Его губы растянулись в усмешке настолько жуткой, что Хадамаха невольно содрогнулся. – Неужто и впрямь верил, что я твоих мыслей не почую? – И взмахом руки Донгар отшвырнул существо в сторону. – Забыли духи, кто такие черные, – недобро сказал он. – Разбаловались при одних белых-то. Белые шаманы – слабые

шаманы, однако. Пока День не придет, собственных тёс, духов-помощников, и тех видеть не могут. Приходи злой черный, обычным мальчишкой прикидывайся, в ученики просись, чужих духов гоняй, а белый даже не знает ничего, не чувствует...

– А что потом? – стараясь увернуться от охотящейся за его ногами выдры, спросил Хакмар. – Скоро свет появится, Канда своих духов увидит и...

– Молчать будут духи, – перебил его Донгар, и в голосе его была несокрушимая уверенность. – Где черный шаман – там духи место знают!

Хадамаха ощутил, как в животе Огненным шаром вскипает ужас. Все хотят поставить других на место! Донгар – духов, духи – людей... Местные – его, Хадамахиных, соплеменников. Еще про жриц вспомнить да про горцев-оружейников... Ему вдруг представились все три Сивир-земли, кипящие, как три гигантских котла, где каждый вцепляется в глотку каждому – авахи крошат в мелкую сечку небожителей-аи, а те – людей... Хотя слабоваты аи против людей...

– Ты не о том спрашиваешь, Хакмар! – Хадамаха попытался отогнать жуткое видение то ли бывшего, то ли будущего. – Зачем ты здесь? – перекрикивая галдящих духов, требовательно спросил он у Донгара. – Зачем нас Калтац сюда отправила? Что творится на моей земле, от чего всему Сивиру опасность, а Калтац с Седной людей истребить грозятся?

– Нехорошо с вами поступила бабушка Калтац, неправильно, – осуждающе покачал головой Донгар. – Однако вовремя, – неожиданно заключил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.